

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ISSN: 2313-6138



НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО

УНИВЕРСИТЕТА

2025
ТОМ 12

№ 2
апрель-июнь

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

**ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Том 12 Номер 2 Апрель-Июнь
2025



SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

BULLETIN

**OF THE LAW FACULTY,
SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY**

Volume 12 Issue 2 April-June
2025

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

2025 Том 12 Номер 2 Апрель-Июнь

Учредитель: *Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный университет»*

344006, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

Адрес редакции, издателя: 344002, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88, к. 321

тел./факс: +7 (863) 240-36-10; email: vestnik@sfnu.ru; сайт: <http://urvestnikpravo.sfnu.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-83319 от 19.05.2022). Периодичность выхода: 1 раз в квартал
ISSN 2313-6138 / DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2

Входит в систему РИНЦ (лицензионный договор № 537-09/2014) Подписной индекс Е33060

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *Овчинников А. И.*, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета

Ответственный редактор: *Тищенко Е. В.*, кандидат юридических наук, доцент

Ответственный секретарь: *Фролова Е. Ю.*, кандидат юридических наук, доцент

Помощник главного редактора: *Конопий А. С.*, кандидат юридических наук

Артеменко Н. В., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета

Волова Л. И., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права юридического факультета Южного федерального университета

Зиновьев И. П., кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Южного федерального университета

Колесников Ю. А., доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой финансового права

юридического факультета Южного федерального университета

Ляхов Ю. А., доктор юридических наук, профессор

Малина М. А., кандидат юридических наук, доцент

Овсеян Ж. И., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой государственного (конституционного) права юридического факультета Южного федерального университета

Селиванова Е. С., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права

юридического факультета Южного федерального университета

Смагина Е. С., доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского процессуального и трудового права юридического факультета Южного федерального университета

Степанов К. В., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета

Цыганенко С. С., доктор юридических наук, профессор

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, помощник начальника Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации по инновационному развитию научной деятельности

Баранов П. П., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС

Бондарь Н. С., доктор юридических наук, профессор, Судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке

Бирюков П. Н., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права

Воронежского государственного университета

Васильев А. А., доктор юридических наук, Директор института права АлтГУ

Величко А. М., доктор юридических наук

Славкович В., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Колледж криминалистики и безопасности в Сербии (город Ниш)

Гайстенгер М., доктор права, профессор Университета Зальцбурга

Корецкий Д. А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета

Левушкин А. Н., доктор юридических наук, профессор

Ляхов Е. Г., доктор юридических наук, профессор, Вице-президент Ассоциации Международного права

Мамитова Н. В., доктор юридических наук, профессор, РАНХиГС

Мамычев А. Ю., доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований, факультет политологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Небратенко Г. Г., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Академии управления МВД России

Оганесян В. А., доктор юридических наук, профессор Ереванского государственного университета, зам. председателя Конституционного Суда Армении

Ристов А., профессор, доктор права, доцент юридического факультета Iustinianus Primus

Университета Св. Кирилла и Мефодия в Скопье, Республика Северная Македония

Зражевская Т. Д., доктор юридических наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области

Толочко О. Н., доктор юридических наук, зав. кафедрой международного права, Белорусский институт правоведения, г. Минск

Турлуковский Я., кандидат юридических наук, доцент кафедры коммерческого права факультета права и администрации, Варшавский университет (Республика Польша)

Цыбуленко З. И., доктор юридических наук, профессор Саратовской государственной академии права

Шапсугов Д. Ю., доктор юридических наук, профессор

Шатковская Т. В., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС

Яценко Т. С., доктор юридических наук, профессор, руководитель департамента частного права,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Yoruanys Suñez Tejera, доктор юридических наук, профессор Университета Сьенфуэгос «Карлос Рафаэль Родригес»

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL
BULLETIN OF THE LAW FACULTY, SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY

2025 Volume 12 Issue 2 April-June

Established by: Southern Federal University

(a Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education)

105/42 Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, Rostov Oblast 344006, Russian Federation
Editorial Office: 88 M. Gorkogo Street, office 321, Rostov-on-Don, Rostov Oblast 344002, Russian Federation
phone/fax: +7 (863) 240-36-10; email: vestnik@srfedu.ru; website: <http://urvestnikpravo.srfedu.ru>

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (Registration Certificate FS77-83319 dated 19.05.2022)

Publication frequency: 1 time per quarter. ISSN 2313-6138 / DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2

Included into the Russian Science Citation Index System (Licence Agreement 537-09/2014) Subscription Index E33060

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *Ovchinnikov, A. I.*, Doctor of Law, Professor, Head of Department of Theory and History of State and Law, Law Faculty, Southern Federal University

Responsible editor: *Tishchenko, E. V.*, PhD in Law, Associate Professor

Executive Secretary: *Frolova, E. Yu.*, PhD in Law, Associate Professor

Assistant to the Editor-in-Chief: *Konopiy A. S.*, PhD in Law

Artemenko, N. V., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Criminal Law and Criminology, Law Faculty, Southern Federal University

Volova, L. I., Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of International Law Law Faculty, Southern Federal University

Zinoviev, I. P., PhD in Law, Associate Professor, Dean of the Law Faculty of the Southern Federal University

Kolesnikov, Yu. A., Doctor of Law, Associate Professor, Head of Department of Financial Law, Law Faculty, Southern Federal University

Lyakhov, Yu. A., Doctor of Law, Professor

Malina, M. A., PhD in Law, Associate Professor

Hovsepyan, Zh. I., Doctor of Law, Professor, Head of Department of State (Constitutional) Law, Law Faculty, Southern Federal University

Selivanova, E. S., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Civil Law, Law Faculty, Southern Federal University

Smagina, E. S., Doctor of Law, Associate Professor, Head of Department of Civil Procedure and Labour Law, Law Faculty, Southern Federal University

Stepanov, K. V., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Faculty, Southern Federal University

Tsyganenko, S. S., Doctor of Law, Professor

EDITORIAL COUNCIL

Baranov, V. M., Doctor of Law, Professor, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the innovative development of scientific activity

Baranov, P. P., Doctor of Law, Professor, Head of Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of the RANEPА

Bondar, N. S., Doctor of Law, Retired Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation

Biryukov, P. N., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International and Eurasian Law of Voronezh State University

Vasilyev, A. A., Doctor of Law, Director of the Institute of Law of the AltSU

Velichko, A. M., Doctor of Law

Slavkovich, V., Doctor of Law, Professor, Professor, Department of the criminal law, criminal procedure and criminalistics, College of criminalistics and security in Serbia (City of Nish)

Geistenger, M., Doctor of Law, Professor of the University of Salzburg

Koretsky, D. A., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Southern Federal University

Levushkin, A. N., Doctor of Law, Professor

Lyakhov, E. G., Doctor of Law, Professor, Vice President of the International Law Association

Mamitova, N. V., Doctor of Law, Professor, RANEPА

Mamychev, A. Yu., Doctor of Political Sciences, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Laboratory for Political and Legal Studies, Department of Political Science, M. V. Lomonosov Moscow State University

Nebratenko G. G., Doctor of Law, Professor, Head of Department of Theory and History of State and Law, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Oganesyan, V. A., Doctor of Law, Professor at Yerevan State University, Deputy Chairman of the Constitutional Court of Armenia

Ristov, A., Professor, Doctor of Law, Associate Professor, Justinianus Primus Faculty of Law, Ss. Cyril and Methodius University in Skopje, Republic of North Macedonia

Zrazhevskaya, T. D., Doctor of Law, Professor, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region

Tolochko, O. N., Doctor of Law, Head of Department of International Law, Belarusian Institute of Law, Minsk
Turlukovsky, J., PhD in Law, Associate Professor at the Department of Commercial Law, Faculty of Law and Administration, University of Warsaw (Poland)

Tsibulenko, Z. I., Doctor of Law, Professor of the Saratov State Academy of Law

Shapsugov, D. Yu., Doctor of Law, Professor

Shatkovskaya T. V., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State at the Law Institute of RANEPА

Yatsenko, T. S., Doctor of Law, Professor, Head of the Private Law Department, National Research University Higher School of Economics

Yoruanys Suñez Tejera, Doctor of Law, Professor at the Carlos Rafael Rodríguez University of Cienfuegos



Журнал включен Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук



Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира – Россия



Международная база данных, содержащая библиографическую информацию о научных журналах в области гуманитарных и социальных наук. Штаб-квартира – Норвегия



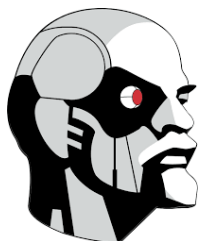
Поисковая система по полным текстам научных публикаций, вобравшая в себя данные из большинства рецензируемых онлайн-журналов, выпускаемых основными научными издательствами Европы и Америки. Штаб-квартира – США



Международный мультидисциплинарный каталог журналов открытого доступа. Содержит более 10 000 названий научных журналов и метаданные статей этих журналов. Штаб-квартира – Великобритания



Крупнейшая в мире библиографическая база данных, насчитывающая свыше 240 млн записей о всех видах произведений на 470 языках мира. Штаб-квартира – США



КиберЛенинка – российская научная электронная библиотека открытого доступа, основными задачами которой является популяризация науки и научной деятельности, а также общественный контроль качества научных публикаций. Насчитывает более 1 млн статей. Штаб-квартира – Россия



Справочно-правовая система по законодательству Российской Федерации, первая массовая коммерческая справочно-правовая система в России (выпускается с 1990 года). Распространяется через дилерскую сеть из более чем 250 компаний в России и СНГ

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

АВИЛОВА О. Е.

Изучение феномена правосознания в отечественном правоведении:
исследовательская продуктивность и изъяны основных методологических подходов.....9

АЛЕКСЕЕВА М. В., РЫБАК С. В.

Трансформация государственного управления: к модели цифрового государства 16

КОНОПИЙ А. С.

Цивилизационный контекст развития российской государственности
(историко-философский и правовой аспекты) 24

КУЗЬМИН М. О.

Особенности правового регулирования кредитно-денежных отношений
в России эпохи правления Петра I 30

САЛЬНИКОВ В. П., МАСЛЕННИКОВ Д. В., ЛУКАШИН Е. В.

Конкретность тождества мышления и бытия
как основание философии и теологии права..... 38

СИТНИКОВ К. А.

Взаимосвязь права и памяти в отечественной дореволюционной
политико-правовой мысли середины XIX – начала XX вв. 47

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ЗАЙЦЕВ В. А., НАПОЛЬСКИХ И. М.

Значение традиционных семейных ценностей в развитии
конституционно-правовых основ современного Российского государства..... 56

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

АРЗУМАНЯН А. Б., ЗАГОРУЛЬКО А. В.

Расторжение договора международной купли-продажи товаров
как средство правовой защиты от его нарушения 63

БИРЮКОВА В. П.

Право и политика нейтралитета в Швейцарии..... 73

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

САРКИСЯН В. В., ТОДОРОВ А. С.

Правовые механизмы компенсации вреда в условиях вооруженного конфликта..... 82

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

КЕЙДУНОВА Е. Р., ВИТВИЦКАЯ С. С., МАВРЕНКОВА Е. А.

Преступные посягательства на объекты атомной энергетики:

классификация и квалификация..... 92

НЕБРАТЕНКО Г. Г., ТРУБКИНА О. В., ХАРЧЕНКО Д. А.

Тактические и психологические особенности разоблачения лжи

в показаниях несовершеннолетних, находящихся в состоянии фрустрации 101

ЦЫГАНЕНКО С. С., ДЖАГАРЯН Н. В., БЛОХИН Ю. И.

Некоторые проблемы правового регулирования и практики содержания под стражей 111

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

АНДРЕЕВА Е. М.

Проблематика надлежащего субъекта ответственности по ч. 1 ст. 8.8

Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях 119

КОНФЕРЕНЦИИ, КРУГЛЫЕ СТОЛЫ, СЕМИНАРЫ

БОЙКО А. И.

Криминалисты России и стран СНГ памятно салютуют юбилею Великой Победы:

Всероссийская научная конференция с международным участием

«Память и уголовное право», посвященная 80-летию Победы

советского народа в Великой Отечественной войне 125

КОЛЕСНИКОВ Ю. А.

Обзор работы Всероссийской научно-практической конференции

«ПРАВО и ЭКОНОМИКА: траектория формирования доверия

к финансовой системе России» юридического факультета

Южного федерального университета 133

BULLETIN
OF THE LAW FACULTY, SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY
2025 Volume 12 Issue 2 April-June

CONTENTS

*GENERAL THEORETICAL AND HISTORICAL ISSUES
OF LEGAL RESEARCH AND PRACTICE*

- AVILOVA, Oksana E.
Studying the Phenomenon of Legal Awareness in Russian Jurisprudence:
Research Productivity and Shortcomings of the Main Methodological Approaches9
- ALEKSEEVA, Marina V., and RYBAK, Svetlana V.
Transformation of Public Administration: Towards a Digital State Model..... 16
- KONOPIY, Anna S.
The Civilizational Context of the Development of Russian Statehood
(Historical, Philosophical and Legal Aspects) 24
- KUZMIN, Maxim O.
Features of Legal Regulation of Credit and Monetary Relations
in Russia During the Reign of Peter I..... 30
- SALNIKOV, Viktor P., MASLENNIKOV, Dmitry V., and LUKASHIN, Evgeny V.
Concreteness of the Identity of Thinking and Being
as the Basis of Philosophy and Theology of Law 38
- SITNIKOV, Kirill A.
The Relationship Between Law and Memory in the Russian Pre-Revolutionary
Political and Legal Thought of the Mid-19th and Early 20th Century 47

CONSTITUTIONAL LAW OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

- ZAITSEV, Vasily A., and NAPOLSKIKH, Inna M.
The Traditional Family as the Basis for the Development of Constitutional
and Racial Values in Modern Russia 56

INTERNATIONAL LAW

- ARZUMANYAN, Anna B., and ZAGORULKO, Alina V.
Termination of an International Contract
for the Sale of Goods as a Remedy for its Violation 63
- BIRIUKOVA, Valeria P.
The Law and Policy of Neutrality in Switzerland 73

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

- SARKISIAN, Veronika V., and TODOROV, Alexander S.
 Legal Mechanisms for Compensation of Damage in Armed Conflict..... 82

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE

- KEYDUNOVA, Elena R., VITVITSKAYA, Svetlana S., and MAVRENKOVA, Elena A.
 Criminal Encroachments on Nuclear Power Facilities:
 Classification and Qualification 92
- NEBRATENKO, Gennadiy G., TRUBKINA, Olga V., and KHARCHENKO, Dmitry A.
 Tactical and Psychological Features of Exposing Lies in the Testimony
 of Minors in a State of Frustration 101
- TSYGANENKO, Sergey S., DZHAGARYAN, Natalia V., and BLOKHIN, Yuri I.
 Some Problems of Legal Regulation and Practice of Detention 111

ADMINISTRATIVE LAW

- ANDREEVA, Elena M.
 The Issue of the Proper Subject of Liability under Part 1 of Article 8.8
 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation 119

CONFERENCES, ROUND TABLES, SEMINARS

- BOYKO, Alexander I.
 Forensic Experts from Russia and the CIS Countries Salute the Anniversary of the Great Victory:
 All-Russian Scientific Conference with International Participation
 “Memory and Criminal Law”, Dedicated to the 80th Anniversary
 of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War..... 125
- KOLESNIKOV, Yuri A.
 Review of the All-Russian Scientific and Practical Conference
 “LAW and ECONOMICS: the Trajectory
 of Building Trust in the Financial System of Russia”
 of the Faculty of Law of the Southern Federal University..... 133

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

УДК 340.114.5

DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-1

Авилова Оксана Евгеньевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории
государства и права, юридический институт,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Алтайский государственный
университет», 656049, г. Барнаул,
пр-т Социалистический, д. 68,
email: avilova-oksana@rambler.ru

Avilova, Oksana E.,
PhD in Law,
Associate Professor
at the Department of Theory
and History of State and Law,
Law Institute,
Altai State University,
68 Sotsialisticheskoy Ave., Barnaul,
656049, Russian Federation,
email: avilova-oksana@rambler.ru

ИЗУЧЕНИЕ ФЕНОМЕНА ПРАВОСОЗНАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВОВЕДЕНИИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ И ИЗЪЯНЫ ОСНОВНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ



STUDYING THE PHENOMENON OF LEGAL AWARENESS IN RUSSIAN JURISPRUDENCE: RESEARCH PRODUCTIVITY AND SHORTCOMINGS OF THE MAIN METHODOLOGICAL APPROACHES

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию методологических подходов, используемых отечественным правоведением при изучении правосознания, в аспекте их научной продуктивности и возможных познавательных изъянов. В соответствии с принципом историзма в осмыслении феномена правосознания выделяется три этапа: дореволюционный, советский и современный. Делается вывод о том, что методологический фундамент исследования правового сознания был заложен в советское время (теория отражения и формационный подход как метод исторического и социологического анализа). При этом теория отражения до сих пор является доминирующей в отечественном правоведении, в отличие от формационного подхода, от которого при исследовании правосознания большинство ученых отказалось. Принцип плюрализма в научном познании позволяет сегодняшним исследователям проводить конкретно-историческое исследование правосознания на

ABSTRACT. The article is devoted to the study of methodological approaches used by Russian jurisprudence in the study of legal awareness, in terms of their scientific productivity and possible cognitive flaws. In accordance with the principle of historicism, the article identifies three stages in understanding the phenomenon of legal awareness: pre-revolutionary, Soviet and modern. It is concluded that the methodological foundation of the study of legal consciousness was laid in the Soviet era (the theory of reflection and the formative approach as a method of historical and sociological analysis). At the same time, the theory of reflection is still prevalent in Russian jurisprudence, in contrast to the formative approach, which most scientists have abandoned in the study of legal awareness. The principle of pluralism in scientific knowledge allows today's researchers to conduct a concrete historical study of legal consciousness based on a civilizational-value approach. The article draws attention to the fact that applied research on legal awareness can provide

основе цивилизационно-ценностного подхода. В статье обращается внимание на то, что интересный и значимый в практической плоскости научный результат способны дать прикладные исследования правосознания, но только при том условии, что они будут следовать стандартам методологической обоснованности и широко использовать частные методы, разработанные другими областями человеческого (и не только социогуманитарного) знания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правовое сознание, теория отражения, прикладное исследование правосознания, правовая действительность, соотношение права и правосознания

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Авилова, О. Е. Изучение феномена правосознания в отечественном правоведении: исследовательская продуктивность и изъяны основных методологических подходов / О. Е. Авилова. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 9–15. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-1

Существование и воспроизводство человеческого общества определяются фактом наличия в нем системы социального нормативного регулирования. Именно система социального нормативного регулирования очерчивает пространство человеческой жизнедеятельности, определяя меру возможного и должного поведения индивидов, вступающих в общественные отношения друг с другом. Важнейшими слагаемыми системы социального нормативного регулирования выступают право, мораль и религия, которые в своем бытии опосредованы соответственно правовым, моральным и религиозным сознанием.

В индустриальном и постиндустриальном обществе на первое место в системе социального нормативного регулирования выдвигается право, а среди форм общественного сознания значимую роль начинает играть правовое сознание. Правосознание – это сложное явление, которое испытывает на себе влияние социальной динамики, что выражается в изменении восприятия феномена права, в переоценке права с позиции соответствия или противоречия целям защиты тех ценностей, которые в данном обществе на данном историческом отрезке его развития признаются и защищаются. В связи с этим исследование закономерностей формирования, развития, деформации правосознания представляет собой актуальное, теоретически и практически значимое научное направление.

an interesting and significant scientific result in practical terms, but only on condition that they follow the standards of methodological validity and widely use private methods developed by other fields of human (and not only socio-humanitarian) knowledge.

KEYWORDS: legal consciousness, theory of reflection, applied research of legal consciousness, legal reality, correlation of law and legal consciousness

FOR CITATION:

Avilova, O. E. (2025) Studying the Phenomenon of Legal Awareness in Russian Jurisprudence: Research Productivity and Shortcomings of the Main Methodological Approaches. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 12(2): 9–15 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-1

Для понимания правосознания в отечественной науке первостепенным моментом является то, что оно представляет собой одну из форм сознания. В самом общем виде правосознание может быть определено как форма сознания, отражающая правовую действительность. Однако это определение само по себе ничего не проясняет ни о сути сознания как такового, ни о сути правовой действительности.

Основные трудности в определении правосознания в первую очередь связаны с понятием сознания, что не дает правоведению возможности подойти к изучению правосознания без обращения к философии и философской методологии. При этом феномен сознания относится к числу наиболее сложных для философского осмысления. В советской философии в силу марксистского влияния считалось, что основной вопрос философии – это вопрос о соотношении сознания и материи, имеющий онтологический и гносеологический аспекты и предполагающий соответственно идеалистическое/материалистическое и метафизическое/диалектическое решение. Для советской философии хрестоматийным стало определение сознания как свойства высокоорганизованной материи [3, с. 69]. Среди представителей дореволюционной отечественной философской мысли, напротив, было немало авторов, исповедовавших противоположный подход и видевших в сознании свойство некоторой нематериаль-

ной субстанции – «души». Также и в современной юридической науке есть значительное число исследователей, которые в своих сегодняшних построениях опираются на наследие русской дореволюционной философско-правовой мысли, стремятся рассмотреть правосознание как феномен духовной жизни, охарактеризовать особенности российского правосознания в цивилизационно-ценностном аспекте (Р. С. Байниязов, А. А. Васильев, М. А. Гусарова, В. Н. Синюков, В. В. Сорокин и др.).

Правоведение на уровне прикладных исследований правосознания не претендует на решение сложных философских проблем и на ответ о сущности сознания как такового. Обычно прикладные юридические исследования ограничиваются признанием факта объективации правосознания в деятельности людей. Деятельность людей и результаты этой деятельности (различные проявления материальной и духовной культуры человечества) действительно позволяют установить сам факт сознания, в том числе правового сознания, и осмыслить его содержание. Другое дело – исследования, посвященные правосознанию под углом собственно философской проблематики. Предметное поле подобных изысканий, предпринимаемых юристами, относится чаще всего к философии права, в рамках которой уместна постановка вопроса о природе правосознания, в том числе в онтологической плоскости.

В рамках данного исследования важно подчеркнуть, что сознание изучают многие области человеческого знания, относящиеся как к социально-гуманитарной, так и к естественнонаучной области. Психология, социология, педагогика и другие науки интересуются индивидуальным и общественным сознанием в прикладном аспекте и связывают его с интеллектуальной и психической жизнью человека и общества. В целом они стремятся определить сознание эмпирически, соотнести его с социальной реальностью и окружающей природной средой. Именно здесь понятие «сознание» оказывается в одном ряду с такими словами, как «знание», «эмоции», «восприятие», «отношение», «внимание», «понимание», «воображение», «самосознание» и др. В этой плоскости сознание предстает прежде всего как нечто, связанное с интеллектуальной и психической жизнью, как нечто, способное отражать окру-

жающий мир, обобщать и приумножать знание о нем. Контуры такого понимания сознания влияют на исследование различных его форм, в том числе правосознания.

Предметно изучением именно правосознания в отечественной науке занимаются юриспруденция и психология, которые стали предпринимать соответствующие познавательные усилия с начала XX в. Это обстоятельство обуславливает наличие значительного числа трудов, которые далеко не всегда одинаково методологически и терминологически рассматривают эту форму сознания. В рамках данного исследования нас интересует правоведение, в приложении к которому можно выделить три основных этапа в развитии отечественных представлений о правосознании: дореволюционный, советский и современный, каждый из которых отличается своеобразием методологических установок, используемых в исследованиях правосознания.

Первые работы по проблемам правосознания принадлежат дореволюционным исследователям (Н. А. Алексеев, Б. А. Кистяковский, Л. И. Петражицкий, Б. Н. Чичерин). Хотя работы этого времени и характеризуются некоторой нестройностью терминологического аппарата (использование наряду с понятием «правосознание» слов «правопринятие», «правоубеждение», «правопонимание») [6, с. 274], их отличает стремление вычленить рациональные и эмоциональные компоненты в правовом поведении людей. Более того, авторам этой поры принадлежат, пожалуй, самые оригинальные концепции правосознания в истории отечественной науки. Последнее обстоятельство связано с тем, что в дореволюционной России сосуществовали самые разные школы понимания права, в том числе те, которые советская наука уничтожительно именovala метафизическими и вообще не рассматривала как научные. К числу наиболее самобытных работ того времени относится работа И. А. Ильина «О сущности правосознания» (завершена в 1919 г., издана в 1956 г.). Рассматривая правосознание с духовной, христианской позиции, он приходит к выводу, что «истинною основой нормально-го правосознания может быть только воля к духовной жизни как верховному благу» [2].

Советский этап в развитии отечественных представлений о правосознании в самом об-

щем виде отличается опорой на марксистско-ленинское понимание общественно-исторических явлений и процессов. Вместе с тем при более пристальном рассмотрении в нем можно обнаружить отдельные подэтапы, выделяющиеся некоторым своеобразием. Интересный этап приходится на 1917–1929 гг. В это время такие авторы, как П. Н. Галанза, М. А. Рейснер, П. И. Стучка, с одной стороны, еще опирались на наследие дореволюционной правовой науки, а с другой – были охвачены стремлением придать классовое прочтение всем правовым понятиям. Как справедливо отмечают современные исследователи, в воззрениях того времени господствовал психологический взгляд на правосознание и право, попытки определить сущность и того и другого через классово (революционно, социалистически, коммунистически) понятую справедливость [7]. Выводы, сделанные в то время, были весьма оригинальны, но не могут быть признаны продуктивными в части исследования правосознания как такового (все-таки главный предмет их научного внимания – это именно революционное правосознание). Вместе с тем уже в конце 1920-х гг. начинает утверждаться представление о том, что правосознание является сложным, опосредованным и многообразным отражением общественного бытия, которое определяется экономическим базисом общества. Это представление начиная с 1930-х гг. и до конца советского периода станет основополагающим в рассмотрении правосознания.

Несмотря на отдельные дискуссии по проблемам правосознания, советские ученые (Н. Г. Александров, С. С. Алексеев, С. В. Боботов, Н. Л. Гранат, Е. А. Лукашева, В. В. Оксамытный, А. Р. Ратинов, Л. И. Спиридонов, И. Е. Фарбер и др.) в 1940–1980-х гг. в двух базовых моментах понимания правосознания демонстрировали полное единодушие. Во-первых, правосознание понималось в русле марксистско-ленинской теории отражения. Опираясь на опыт практической деятельности людей, теория отражения утверждает, что прогрессивное развитие человечества обусловлено способностью сознания адекватно отражать действительность. Эта теория видит в сознании отражение бытия и признает его существование только в этой форме. Данный тезис есть следствие материалистического решения основного вопро-

са философии в пользу первичности материи и вторичности сознания. Очень характерно в связи с этим определял правосознание один из основоположников отечественной юридической психологии А. Р. Ратинов. В своих работах 1970–1980-х гг. он писал, что правосознание есть «сфера общественного, группового и индивидуального сознания, отражающая правовую действительность в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих человеческое поведение в юридически значимых ситуациях» [4, с. 71].

Тезис о том, что правосознание отражает правовую действительность, не подвергался сомнению, споры велись вокруг того, что конкретно отражается (Что есть объект отражения? Что есть та самая правовая действительность? Только ли писаное право или иные проявления правовой жизни тоже?) и в виде чего отражается (Что есть результат отражения? Только правовые представления или что-то еще?). Применительно к этим вопросам тоже можно отследить ход развития отечественной науки. Так, на эмоциональных компонентах правосознания стали отдельно фокусироваться с конца 1950-х гг. (первыми были Г. А. Злобин, Е. А. Лукашева, И. Е. Фарбер), в 1960-х гг. отдельные авторы вновь подвергли их существование сомнению, а вот впоследствии их выделение стало практически общепринятым.

Во-вторых, правосознание понималось как зависящее от типа общества (исходя из логики формационного подхода). Конечно, советская наука видела в правосознании и универсальную категорию, характеризующую общество на определенном (государственно организованном) этапе его развития. Вместе с тем аксиомой считалось, что конкретно-историческое исследование правосознания нельзя вести в отрыве от классовой природы того общества, в котором оно существует. Иной подход, по мысли советских ученых, приведет к грубейшим исследовательским ошибкам. Справедливости ради следует подчеркнуть, что этот познавательный подход исповедовался советской наукой безоговорочно при исследовании всех явлений и процессов общественной жизни, что, с одной стороны, позволяло исследовать их системно, а с другой – вело к утверждению в нау-

ке некоторых идеологических клише. Соответственно, в советской науке социалистическое правосознание определялось как высший тип правового сознания (его типологическая «высота» была обусловлена самой широкой социальной базой). Ученые того времени убеждали читателей своих работ, что в СССР впервые в истории человеческого общества сформировалась единая система правосознания, ведущими принципами которой становятся идеи правильно (социалистически) понятой законности, равноправия, справедливости.

Подчеркнем, что советская наука в приложении к правосознанию демонстрировала не только единомыслие, но и разномыслие (например, в части понимания структуры правосознания), не только шла путем обобщений самого высокого уровня, но и занималась конкретными прикладными исследованиями (в том числе изучала правосознание подростков, молодежи, преступников и иных групп, выделенных по признаку социальной однородности), изучала механизмы правовой социализации индивида, исследовала формы и причины деформации правосознания. На базе данных исследований, имеющих строго прикладной характер, именно в советское время была создана обстоятельная методическая база по правовому воспитанию подрастающего поколения.

Современный этап в исследовании правосознания является преемственным и по отношению к советскому периоду (современные ученые в большинстве своем пользуются научными конструкциями, появившимися в советское время), и по отношению к дореволюционному этапу (исследователи сегодняшнего дня не стеснены рамками марксистско-ленинской философии, они могут быть сторонниками самых разных подходов к осмыслению права, использовать цивилизационно-ценностный подход при конкретно-историческом изучении правосознания).

Помимо этого, в современной науке есть два условных полюса представлений о праве и правосознании (оба своим происхождением также обязаны советским ученым). Первый полюс соответствует позитивистско-нормативистскому (узкому) подходу. Он основан на том, что право есть система общеобязательных, формально определенных общих правил поведения, исходящих от государства и защищаемых им; при

этом право вместе с правосознанием и юридической практикой образует правовую систему конкретного общества. Все эти явления (право, правосознание, юридическая практика), конечно, связаны, но не тождественны друг другу. Такой взгляд был распространен в советской науке, характерен он и для многих сегодняшних исследователей. В своей самой утрированной версии он предполагает понимание права в виде некой безличной силы, противостоящей обществу, а правосознания – в виде отражения этой силы.

Второй полюс представлен широким подходом к праву. Здесь право мыслится как явление, не сводимое к системе правил поведения – в его содержание включают не только нормы, но и субъективные права, правосознание, практику реализации права, законность и правопорядок, другие правовые, а зачастую даже моральные явления. При таком подходе правосознание есть один из элементов права. Более того, в психологических интерпретациях права правосознание и право начинают отождествляться, а нормативность права как эмпирического явления объясняется идеальной нормативностью правосознания. В своей самой крайней версии этот подход понимает само право как отражение правосознания, как материализованную ипостась модели права, сформировавшейся в общественном сознании.

Научная продуктивность того или иного подхода к пониманию соотношения права и правосознания проявляет себя по-разному, в зависимости от целей конкретного исследования. Но чаще всего предпринимаемая исследователем попытка изучить правосознание через фундаментальную концепцию права оказывается чересчур фундаментальной именно по отношению к изучению правосознания и его прикладных аспектов. Правосознание оказывается частью какой-то сложной конструкции, при этом частью константной. Признавая научное значение подобных концепций, нельзя не отметить, что при всей устойчивости правового сознания как элемента права или правовой системы конкретной страны правосознание тем не менее существует в «движении», в «привязке» к народу, конкретным социальным группам и индивидам.

Более того, представляется, что при исследовании правосознания в приложении к его но-

сителям – отдельным индивидам, социальным группам или народу в целом – методологически оправданны оба понимания права и правосознания (как узкое, так и широкое). И узкий, и широкий подход к пониманию права и правосознания имеют примерно одинаковую методологическую продуктивность при исследовании структуры правосознания, при изучении его уровней и поиске ответов на иные вопросы теоретико-правового характера. Поэтому примерно с одинаковой степенью обоснованности и убедительности в исследованиях такого рода появятся выводы о том, что правосознание, право и правовая практика представляют собой проявления культуры, о том, что правосознание выступает в виде материальной силы общественного развития, выражая интересы и цели людей, о том, что в правосознании формируется та модель юридически значимого поведения, которая признается обществом в качестве базовой, и т. п. Другое дело, что если методологический инструментарий какого-либо теоретико-правового исследования правосознания будет ограничен перечнем общенаучных и специальных методов юридической науки, то его исследовательский результат будет уязвим. Его уязвимость будет определяться тем, что научные выводы делались без использования частных методов, разработанных другими областями человеческого (прежде всего, социогуманитарного) знания, а ведь именно они умеют адекватно собирать и обрабатывать эмпирический материал, выходящих за пределы нормативно-правового массива.

И здесь важно подчеркнуть следующее обстоятельство: рассмотреть правосознание невозможно в отрыве от вопроса о том, что, собственно, является объектом отражения правосознания. Как уже отмечалось выше, согласно устоявшимся воззрениям, право отражает правовую действительность.

Представим, что перед нами юрист-догматик, который убежден, что вся правовая действительность сводима к позитивному, официальному праву (тому, которое в условиях континентальной правовой семьи ассоциируется с законодательством). В таком случае его исследование правосознания будет подчинено общей познавательной стратегии догматической юриспруденции (хотя сама попытка исследовать правосознание уже есть выход за

пределы научного поля догматической юриспруденции).

Иная стратегия познавательной деятельности будет у исследователя, который исходит из того, что понятие «правовая действительность» включает все без исключения правовые явления [5, с. 24]. Подчеркнем, понятие правовой действительности концептуально может не ограничиваться только позитивными правовыми явлениями, оно может и (по логике социологической юриспруденции) должно охватывать весь спектр правовой жизни, в том числе ее негативные, неправомерные реалии, препятствующие нормальной юридической деятельности, например переживаемое людьми состояние правовой незащищенности (которое отражает такие изъяны действующего права и правоприменения, как волюнтаризм, коррупция, произвол чиновников).

Стремление изучить правосознание под углом того, что входит в объект его отражения, может давать интересные познавательные результаты. Как, например, у Д. Я. Ягофарова, для которого правосознание – это совокупность знаний, идей, убеждений, в целом мировоззрения, а также чувств, эмоций, настроений, ценностных ориентаций, установок, оценок, выражающих отношение людей, социальных групп, общества в целом «к действующему или желаемому праву, его ценностям, принципам, нормам, поведению в сфере права как правомерному или неправомерному, справедливому или несправедливому» [8, с. 86]. Интересным в приведенной дефиниции представляется указание не только на правомерное и неправомерное, но и на «справедливое и несправедливое» при описании объекта правосознания. Некоторые авторы идут еще дальше в своих формулировках. Так, И. Л. Вершок подчеркивает, что правовое сознание – это «правильное», но «не законное» сознание, имея в виду, что оно не сводимо к знанию или незнанию действующих законодательных актов, а представляет собой результат их оценки на предмет соответствия их внутренним убеждениям и ценностям. «Критерием правильности и в то же время системообразующим признаком правового сознания является совесть», – пишет она [1, с. 26]. Подобного рода формулировки основаны на понимании двух фактов: 1) граница между разными формами сознания – в данном

случае граница между правовым и моральным сознанием – весьма условна; 2) правосознание отражает потребность людей в правильной (соответствующей их представлениям о справедливости) защите наиболее значимых общественных ценностей нормами права. А еще в этих формулировках хорошо просматривается, что методологически они выходят за пределы догматической юриспруденции, стремятся установить связь правового сознания с иными явлениями правовой действительности, исповедуют познавательные подходы социологических изысканий внутри правоведения.

Таким образом, анализ особенностей изучения правосознания в отечественном правоведении показывает, что никакой универсальной (метанарративной) методологической установки им не было выработано. Теория отражения не должна нас вводить здесь в заблуждение: ее марксистско-ленинская версия существовала исключительно в связке с онтологическим монизмом и диалектическим материализмом. Исследование того, как отечественное правоведение решало и решает познавательные задачи, связанные с правовым сознанием, показывает историчность представлений и концепций, создаваемых учеными как субъектами научного познания в контексте реалий соответствующей исторической эпохи. Наиболее наглядно это демонстрируют формационный и цивилизационно-ценностный подходы в исследовании правосознания в конкретно-исторической плоскости.

Помимо этого, осмысление правового сознания в отечественном правоведении показывает, что в правовом сознании есть стороны, исследование которых требует разных научных методов и, более того, методологических установок. Объясняется это сложностью правового сознания как объекта исследования. Так, значительная разница существует между исследованиями правосознания фундаментального и прикладного значения. Последние просто немислимы без широкого набора научных методов, выработанных отдельными областями человеческого знания (социология, психология, математика и др.).

Список использованных источников

1. Вершок И. Л. Методологические подходы к изучению правосознания // Право.by: научно-практический журнал. 2021. № 3. С. 24–29.

2. Ильин И. А. О сущности правосознания // Философия. URL: https://filosoff.org/ilyin/wp-content/uploads/sites/117/2015/11/ilin-i.-o-sushchnosti-pravosoznaniya-filosoff.org_.pdf (дата обращения: 15.05.2025).

3. Основы марксистской философии: учебник. М.: Госполитиздат, 1963. 656 с.

4. Ратинов А. Р. Избранные труды. М.: Изд-во Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016. 212 с.

5. Рыбаков В. А. Правосознание: к вопросу о понятии // Вестник Омского государственного университета. Сер. Право. 2015. № 3. С. 23–28.

6. Тишина И. В. Понятие «правосознание» в исторической ретроспективе и современной науке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 67. С. 273–280.

7. Филимонова И. В., Беденков В. В. Ранний период развития советских научных представлений о правосознании (1917–1929 гг.) // Sci-article.ru: электронный периодический научный журнал. 2016. № 12. URL: <https://sci-article.ru/stat.php?i=1480942074> (дата обращения: 15.05.2025).

8. Ягофаров Д. Я. Категории и понятия общей теории государства и права: систематизированный свод дефиниций. Екатеринбург, 1995. 108 с.

References

1. Vershok I. L. Methodological approaches to the study of legal awareness. *Right.by: scientific and practical journal*. 2021. No. 3. P. 24–29 [in Russ.].

2. Ilyin I. A. About the essence of legal consciousness. *Philosophy*. URL: https://filosoff.org/ilyin/wp-content/uploads/sites/117/2015/11/ilin-i.-o-sushchnosti-pravosoznaniya-filosoff.org_.pdf (date of access: 05.15.2025) [in Russ.].

3. Fundamentals of Marxist philosophy: textbook. Moscow: Gospolitizdat, 1963. 656 p. [in Russ.].

4. Ratinov A. R. Selected works. Moscow: Publishing House of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2016. 212 p. [in Russ.].

5. Rybakov V. A. Legal awareness: on the issue of the concept. *Bulletin of Omsk State University. Series: Law*. 2015. No. 3. P. 23–28 [in Russ.].

6. Tishina I. V. The concept of “legal awareness” in historical retrospect and modern science. *Bulletin of the Herzen State Pedagogical University of Russia*. 2008. No. 67. P. 273–280 [in Russ.].

7. Filimonova I. V., Bedenkov V. V. The early period of development of Soviet scientific ideas about legal consciousness (1917–1929). *Sci-article.ru: an electronic periodic scientific journal*. 2016. No. 12. URL: <https://sci-article.ru/stat.php?i=1480942074> (date of access: 05.15.2025) [in Russ.].

8. Yagofarov D. Ya. Categories and concepts of the general theory of state and law: a systematic set of definitions. Yekaterinburg, 1995. 108 p. [in Russ.].

Поступила в редакцию 15.05.2025
Received May 15, 2025

Алексеева Марина Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Теория
и история государства и права»,
Донской государственной
технической университет,
344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1,
email: alekseeva80@yandex.ru

Alekseeva, Marina V.,
PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Theory
and History of State and Law,
Don State Technical University,
1 Gagarin Square, Rostov-on-Don,
344000, Russian Federation,
email: alekseeva80@yandex.ru

Рыбак Светлана Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Гражданское
право», Донской государственной
технической университет,
344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1,
email: Svetoch_2504@mail.ru

Rybak, Svetlana V.,
PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Civil Law Department,
Don State Technical University,
1 Gagarin Square, Rostov-on-Don,
344000, Russian Federation,
email: Svetoch_2504@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: К МОДЕЛИ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА



TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION: TOWARDS A DIGITAL STATE MODEL

АННОТАЦИЯ. Статья исследует концептуальные и практические аспекты юриспруденции в контексте цифровизации, представляя уникальный взгляд на будущее взаимодействия государства и граждан в эпоху цифровых технологий, что делает ее актуальной как для научного, так и для практического применения в гуманитарных и социальных науках. Цифровое государство представляет собой важный элемент современного правового и политического дискурса, однако его понятие остается недостаточно проясненным в отечественной научной литературе. В статье рассматриваются различные аспекты цифрового государства, включая его определение, ключевые характеристики и влияние цифровизации на взаимодействие между государственными структурами и гражданами. Особое внимание уделяется проблемам цифрового неравенства и необходимости повышения уровня цифровой грамотности, что является ключом к успешной реализации программ цифровизации. Подчеркивается, что цифровизация не только создает новые возможности, но и представляет собой серьезный вызов для общества, требуя особого подхода к сбалансированности между технологиями и правами граждан.

ABSTRACT. This article explores the conceptual and practical aspects of jurisprudence in the context of digitalization, providing a unique perspective on the future of state-citizen interactions in the digital age, making it relevant for both academic and practical applications in the humanities and social sciences. The digital state is an important element of contemporary legal and political discourse, but its concept remains poorly defined in Russian academic literature. This article examines various aspects of the digital state, including its definition, key characteristics, and the impact of digitalization on state-citizen interactions. The article pays special attention to the issues of digital inequality and the need to improve digital literacy, which is key to the successful implementation of digitalization programs. The article emphasizes that digitalization not only creates new opportunities, but also poses a serious challenge to society, requiring a balanced approach between technology and citizens' rights.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровое государство, цифровизация, государственное управление, технологии, искусственный интеллект, права человека, цифровая грамотность

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Алексеева, М. В. Трансформация государственного управления: к модели цифрового государства / М. В. Алексеева, С. В. Рыбак. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 16–23. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-2

KEYWORDS: digital state, digitalization, public administration, technology, artificial intelligence, human rights, digital literacy

FOR CITATION:

Alekseeva, M. V., Rybak, S. V. (2025) Transformation of Public Administration: Towards a Digital State Model. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 12(2): 16–23 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-2

Введение. Цифровое государство – это одна из наиболее актуальных тем в современном правовом и политическом дискурсе, которая активно обсуждается отечественными и зарубежными исследователями. Однако отечественные учебники по теории государства и права или конституционному праву зачастую не дают ясного определения этому концепту. В связи с этим требуется обращение к современным взглядам и исследованиям в рамках данной тематики. Так, Э. А. Золаев понимает под термином «цифровое государство» информационно-технологическую структуру, обеспечивающую политико-правовое взаимодействие между гражданами и органами публичной власти. Этот подход подчеркивает интеграцию цифровых технологий в государственную систему управления и взаимодействия с гражданским обществом. В современных реалиях в России процесс цифровизации охватывает как взаимодействие органов власти между собой, так и их контакты с населением и другими институтами общества через онлайн-платформы, программные комплексы и иные цифровые инструменты [7, с. 1588].

Ученый И. В. Шахновская выделяет цифровое государство как концепцию развития, в рамках которой все сферы общества – право, экономика, политика – интегрируются в цифровое пространство. Она выделяет такие признаки цифрового государства, как размытость традиционных территориальных границ, акцент на информационном суверенитете и необходимую защиту прав человека через цифровые механизмы. Это позволяет предположить, что цифровое государство представляет собой качественно новый этап государственной и общественной эволюции [14, с. 136].

Еще на один важный аспект указывает профессор И. В. Понкин, подчеркивающий, что «понятие цифрового государства не может существовать вне контекста человеческой деятельности» [9, с. 42]. Государство, по его мнению, всегда будет организацией людей, регулируемой общественными и правовыми нормами, а цифровизация лишь предоставляет технический инструмент для более эффективного управления. Цифровые трансформации, несмотря на их широту, не изменяют базовые формы государства, такие как форма правления или политический режим. Исключением можно назвать частичное влияние на демократизацию, наблюдаемую, например, через такие механизмы, как электронное голосование или платформы для подачи инициатив.

В целом цифровое государство, кроме внедрения новых технологий, предполагает трансформацию общепринятых процессов управления и взаимодействия между государством, бизнесом и гражданами. Один из ключевых аспектов – это совершенствование возможностей электронного взаимодействия, таких как предоставление государственных услуг в онлайн-режиме, прозрачность процедур и использование данных для аналитики и прогнозирования.

Основная часть. Согласно имеющимся исследованиям на этот счет, цифровая трансформация включает несколько этапов: автоматизация процессов, цифровизация услуг, создание умных решений на основе интеграции данных и переход к так называемому цифровому государству [1, с. 38].

Глобальная цифровизация приводит к ускоренному появлению новых инноваций, таких как искусственный интеллект, блокчейн и ин-

тернет вещей. Эти технологии способны значительно улучшить предсказуемость, эффективность и скорость государственных процессов. Например, предиктивный анализ на базе искусственного интеллекта помогает оптимально распределять ресурсы, анализировать риски и планировать экономическую политику на годы вперед. Блокчейн обеспечивает защиту персональных данных, а также прозрачность и безопасность операций в государственных органах. Интернет вещей, в свою очередь, упрощает управление городскими инфраструктурными объектами, включая дорожное движение, энергетику и коммунальные услуги.

Современная научная литература рассматривает цифровую трансформацию государства через призму нескольких ключевых концепций. Например, согласно теории платформенного государственного управления цифровизация изменяет традиционные бюрократические системы, превращая их в открытые технологические экосистемы. Эти системы обеспечивают интеграцию всех уровней управления и упрощают взаимодействие между гражданами, бизнесом и государством. Особое место здесь занимает концепция «умных городов», где алгоритмы управления опираются на обработку больших данных [2].

При этом в своих исследованиях В. В. Строев и В. М. Свистунов отмечают, что системы искусственного интеллекта на базе машинного обучения могут прогнозировать текущее состояние и будущее развитие различных сфер общественной жизни, например здравоохранения, транспорта и экологии. Особенно значимо это в условиях урбанизации и роста населения мегаполисов [12, с. 146].

Автоматизация внутренних процессов позволяет снизить затраты и ускорить исполнение административных функций.

В цифровой трансформации государственного управления можно выделить следующие модели:

1. Модель электронной демократии. Этот подход сосредоточивается на цифровых технологиях как средстве вовлечения граждан в процесс принятия решений через электронное голосование, петиции и платформы для обсуждений.

2. Платформенная модель управления. Государство рассматривается как платформа, которая обеспечивает цифровую инфраструктуру

для взаимодействия различных стейкхолдеров – граждан, бизнеса, НКО и других субъектов.

3. Модель искусственного интеллекта. В рамках этой модели акцент делается на автоматизации аналитики и прогнозирования через искусственный интеллект, что позволяет оптимизировать административные процессы, предпонимать кризисы и анализировать большие объемы данных.

Эти концепции подчеркивают многоаспектность процессов цифровизации, которые затрагивают как технические системы, так и социальные институты, включая демократию, права граждан и доверие к государственной власти.

Современная цифровая трансформация государства представляет собой сложный и многоаспектный процесс, предполагающий изменения в подходах к принятию решений, реализации публичных услуг и взаимодействию между государственной властью и гражданами. Научные исследования в области цифровизации подтверждают, что успешное использование цифровых технологий в государственном управлении способствует значительному повышению эффективности всех административных процессов, ускорению выполнения государственных функций и улучшению качества жизни населения. Однако, чтобы процессы цифровой трансформации были максимально успешными и оправдали ожидания общества, необходим глубокий и междисциплинарный анализ их реализации, основанный на научных подходах и данных.

Важным этапом на пути к цифровому государству стало принятие федеральных программ и указов, например ФЦП «Электронная Россия (2002–2010 годы)» и нацпрограммы «Цифровая экономика Российской Федерации». Кроме того, немаловажно упомянуть ранние исследования и разработки такого специалиста, как А. И. Китов, который в 1956 г. впервые предложил идеи о цифровом управлении государством [8]. Исторический аспект включает и международные события, наподобие саммита лидеров G8 в Окинаве в 2000 г. или подписания Хартии глобального информационного общества.

Современные системы управления, как показала практика ряда стран, таких как Сингапур и Дания, способствуют прозрачности управления, минимизации коррупции и более

активному гражданскому участию. Однако, несмотря на это, не следует идеализировать цифровизацию. Проблемы технической безопасности, кибератак и информационной монополии остаются актуальными и требуют внимания. Примером тому могут служить случаи отказа некоторых стран, таких как Швейцария, от систем электронного голосования ввиду их уязвимости.

Для дальнейшего успешного развития и интеграции цифрового государства необходимо учесть несколько ключевых аспектов. Во-первых, важно создание надежной правовой базы, регулирующей применение цифровых решений в системе госуправления. Во-вторых, требуется развитие программ по защите данных и формирование новых инструментов борьбы с киберугрозами. В-третьих, нужно продолжать модернизацию инфраструктуры, обеспечивая доступность технологий даже в самых отдаленных регионах.

Цифровое государство – это не только технологический инструмент, но и этап развития общества, в рамках которого цифровые технологии становятся неотъемлемой частью управления и взаимодействия. Создание таких систем, как электронное и цифровое правительство, позволяет повысить эффективность государственного управления, сделать его более открытым и доступным для граждан. В перспективе это может привести к построению полностью цифрового общества, где автоматизация процессов и использование искусственного интеллекта станут базисом для государственных и общественных структур.

Несмотря на очевидные преимущества, в научных статьях и исследованиях выделяется несколько ключевых проблем, препятствующих эффективной цифровой трансформации государственного управления. Одной из главных является цифровое неравенство, которое связано с различием в доступе к современным технологиям среди разных регионов и групп населения, что отражено в исследовании С. П. Земцова, К. В. Демидова и Д. Ю. Кичаева [6]. По данным 2022 г., например, доля населения страны в целом, использовавшего интернет, составила 98,4 %, близкие к этому значения показала, в частности, Республика Калмыкия – 97,5 %, Республика Северная Осетия – Алания – 98,1 %, Чеченская Республика – 98,5 %. На этом

фоне аутсайдерами выглядят некоторые регионы Поволжья и северо-запада страны, что не может не вызывать беспокойства. Если рассматривать уровень федеральных округов, то наиболее высоким данный показатель оказался в Центральном ФО (94,7 %), а наименьшим – в Сибирском ФО (91 %) [3].

Помимо этого, исследователи Е. Н. Гусарская и А. В. Панов обращают внимание на нехватку квалифицированных кадров в государственных органах [5]. Актуальными остаются вопросы защиты конфиденциальной информации, так как рост числа киберугроз означает, что государственные структуры должны инвестировать в надежные системы информационной безопасности, а также обучать сотрудников, работающих с чувствительными данными [13].

Искусственный интеллект и технологии анализа данных находят все более широкое применение в управлении городской средой, включая использование алгоритмов для прогнозирования и моделирования будущих сценариев. Уже сегодня эти инструменты становятся основой для принятия управленческих решений в самых разных направлениях государственного сектора, позволяя повышать эффективность использования ресурсов и реагировать на вызовы более точно.

Цифровая трансформация кадрового управления становится ключевым требованием к модернизации госструктур. Помимо внедрения автоматизированных технологий, значительное внимание необходимо уделить развитию профессиональных навыков сотрудников. Автоматизация может облегчить выполнение сложных рутинных операций, однако при разработке стратегий, которые предполагают учет различных потребностей общества, решающую роль все еще будет играть человеческий фактор. Успешное управление в этом разрезе связано с обеспечением баланса между технологиями и опытом работников.

Правовые аспекты цифровой трансформации приобретают все большую значимость. Как подчеркивается в докладе ОЭСР, разработка законодательства для регулирования применения таких технологий, как искусственный интеллект или блокчейн, требует целостного подхода. Это создает необходимость формирования комплексной нормативно-правовой базы, которая способна эффективно адаптиро-

ваться к стремительным изменениям в цифровой среде и обеспечить защиту прав всех участников этого процесса [15].

Формирование цифрового государства в России имеет свои исторические и правовые предпосылки. Принятие федеральной программы «Электронная Россия (2002–2010 годы)» (Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 65) можно рассматривать как отправную точку в процессе цифровизации управления. Впоследствии эта программа оказала влияние на развитие административной реформы, которая была реализована на основе Указа Президента Российской Федерации от 23 июля 2003 г. № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах». Этот реформаторский процесс подтвердил необходимость создания подходящей институциональной базы и подготовки государственных служащих, обладающих необходимыми цифровыми компетенциями.

Правовое сопровождение цифрового государства строится на принципе предоставления публичных услуг в формате сервиса, где государство взаимодействует с гражданами и юридическими лицами через цифровые каналы. Центральным элементом законодательного регулирования этого процесса стал Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Этим законом был внедрен институт многофункциональных центров (МФЦ), что способствовало систематизации и упрощению доступа к услугам. Данный закон также определил возможность предоставления услуг в электронной форме, что стало важным этапом на пути к всеобъемлющей цифровизации органов публичной власти. В поддержку этого процесса было утверждено Постановление Правительства Российской Федерации от 26 марта 2016 г. № 236, регламентирующее требования к предоставлению государственных и муниципальных услуг в цифровом формате.

Отдельного внимания заслуживает Постановление Правительства РФ от 24 октября 2011 г. № 861, которое ввело в правовое использование портал «Госуслуги», ставший основным инструментом цифрового взаимодействия граждан с государством. Цифровизация публичной власти способствовала переосмыслению концепции электронного правительства

в интересах более глубокого погружения государства в цифровую инфраструктуру. Сегодня электронное правительство ассоциируется с широким использованием цифровых технологий не только в оказании услуг, но и в управлении социально значимыми процессами. Несмотря на важность концепций цифровой трансформации, ее реализация сталкивалась с трудностями, в том числе в области обеспечения цифровых удостоверений личности. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 сентября 2013 г. № 1699-р была утверждена Концепция введения в Российской Федерации удостоверения личности гражданина Российской Федерации, оформляемого в виде пластиковой карты с электронным носителем информации. Это решение рассматривалось как качественный шаг вперед, способный изменить систему удостоверений личности. Однако в процессе реализации возникли проблемы, связанные с различием понятий «цифровое удостоверение личности» и «электронная цифровая подпись», что вызывало путаницу и снижало эффективность внедрения.

Разработанные стратегические документы на национальном уровне, такие как Указы Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 (утверждающий Стратегию развития информационного общества на 2017–2030 гг.) и от 10 октября 2019 г. № 490 (касающийся Национальной стратегии развития искусственного интеллекта), задают общий вектор цифровой трансформации. Одновременно Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 обозначил цифровую экономику как ключевой национальный проект. Однако правовой характер подобных стратегий носит декларативный характер и в большей степени нацелен на формирование идеологических основ политики, нежели на создание обязательных правил поведения.

Законодательная практика демонстрирует осторожность в подходах к регулированию цифровых технологий. Так, одним из примеров инновационного подхода может служить Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 58-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций». Цели экспериментов, предусмотренных этим законом, – развитие цифровой экономики, внедрение новых форм экономической деятельности, повышение качества публичного управления и создание

благоприятных условий для цифровых разработок. Основными областями экспериментов стали, например, использование беспилотных авиационных систем и внедрение медицинских цифровых помощников. Однако сроки проведения правовых экспериментов ограничены, и анализ их результатов становится важной частью дальнейшего совершенствования российской системы цифрового права.

В целом следует отметить, что концепция цифрового государства в Российской Федерации развивается как система публичного управления, адаптирующаяся к вызовам времени. На начальном этапе акцент делался на развитии электронного правительства, которое фокусировалось преимущественно на цифровом документообороте. На текущем этапе цифровизация охватывает более широкие аспекты взаимодействия между государством и обществом. Прогрессивные изменения в этой сфере неизбежно требуют серьезного анализа и выработки устойчивой правовой политики, которая в полной мере позволит оценить потенциал цифрового государства в рамках новой реальности.

Цифровое государство – это не просто внедрение новых технологий, а глобальное переосмысление взаимодействия между обществом, государством и бизнесом. Совершенствование электронных услуг, повышение прозрачности и использование данных для прогнозирования становятся обязательными элементами современного государственного управления. Лидирующую роль займут инициативы, обеспечивающие максимально оперативное предоставление государственных услуг гражданам через онлайн-сервисы. Важнейшим элементом цифрового государства остаются сами граждане. Поэтому реализация любых программ цифровизации должна сопровождаться повышением уровня цифровой грамотности, укреплением доверия между гражданами и государственными структурами, а также формированием правовых норм, которые могут обеспечить защиту личных данных в условиях цифровой трансформации. Такие меры дадут возможность каждому человеку почувствовать себя защищенным и равноправным участником цифрового общества.

Выводы. Современные исследования подтверждают, что цифровая трансформация госу-

дарственного управления – это не просто внедрение технологии, а радикальное изменение моделей взаимодействия государства с гражданами. Как показал научный анализ, успешная цифровизация требует системного подхода, включающего всестороннюю оценку потребностей общества, создание гибких структур взаимодействия и применение современных аналитических инструментов. Разработка стратегий цифровой трансформации должна учитывать такие факторы, как доступность технологий для всех слоев общества, повышение цифровой грамотности и эффективное использование искусственного интеллекта. В конечном счете использование научных подходов к реализации цифровизации является основой для достижения полной прозрачности, оперативности и эффективности государственного управления, что положительно сказывается на развитии общества и его благосостоянии. Важно понимать, что цифровизация не только открывает новые возможности, но и создает немалые вызовы. Для успешной реализации стратегии цифровой трансформации необходимо учитывать специфику регионов, социальные факторы, а также потенциал инновационных технологий. Поддержание баланса между технологическим импульсом и сохранением прав граждан, социальных ценностей и безопасности данных станет главным вызовом цифрового государства эпохи больших данных и искусственного интеллекта.

В соответствии с положениями Указа Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203, утверждающего Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на период 2017–2030 гг., информационное общество определяется как такая форма социальной организации, в которой степень применения и доступности информации оказывает существенное влияние на социально-экономические и культурные аспекты жизни граждан. При этом в указанной Стратегии отсутствует официальное определение термина «цифровое правительство», в данном документе изложена дефиниция инфраструктуры электронного правительства. Последняя трактуется как совокупность государственных информационных систем, а также технических и коммуникационных средств, функционирующих на территории Российской Федерации

и обеспечивающих процесс взаимодействия государственных органов, органов местного самоуправления, граждан и организаций при предоставлении услуг и реализации полномочий в электронной форме [11].

В целом анализ научных исследований свидетельствует о том, что концепция цифрового государства рассматривается исследователями через призму различных подходов. Например, существует мнение, согласно которому понятия «цифровое государство» и «электронное государство» могут использоваться как взаимозаменяемые [10, с. 210]. Другие ученые, напротив, придерживаются той точки зрения, что электронное государство является предшественником цифрового. Они утверждают, что ключевая характеристика цифрового государства – это возможность электронного взаимодействия как между органами государственной и муниципальной власти, так и с институтами гражданского общества. Цифровое государство также направлено на предоставление государственных услуг населению, стимулирование участия бизнеса и граждан в государственных проектах, в том числе посредством краудсорсинговых механизмов, которые формируют основу для дальнейшего перехода к цифровому государству [4, с. 162].

Подводя итог всему вышесказанному, предлагаем определить цифровое государство следующим образом. Под цифровым государством следует понимать систему организации государственного управления, основанную на использовании современных цифровых технологий и данных для повышения эффективности, доступности и прозрачности государственных услуг, обеспечения активного гражданского участия и построения доверительных отношений между гражданами, бизнесом и властью. Оно функционирует как гибкая и адаптивная экосистема, использующая автоматизацию процессов, искусственный интеллект и анализ данных для прогнозирования и удовлетворения индивидуальных и общественных потребностей, соблюдая при этом этические нормы, права человека и принципы устойчивого развития.

Список использованных источников

1. Арзамасов Ю. Г., Арзамасов В. Ю. Цифровое государство: понятие, основные направления деятельности // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 4. С. 32–41.
2. Волкова О. А., Титова М. В. Кибергосударство Российской Федерации. Цифровая трансформация методом платформенного управления // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 6. С. 66–73.
3. Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. Статистические таблицы 2022 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt22/index.html (дата обращения: 20.03.2025).
4. Геворгян А. С., Семенюра К. С. Искусственный интеллект и краудсорсинг в менеджменте: новые подходы к политическим процессам и государственному управлению // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 162–169.
5. Гусарская Е. Н., Панов А. В. Проблема дефицита квалифицированных кадров на государственной и муниципальной службе // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2013. № 10. С. 122–127.
6. Земцов С. П., Демидова К. В., Кичаев Д. Ю. Распространение Интернета и межрегиональное цифровое неравенство в России: тенденции, факторы и влияние пандемии // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 4. С. 57–78.
7. Золаев Э. А. Цифровое государство как новый этап развития общества // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 5. С. 1588–1594.
8. Кутейников А. В. Судьба оригинальной идеи А. И. Китова, проекта создания автоматизированной системы управления советской экономикой (ОГАС) // Научные труды Вольного экономического общества России. 2010. Т. 143. С. 132–138.
9. Понкин И. В. Концепт цифрового государства: понятие, природа, структура и онтология // Государственная служба. 2021. Т. 23, № 5. С. 47–52.
10. Приймак В. Ю. Электронное государство и метавселенная: к вопросу о соотношении понятий // Цифровые технологии и право: сб. науч. трудов I Международной науч.-практ. конф.: в 6 т. Казань: Познание, 2022. Т. 5. С. 210–216.
11. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002?ysclid=lo8gr79h8t198981956&index=3> (дата обращения: 30.03.2025).

12. Строев В. В., Свистунов В. М. Эффективность внедрения искусственного интеллекта для развития регионов России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 7-1. С. 146–156.

13. Утегенов Н. Б. Рост угроз кибербезопасности // Universum: технические науки. 2023. № 7-1. С. 35–39.

14. Шахновская И. В. Понятие и признаки цифрового государства // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Д. Экономические и юридические науки. 2022. № 6. С. 134–136.

15. Education at a glance // OECD. URL: https://www.oecd.org/en/publications/education-at-a-glance_19991487.html (дата обращения: 30.03.2025).

References

1. Arzamasov Yu. G., Arzamasov V. Yu. Digital state: concept, main areas of activity. *Bulletin of the Humanitarian University*. 2023. No. 4. P. 32–41 [in Russ.].

2. Volkova O. A., Titova M. V. Cyberstate Russian Federation. Digital transformation using the platform management method. *Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement*. 2018. No. 6. P. 66–73 [in Russ.].

3. Selective federal statistical observation on the use of information technologies and information and telecommunication networks by the population. Statistical tables for 2022. *Federal State Statistics Service*. Available at: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt22/index.html (date of access: 20.03.2025) [in Russ.].

4. Gevorgyan A. S., Semenyura K. S. Artificial intelligence and crowdsourcing in management: new approaches to political processes and public administration. *State and Municipal Administration. Scientific Notes*. 2025. No. 1. P. 162–169 [in Russ.].

5. Gusarskaya E. N., Panov A. V. The problem of shortage of qualified personnel in the civil service. *Public and Municipal Administration in the 21st Century: Theory, Methodology, Practice*. 2013. No. 10. P. 122–127 [in Russ.].

6. Zemtsov S. P., Demidova K. V., Kichaev D. Yu. The spread of the Internet and interregional digital inequality in Russia: trends, factors and impact of the pandemic. *Baltic Region*. 2022. Vol. 14. No. 4. P. 57–78 [in Russ.].

7. Zolaev E. A. Digital state as a new stage in the development of society. *Creative Economy*. 2021. Vol. 15. No. 5. P. 1588–1594 [in Russ.].

8. Kuteynikov A. V. The fate of the original idea of A. I. Kitov, the project to create an automated management system for the Soviet economy (OGAS). *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2010. Vol. 143. P. 132–138 [in Russ.].

9. Ponkin I. V. The concept of a digital state: concept, nature, structure and ontology. *Public Service*. 2021. Vol. 23. No. 5. P. 47–52 [in Russ.].

10. Priymak V. Yu. Electronic state and metaverse: on the issue of the relationship between concepts. *Digital technologies and law: Collection of scientific papers of the I International scientific and practical conference*: in 6 vols. Kazan: Poznanie Publ., 2022. Vol. 5. P. 210–216 [in Russ.].

11. Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030: approved by Decree of the President of the Russian Federation dated 09.05.2017 No. 203. *Official publication of legal acts*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002?ysclid=lo8gr79h8t198981956&index=3> (date of access: 30.03.2025) [in Russ.].

12. Stroeв V. V., Svistunov V. M. Efficiency of implementation of artificial intelligence for the development of Russian regions. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2024. No. 7-1. P. 146–156 [in Russ.].

13. Utegenov N. B. Growing cybersecurity threats. *Universum: Technical Sciences*. 2023. No. 7-1. P. 35–39 [in Russ.].

14. Shakhnovskaya I. V. Concept and features of a digital state. *Bulletin of Polotsk State University. Series D: Economic and Legal Sciences*. 2022. No. 6. P. 134–136 [in Russ.].

15. Education at a glance. OECD. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/education-at-a-glance_19991487.html (date of access: 30.03.2025).

Поступила в редакцию 04.04.2024

Received April 04, 2024

Конопий Анна Сергеевна,
кандидат юридических наук,
научный сотрудник сектора философии
права, истории и теории
государства и права,
Институт государства и права РАН,
119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10,
email: konopy-anna@mail.ru

Konopiy, Anna S.,
PhD in Law, Researcher of the Department
of Philosophy of Law, History and Theory
of State and Law, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
10, Znamenka Str., Moscow,
119019, Russian Federation,
email: konopy-anna@mail.ru

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ)



THE CIVILIZATIONAL CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN STATEHOOD (HISTORICAL, PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена философско-правовому осмыслению российской государственности, представляющей собой особый культурно-исторический феномен, обладающий самобытным путем развития. Автором представлены истоки цивилизационного выбора России, берущие свое начало от памятников древнерусской литературы и проявляющиеся через классические теории цивилизационного развития (Н. Я. Данилевский, А. Тойнби, О. Шпенглер). Автор, фокусируясь на наиболее дискуссионных проблематиках, особое внимание уделяет научно-теоретическому обоснованию концепта «государство-цивилизация» в контексте современной юридической науки, учитывая и новый технологический уклад. Выводы, которые сделаны автором в ходе исследования, доказывают состоятельность концепции самобытности российской цивилизации и способствуют дальнейшему продвижению данной идеи в рамках цивилизационного формата.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государство, государство-цивилизация, цивилизация, цивилизационный подход, цивилизационный вектор, цивилизационная идентичность, государственность, российская государственность

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Конопий, А. С. Цивилизационный контекст развития российской государственности (историко-философский и правовой аспекты) / А. С. Конопий. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 24–29. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-3

ABSTRACT. The article is devoted to the philosophical and legal understanding of Russian statehood, which is a special cultural and historical phenomenon with an original path of development. The author presents the origins of Russia's civilizational choice, originating from the monuments of ancient Russian literature, and manifested through classical theories of civilizational development (N. Ya. Danilevsky, O. Spengler, A. Toynbee). Focusing on the most controversial issues, the author pays special attention to the scientific and theoretical substantiation of the concept of "state-civilization" in the context of modern legal science, taking into account the new technological order. The conclusions drawn by the author in the course of this study prove the validity of the concept of the identity of Russian civilization and contribute to the further promotion of this idea within the framework of the civilizational format.

KEYWORDS: state, state-civilization, civilization, civilizational approach, civilizational vector, civilizational identity, statehood, Russian statehood

FOR CITATION:

*Konopiy, A. S. (2025) The Civilizational Context of the Development of Russian Statehood (Historical, Philosophical and Legal Aspects). *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(2): 24–29 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-3*

В последнее время в отечественной правовой науке справедливой и обоснованной выступает идея цивилизационной самобытности российской государственности. Наблюдается все более частое обращение ученых и мыслителей к вопросу об определении культурно-цивилизационной самобытности нашего государства [1; 2; 4; 8–11; 16]. Представляется, что проявление научного интереса к проблематике цивилизационной идентичности России может быть обусловлено современной государственной политикой, направленной на сохранение целостности и устойчивости российского цивилизационного пространства.

Истоки цивилизационного выбора России. Вместе с тем идея самобытности российской цивилизации не является новой для отечественной правовой науки. Вспомнить только памятник древнерусской литературы первой половины XI в. – «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, – через который идея религиозной самобытности Руси среди христианских государств проходит красной нитью. В то же самое время исключительное положение Москвы как духовного центра в православном мире утверждалось и в первой половине XVI в. – в религиозно-историософской концепции монаха псковского Елеазарова монастыря Филофея «Москва – Третий Рим».

Следует отметить, что выбор в пользу самобытного пути развития был подчеркнут и во времена правления Николая I – с утверждением теории официальной народности С. С. Уварова, основанной на принципах православной веры, самодержавия и народности, в качестве фактически официальной идеологии Российской империи.

Идея цивилизационной самобытности прослеживается в трудах представителей философских течений общественно-политической мысли XIX столетия, в которых совершенно ясно выявляется увязка цивилизационной самобытности России с православной духовностью. В частности, представитель славянофильского направления И. В. Киреевский, рассуждая об особом пути России, писал о спасительной роли Православия: «Ибо Православие есть душа России, корень всего ее нравственного бытия, источник ее могущества и крепости, знамя, собирающее все разнородные чувства ее народа в одну твердыню, залог всех

надежд ее на будущее, сокровище лучших воспоминаний прошедшего, ее господствующая святыня, задушевная любовь... любить Россию нельзя без искренней преданности ее Православной Церкви: ею она проникнута во всех основах своего бытия, она составляет ее существенную особенность, ее душу и коренное условие ее правильного и благополучного возрастания» [7, с. 34–35, 40–41].

Основоположник раннего славянофильства А. С. Хомяков, проповедуя российскую самобытность, по мере продвижения вперед не исключал возможность занимать «случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными, спрашивая у истории церкви и законов ее – светил путеводительных для будущего нашего развития и воскрешая древние формы жизни русской... Тогда, в просвещенных и стройных размерах, в оригинальной красоте общества, соединяющего патриархальность быта областного с глубоким смыслом государства, представляющего нравственное и христианское лицо, воскреснет древняя Русь, но уже сознающая себя, а не случайная, полная сил живых и органических, а не колеблющаяся вечно между бытием и смертью» [17, с. 470].

В то же самое время о цивилизационной самостоятельности России писал М. Н. Катков: «С падением Византии поднялась Москва и началось величие России. Вот где тайна той глубокой особенности, которой Россия отличается среди других народов мира... Будем бодро смотреть вперед, но и будем верны заветам нашей истории. Всякому свое: Востоку восточное, Западу западное. Воздавая должное другим, останемся собою и пойдем своим путем... Не случайно сложилось наше могущество в мире, и не даром существует Россия» [6, с. 471].

Значительный вклад в становление цивилизационных основ Российского государства внес выдающийся русский философ Н. Я. Данилевский. Обосновывая цивилизационный контекст российской государственности, следует обратиться к его идеям, представленным в труде «Россия и Европа: взгляд на культурно-исторические и политические отношения славянского мира к германо-романскому». Изложенная в работе теория культурно-исторических типов фактически сделала его осно-

воположником цивилизационного подхода в исследовании истории Российского государства как части всемирной истории.

Интересным представляется тот факт, что Н. Я. Данилевский рассматривал славянскую цивилизацию в качестве потенциально самостоятельного культурно-исторического типа, единственным представителем которого является Россия [5, с. 407]. При этом именно славянский, по его мнению, должен стать первым полным четырехосновным культурно-историческим типом, представленным синтезом всех сторон культурной деятельности (религии, культуры, политики и общественно-экономического строя) [5, с. 430].

Не менее интересна позиция выдающихся представителей евразийского направления П. Н. Савицкого [12] и Н. С. Трубецкого [14], которые заявляли, что Россия занимает особое место на стыке восточного и западного историко-культурных миров. Справедливости ради следует отметить, что ключевой идеей евразийской концепции цивилизационной идентичности является представление о России как о самостоятельной цивилизационной общности, не относящейся в полной мере ни к Востоку, ни к Западу. Именно этому так называемому промежуточному положению в геополитическом пространстве Россия в конечном счете обязана своей самобытностью, так как в равной мере, воспринимая западное и восточное, она соединила данные архетипы в своей культуре.

Абсолютно справедлива мысль А. Н. Савенкова о том, что идеи К. С. Аксакова, Н. Я. Данилевского, Н. А. Бердяева и других представителей русской философской мысли «могут восприниматься как смысловые характеристики русской правовой идеологии, русской политико-правовой ментальности, основой для выработки элементов стратегии современного государственного строительства...» [11, с. 347]. При этом, несмотря на бесспорность суждений для истории политико-правовой мысли и для всей юридической науки в целом, отечественный ученый отмечает, что далеко не все идеи (в частности, отрицание Н. Я. Данилевским возможности и необходимости конституции в России) могут найти оправдание в условиях современного правоведения [11, с. 554–555].

Вместе с тем, актуализируя данную проблему, следует отметить неоднозначное отноше-

ние к роли России в системе мировых цивилизаций в зарубежном научном мире. В связи с этим историко-философское осмысление идеи самобытности русской государственности не будет всесторонним без обращения к классическим трудам крупнейших западных теоретиков, в числе которых немецкий философ О. Шпенглер [18] и английский историк А. Тойнби. Несмотря на структурно-содержательные различия их культурологических концепций, классики цивилизационной теории едины во мнении о цивилизационной самобытности Российского государства.

В частности, О. Шпенглер отмечал, что «русские вообще не народ в том смысле, каким являются немцы и англичане. Они содержат в себе возможности многих народов будущего... Россия есть обещание грядущей культуры, в то время как тень от Запада будет становиться все длиннее и длиннее» [19, с. 407–408]. В то же самое время А. Тойнби, критикуя концепцию европоцентризма, предложил свою теорию цивилизаций, в которой, в отличие от предшественников, рассматривал культурно-историческую российскую самобытность не как нечто возможное в будущем, а как уже состоявшийся факт. Подчеркивая важность религиозного основания и первоначальной родины, классик цивилизационного подхода относил Россию к православно-христианскому обществу, первоначальной колыбелью которого являлась Византийская Анатолия [13, с. 61].

В силу этого возникает мнение о том, что теоретическое историософское наследие отечественных и зарубежных мыслителей, раскрывающее проблематику цивилизационной идентичности России, является фундаментальной основой для осознания возможностей российского государственно-цивилизационного развития. Вместе с тем такая позиция нуждается в научном осмыслении в контексте современной государственно-правовой реальности. Хотя парадоксальным является, на наш взгляд, то, что большинство исследователей концентрирует внимание лишь на религиозно-нравственных началах духовной жизни России, как бы игнорируя политико-культурные, философско-правовые основы формирования российской идентичности, пытаюсь минимизировать историческую роль России в общемировом цивилизационном процессе.

Философско-правовые аспекты российской цивилизационной идентичности в новых исторических контекстах. Обращают на себя внимание и современные научно-теоретические постулаты по поводу выбора цивилизационного пути развития российской государственности. В частности, мнение В. В. Лапаевой, полагающей, что Россия, обладая мощным цивилизационным потенциалом, все еще находится в процессе осмысления своей цивилизационной идентичности, ориентируясь на синтез духовных начал Запада и Востока, под которым подразумевается соединение западного понимания правовой справедливости как равенства людей в их свободе и восточных представлений о справедливости социальной жизни на основе общинно-братского характера взаимодействия между людьми [9, с. 8–12]. При этом цивилизационная идентичность государства, обладающего цивилизационным потенциалом, по мнению автора, предполагает не только общность истории и близкую ментальность его граждан, но и общее понимание перспектив цивилизационного развития, т. е. наличие самостоятельного проекта будущего, который бы вписывался в мировые тренды общецивилизационного развития [8, с. 82].

По мнению другого исследователя, О. А. Белькова, Россия представляет собой один из суверенных центров мирового развития и остается влиятельным актором геополитики, играя деятельную роль в формировании многополярной системы международных отношений. И в то же время, подчеркивая самобытный статус российского государства-цивилизации, автор заявляет о наличии у России собственного пути развития, который не подразумевает слияние с другими цивилизациями [3].

Вместе с тем хотелось бы отметить, что на долю исторического формирования и развития российской государственности приходились и войны, и глобальные катаклизмы, повлиявшие не только на исторический процесс России, но и на весь ход мировой истории. Такое положение, безусловно, отражалось и на восприятии роли и места России в мировом развитии. Однако формирование национальной цивилизационной идеи во многом зависит от тех исследователей, которые ее развивают и продвигают, поэтому создание различных духовно-нравственных и философско-правовых архетипов в российском цивилизационном дискурсе в ито-

ге и сформировало такую достаточно пеструю картину цивилизационного мировосприятия.

В этом смысле абсолютно точно можно согласиться с В. Т. Фаритовым, который полагает, что обретение русской идентичности невозможно без русской философии. При этом невозможно не принять и тот факт, что, как верно отмечает отечественный исследователь, по причине отсутствия собственного философского языка как западники, так и сторонники самобытного пути вынуждены использовать заимствованные категории [16, с. 98].

Таким образом, представляется, что перед современной наукой может быть поставлена масштабная задача по конструированию собственной системы понятий и представлений, способной объективно и справедливо продемонстрировать цивилизационную самобытность российской государственности.

Декларирование в государственной доктрине концепта «государство-цивилизация» актуализирует необходимость его научно-теоретического обоснования в контексте современной юридической науки. Справедливости ради скажем, что данная проблематика находится в поле научного интереса многих современных отечественных исследователей. В частности, П. П. Баранов и И. А. Крыгина обращают внимание на проблематику сохранения целостного цивилизационного пространства России в условиях формирования нового технологического уклада. Отмечается, что в этом смысле именно цивилизационный выбор России выступает «гарантом сохранности национального единства, самобытности и цивилизационного порядка, доставшегося нам от наших предков» [2, с. 14], обеспечивая тем самым устойчивость цивилизационной целостности.

Действительно, современное политико-правовое и государственное развитие переживает ряд существенных политических, социально-экономических и духовно-нравственных трансформаций, во многом обусловленных четвертой промышленной революцией. Однако модернизация законодательной базы, рецепция зарубежных правовых институтов, изменение правовой политики и политического курса в соответствии с требованиями общемировой технологической тенденции могут привести к потере самодостаточности и цивилизационной целостности государства. В связи

с этим в эту непростую эпоху одним из приоритетов повестки будущего развития Российской Федерации является сохранение российской цивилизационной идентичности наравне с эффективной интеграцией в пространство цифровой экономики и нового технологического уклада.

Не менее интересной представляется позиция, согласно которой положение о России как государстве-цивилизации предлагается считать в качестве одной из основ конституционного строя Российского государства, пускай и не закреплённой на конституционном уровне. При этом, по мнению П. П. Баранова, закреплению целого набора конституционных новелл консервативного цивилизационного характера отчасти способствовала конституционная реформа 2020 г., однако вместе с тем отмечается, что две первые главы Конституции все еще плохо соответствуют традиционным ценностям российской цивилизации [1, с. 80].

В рамках продвижения идеи цивилизационной самобытности России необходимо обратить внимание и на своевременные государственно-правовые процессы. В частности, пунктом 4 Указа Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики РФ» определено «особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» [15].

Нормативно-правовое закрепление российской цивилизационной парадигмы ознаменовало важный этап в развитии российской государственности как самостоятельной социокультурной общности, обладающей особым цивилизационным кодом. Говоря словами А. И. Овчинникова, государственно-правовая идентичность России может быть охарактеризована как идентичность сильного государства с четкой социальной нравственной системой ценностей, демонстрирующего всему миру готовность защищать традиционные духовно-нравственные ценности [10, с. 581–582].

Заключение. Таким образом, актуализация рассматриваемой идеи позволяет рассматривать Россию не только как самое большое государство в истории человечества, но и как государство – носитель собственного цивилизационного кода. Однако на формирование

собственного кода самобытной идентичности оказывают влияние не только культурно-исторический, социополитический и нравственно-духовный уклады, формировавшиеся на протяжении тысячелетия.

Огромное значение в определении данной идентичности играет и так называемое правовое поле России. Оно не только задает вектор ее цивилизационного выбора, но и порождает в некотором роде проблематику, требующие философско-правового осмысления на уровне общетеоретических исследований. Более того, современная российская государственно-правовая реальность напрямую сталкивается с новыми вызовами, обусловленными в том числе и формированием новых технологических укладов, которые, выражаясь современным языком, «прошивают» всю государственно-правовую и одновременно социально-политическую реальность и тем самым создают новые, уже современные вехи цивилизованности.

Как справедливо отмечает В. С. Горбань, современный мир претерпевает процессы, меняющие «культурно-цивилизационный облик планеты, динамику культурно-цивилизационных трансформаций» [4, с. 31]. В связи с этим абсолютно очевидно, что многие вопросы все еще нуждаются в доктринальной оценке в русле отечественной политической, философской и юридической науки. Однако совершенно точно можно утверждать, что Россия, закрепив свой устойчивый порядок цивилизационными скрепами, демонстрирует стойкость в своем самобытном развитии.

Список использованных источников

1. Баранов П. П. Государство-цивилизация как основа конституционного строя Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 73–81.
2. Баранов П. П., Крыгина И. А. Цивилизационные доминанты развития современной России в условиях формирования нового технологического уклада // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2024. Т. 11, № 4. С. 9–14.
3. Бельков О. А. Государство-цивилизация – геополитический статус России // Социально-политические науки. 2024. Т. 14, № 5. С. 38–45.
4. Горбань В. С. Культурное и цивилизационное измерение в понимании права и государства // Право и государство: культурологическое измерение: IX Международная науч.-практ. конф. СПб.: СПбГУП, 2024. С. 29–31.

5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. СПб.: Изд-во СПб. ун-та: Глаголь, 1995. 552 с.

6. Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1882 год. М., 1898. 688 с.

7. Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. М.: Ин-т русской цивилизации, 2007. 448 с.

8. Лапаева В. В. Национальная идентичность россиян и цивилизационная идентичность России (политико-правовой анализ) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 1. С. 77–85.

9. Лапаева В. В. Цивилизационная идентичность России как философско-правовая проблема // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 4. С. 8–29.

10. Овчинников А. И. Традиционные духовно-нравственные ценности как основа государственно-правовой идентичности России // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения (Санкт-Петербург, 9–10 июня 2022 г.). СПб.: СПбГУП, 2022. С. 581–583.

11. Савенков А. Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. М.: Наука, 2024. 739 с.

12. Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства // Основы евразийства. М.: Арктогея-центр, 2002. С. 297–304.

13. Тойнби А. Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 670 с.

14. Трубецкой Н. С. Европа и Азия. М.: Родина, 2022. 304 с.

15. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» от 31.03.2023 № 229 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 20.05.2025).

16. Фаритов В. Т. Цивилизационная идентичность России как философская проблема // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер. Философия. 2024. Т. 6, № 4. С. 89–101.

17. Хомяков А. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Работы по историософии. М.: Моск. философ. фонд: Медиум, 1994. 590 с.

18. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. 606 с.

19. Шпенглер О. Политические произведения. М.: Канон+: Реабилитация, 2009. 526 с.

References

1. Baranov P. P. The STATE-civilization as the basis of the constitutional system of the Russian Federation. *North Caucasian Law Bulletin*. 2024. No. 2. P. 73–81 [in Russ.].

2. Baranov P. P., Krygina I. A. Civilizational dominants of the development of modern Russia in the context of the formation of a new technological order. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2024. Vol. 11. No. 4. P. 9–14 [in Russ.].

3. Belkov O. A. State-civilization – geopolitical status of Russia. *Social and political sciences*. 2024. Vol. 14. No. 5. P. 38–45 [in Russ.].

4. Gorban V. S. Cultural and civilizational dimension in understanding law and state. *Law and state: cultural dimension: IX International scientific and practical conference*. St. Petersburg: St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences, 2024. P. 29–31 [in Russ.].

5. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe: A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic Romance. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House: Glagol Publ., 1995. 552 p. [in Russ.].

6. Katkov M. N. Collection of leading articles of the *Moskovsky Vedomosti*. 1882. Moscow, 1898. 688 p. [in Russ.].

7. Kireevsky I. V. The spiritual foundations of Russian life. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2007. 448 p. [in Russ.].

8. Lapaeva V. V. National identity of Russians and civilizational identity of Russia (political and legal analysis). *Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University*. 2024. No. 1. P. 77–85 [in Russ.].

9. Lapaeva V. V. The civilizational identity of Russia as a philosophical and legal problem. *Justice*. 2024. Vol. 6. No. 4. P. 8–29 [in Russ.].

10. Ovchinnikov A. I. Traditional spiritual and moral values as the basis of the state and legal identity of Russia. *Global conflict and contours of the new world order: XX International Likhachev Scientific Readings (St. Petersburg, June 9–10, 2022)*. St. Petersburg: St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences, 2022. P. 581–583 [in Russ.].

11. Savenkov A. N. Philosophy of law and the formation of the Russian state-civilization. Moscow: Nauka, 2024. 739 p. [in Russ.].

12. Savitsky P. N. Geographical and geopolitical foundations of Eurasianism. *Fundamentals of Eurasianism*. Moscow: Arktogeya-Center Publ., 2002. P. 297–304. [in Russ.].

13. Toynbee A. J. The study of history: The emergence, growth and Disintegration of civilizations. Moscow: AST: AST MOSCOW. 2009. 670 p. [in Russ.].

14. Trubetskoy N. S. Europe and Asia. Moscow: Rodina Publ., 2022. 304 p. [in Russ.].

15. Decree of the President of the Russian Federation dated 31.03.2023 No. 229 “On approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation”. *Official website of the President of Russia*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (date of access: 20.05.2025) [in Russ.].

16. Faritov V. T. The civilizational identity of Russia as a philosophical problem. *Bulletin of Samara State Technical University. Series: Philosophy*. Vol. 6. No. 4. 2024. P. 89–101 [in Russ.].

17. Khomyakov A. S. Essays: in 2 vols. Vol. 1. Works on historiosophy. Moscow: Moscow Philosophical Foundation: Medium Publ., 1994. 590 p. [in Russ.].

18. Spengler O. The decline of Europe. Essays on the morphology of world history: in 2 vols. Vol. 2. World-historical perspectives. Moscow: Mysl Publ., 1998. 606 p. [in Russ.].

19. Spengler O. Political works. Moscow: Canon+: Reabilitatsiya, 2009. 526 p. [in Russ.].

Поступила в редакцию 05.06.2025

Received June 05, 2025

Кузьмин Максим Олегович,
преподаватель кафедры юридических
дисциплин, гуманитарно-правовой
факультет, Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Воронежский
государственный аграрный университет
имени императора Петра I»,
394087, Россия, г. Воронеж, ул. Мичурина, д. 1,
email: maksimkuzmin@mail.ru

Kuzmin, Maxim O.,
Lecturer at the Department
of Legal Disciplines,
Faculty of Humanities and Law,
Voronezh State Agricultural University,
1 Michurin Str., Voronezh,
394087, Russian Federation,
email: maksimkuzmin@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРЕДИТНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ ЭПОХИ ПРАВЛЕНИЯ ПЕТРА I

◆ FEATURES OF LEGAL REGULATION OF CREDIT AND MONETARY RELATIONS IN RUSSIA DURING THE REIGN OF PETER I

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется проблематика правовой регламентации кредитно-денежных отношений в Русском государстве в первой четверти XVIII в., в период многочисленных изменений в различных сферах жизни общества. Рассматриваются особенности хозяйственной структуры России во время правления Петра I, влияние его реформ на экономическую политику страны, а также правовое регулирование отдельных заемных институтов. Актуальность данного исследования подразумевается благодаря проведению подробного анализа существующих в науке точек зрения в части вышеупомянутого феномена и полученным результатам о специфике юридической характеристики хозяйственных преобразований. Исследуются предпосылки формирования российской банковской системы, определяется правовой статус банкиров в рамках законодательства обозначенного периода. Рассматривается природа институтов простого и переводного векселя в отечественном праве Петровской эпохи, их особенности и отличительные черты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вексель, тратта, долговая расписка, мануфактуры, Регламент Главного магистрата, кредит, заем, деньги

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Кузьмин, М. О. Особенности правового регулирования кредитно-денежных отношений в России эпохи правления Петра I / М. О. Кузьмин. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 30–37. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-4

ABSTRACT. This article examines the problems of legal regulation of credit and monetary relations in the Russia in the first quarter of the 18th century during the period of numerous changes in various spheres of social life. The features of the economic structure of Russia during the reign of Peter I, the impact of his reforms on the country's economic policy, as well as the legal regulation of individual loan institutions are considered. The relevance of this study is implied by conducting a detailed analysis of existing scientific points of view in terms of the above-mentioned phenomenon and the results obtained on the specifics of the legal characteristics of economic transformations. The prerequisites for the formation of the Russian banking system are studied, the legal status of bankers is determined within the framework of the legislation of the designated period. The nature of the institutions of a simple and transferable bill of exchange in the Russian law of the Peter the Great era, their features and distinctive features are determined. The nature of the institutions of simple and bills of exchange is considered.

KEYWORDS: bill, draft, promissory note, manufactures, Regulations of the Chief Magistrate, credit, loan, money

FOR CITATION:

Kuzmin, M. O. (2025) Features of Legal Regulation of Credit and Monetary Relations in Russia During the Reign of Peter I. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(2): 30–37 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-4

К концу XVII столетия в России назревали масштабные реформы, которые должны были коренным образом изменить уклад жизни всех социальных слоев населения. Для дальнейшего развития стране было необходимо создать современную и всеобъемлющую систему хозяйствования. Без действующих механизмов кредитно-денежного характера, а также банковских институтов такая экономическая система была бы нежизнеспособна. Исходя из этого, особое внимание следует уделить правовому регулированию указанных явлений, поскольку именно юридическая регламентация послужила отправной точкой к формированию банковского дела в России.

Предпосылки вышеуказанных кардинальных преобразований появились в конце правления Алексея Михайловича, попытки их реализации предпринимались его сыном, Федором Алексеевичем, однако в полной мере смогли быть реализованы только самым младшим наследником царя по мужской линии – Петром, будущим императором всероссийским. Вышеупомянутые изменения в первую очередь затрагивали экономическую сторону внутриполитического вектора развития страны. Следует отметить, что вплоть до XVIII в. в Русском государстве приоритетным способом расчетов было движение наличных денег, применялся и натуральный обмен [3, с. 22]. Такие тенденции тормозили дальнейшее развитие страны, действительность требовала создания специальных экономических механизмов и их правовой регламентации. Безусловно, без целостной материальной базы воплотить задуманное было невозможно. При этом такой подход требовал стратегического и детального правового регулирования со стороны власти.

Молодой царь Петр Алексеевич старательно прорубал окно в Европу, заимствуя из западных стран институты, прежде неизвестные населению Русского государства. Старые социальные связи рушились, и на их месте создавались новые. Вместе с этим изменялась и объективная действительность в рамках политических, духовных и экономических отношений внутри государства, формируя инновационные конструкции, требующие правовой регламентации. Тем не менее спонтанный и непоследовательный характер реформ не позволял глубоко проработать внедряемые нов-

шества, что влекло за собой незавершенность реализуемых мероприятий. Например, в части правового регулирования кредитно-денежных отношений попытки реорганизации предпринимались не единожды, однако раз за разом не приводили к необходимому результату. Преобразование в монетном деле конца XVII – начала XVIII в. на время облегчили экономический упадок, но не решили тех задач, которые перед ними ставились. Исходя из этого, результаты реформ, в том числе их отражение в правовой сфере, нельзя назвать абсолютно благоприятными для дальнейшего развития государства.

Изменения в хозяйственном укладе страны были вынужденными, поскольку начавшаяся в 1700 г. Северная война заставила ускорить проведение преобразований. Перед Петром I встала задача в кратчайшие сроки перевооружить армию, развить недавно появившийся военно-морской флот, создать отлаженную систему снабжения войск всеми необходимыми ресурсами. Подобные мероприятия требовали колоссальных экономических затрат, а форсированный характер преобразований лишь усугублял печальное финансовое положение государства. Россия могла рассчитывать на несколько путей решения проблемы, начиная с новых манипуляций над стоимостью монеты и заканчивая постепенным ростом промышленного и торгового потенциала страны. Впрочем, формирование полноценной банковской системы, основанной на сбалансированном проявлении внутренних и внешних факторов кредитно-денежных отношений, царем не рассматривалось. Причиной этого выступала одна из особенностей мировоззрения Петра Великого. Русский монарх решительно отказывался от использования зарубежных заемных средств. По мнению С. М. Соловьева, по результатам правления первого российского императора государство не только увеличило абсолютную доходность, но и ликвидировало какие-либо кредитные обязательства – «не сделало ни копейки долга» [21, с. 136].

Тем не менее отсутствие видимых обязательств государства не означало позитивное развитие хозяйственной сферы страны. Фактически Петр I отсрочил проблему формирования кредитно-денежной системы по современному образцу, переложив ее на своих преемников. После его смерти молодая Российская империя

объективно не могла существовать без специализированных учреждений, предоставлявших разным слоям населения краткосрочные и долгосрочные займы под определенный процент. Поддержание высокого уровня промышленности и торговли в государстве без доступа к кредитному капиталу хозяйствующих субъектов невозможно: отсутствие динамики денежных потоков рано или поздно приведет к стагнации и краху всего экономического механизма внутри общества.

Вместе с этим условия, в которых оказалась Россия во второй четверти XVIII в., для отечественных финансов оказались непростыми. Стремительные инновации в области хозяйствования создавали нетипичную обстановку, которая не вписывалась в привычную юридическую среду. Несмотря на комплекс различных реформ, частноправовые отношения, как и раньше, регулировалось по модели, предложенной Соборным Уложением Алексея Михайловича. Данный нормативный акт действовал практически два столетия – вплоть до опубликования Свода законов Российской империи в 1832 г. В результате архаичного подхода властей к кредитно-денежным и банковским институтам государство столкнулось с непреодолимыми барьерами.

Фактически в России отсутствовал единый подход к нормативному регулированию отношений, возникающих в сфере займа, ростовщичества и деятельности менял. Еще одним препятствием для формирования такого целостного подхода к регламентации кредитно-денежных отношений традиционно выступало влияние правового обычая в отечественном гражданском обороте. К примеру, процентные ставки по договорам займа устанавливались в размере, известном еще со времен правления Ивана IV Грозного, – их размер варьировался от 15 до 20 %. Именно такой показатель фиксировался в кабалах XVII в., соблюдалось древнее правило о взимании роста «на пять шестой» [19]. Данная особенность была отражена в тексте указа Анны Иоанновны, дающего полномочия Монетной Конторе предоставлять кредиты населению империи [14]. Более того, вышеуказанный правовой обычай, применявшийся в первой четверти XVIII в., напрямую противоречил действующему Соборному Уложению 1649 г. Свод законов Алексея Михайловича

предусматривал только безвозмездный заем, в сущности, договор ссуды, в то время как реальные взаимоотношения субъектов строились на регламентации обычным правом. Иными словами, кредитование не только подразумевало плату за проценты, но и размер таких процентов, как отмечалось ранее, был чрезвычайно высок. Такой феномен в правовом регулировании кредитно-денежных отношений негативно влиял на формирование единого подхода к регламентации заемных договоров и не позволял появиться целостной системе банковских учреждений, для деятельности которых была необходима крепкая законодательная база.

Известно, что значимым импульсом к развитию отечественной экономики в начале XVIII столетия стало повсеместное открытие мануфактур. Петр I зачастую лично принимал решение об открытии того или иного предприятия, по поводу чего издавались многочисленные указы монарха. Впрочем, со временем показатели российской промышленности, ввиду отсутствия четкого планирования хозяйственных перспектив со стороны власти, начали характеризоваться упадком, возникали процессы, свойственные стагнации, а впоследствии и регрессу. Возникла проблема сохранения петровских мануфактур и их дальнейшего развития.

Следует отметить, что немаловажным фактором, из-за которого сложилась упомянутая ситуация, было отсутствие специализированных банковских организаций, способных на универсальных условиях предоставлять денежные займы заинтересованным лицам. Такой подход накладывал определенные ограничения на предпринимательские возможности даже зажиточного населения. Несмотря на то, что государство пристально следило за договорными и рыночными отношениями, механизм правового регулирования базировался, как отмечалось ранее, на правовых обычаях [9, с. 115]. К концу XVIII в. сложилась тенденция, при которой большая часть фабрик концентрировалась в руках купцов. Сословие торговцев опережало по этому показателю в абсолютных значениях все иные социальные группы, в том числе и дворянство, обладавшее большими финансовыми возможностями. Например, в период с 1701 по 1740 г. было открыто 36 металлургических заводов с участием купеческого капитала и всего лишь одно предприятие с

привлечением денег высшей прослойки общества [16, с. 184]. В полотняной промышленности ситуация была тождественная: к концу 70-х гг. XVIII в. купцам принадлежало около 130 текстильных мануфактур, в то время как дворянам – не более 54. Кроме того, в начале столетия цифры разнились в еще большем диапазоне и не в пользу последних. В бумажном производстве заводы также преимущественно принадлежали представителям торгового сословия. При этом трудовые ресурсы, использовавшиеся на таких работах после 1721 г., характеризовались повсеместным привлечением посессионных крестьян [12].

Так почему же именно купеческий капитал имел наибольшую долю в промышленном секторе по сравнению с остальными категориями населения? Ответ на этот вопрос необходимо искать в свидетельствах, имевших место задолго до правления Петра I. К тому же ключевым аспектом вышеобозначенного явления следует считать доступность или недоступность заемных средств для фабрикантов. Например, новгородская купеческая корпорация XII в. «Иваново сто» была лишь одним из многих торговых сообществ, предоставлявших кредиты коммерсантам Средневековья. В Новое время тенденции к объединению населения, занятого в деятельности по реализации товаров, продолжились. В XVI столетии из общего числа торговцев выделяется особая социальная группа, именуемая в документах того времени гостиной сотней [18, с. 22]. В историографии сложились различные мнения насчет природы указанной общности. В частности, историк Н. И. Костомаров определяет гостиную сотню как сословие, обособившееся со временем от более статусных гостей – крупных купцов, которые могли беспрепятственно посещать зарубежные страны для ведения торговой деятельности [7, с. 489]. В свою очередь, советский и российский исследователь Н. Б. Голикова рассматривала названную социальную группу с позиций привилегированной корпорации [2, с. 226]. При этом наравне с гостиной сотней существовала суконная, члены которой осуществляли ограниченную реализацию товаров и могли заведовать мелкими предприятиями.

По большому счету, не имеет принципиального значения характер формирования данных общностей. Важен сам факт объединения куп-

цов с целью создания особой экономической среды, способствовавшей упрощенному доступу к заемному капиталу. На протяжении веков сложилась специфическая практика, в рамках которой торговцы кредитовали друг друга в различные кризисные периоды, будь то пора политико-хозяйственных переломов, социальных волнений или стихийных бедствий. Внутри специального объединения купцы могли предоставлять займы коллегам для увеличения товарного оборота, расширения границ коммерческой деятельности, а впоследствии – для развития заводов и мануфактур. При этом специальных нормативных актов насчет подобного кредитования не существовало – торговцы руководствовались правилами деловых обычаев, сложившихся на протяжении столетий.

В кругу дворян-промышленников подобной тенденции сформировано не было. Высшее сословие зачастую не располагало иными средствами дохода, кроме крестьянского оброка, который не всегда имел денежную форму, а также жалования за государеву службу. Доступ к иностранным финансам у большей части петровского шляхетства, за исключением сподвижников царя, был ограничен. В таких условиях говорить об оборачиваемости капитала и возможности использования свободных средств для выдачи займов другим представителям дворянства не приходится. Более того, неподготовленность к сложным хозяйственным процессам в совокупности с невысокой заинтересованностью самих фабрикантов от служилого сословия в совершенствовании производства однозначно отвечает на вышеупомянутый вопрос о недостаточной доле дворянских денег в промышленном секторе России в первой четверти XVIII в. Причем к концу столетия что в ткачестве, что в металлургии аристократы не смогли сохранить в своих руках те казенные заводы, которые были им переданы монархом, дворянское предпринимательство практически отсутствовало [4, с. 273]. Тем более что сам Петр I требовал от шляхетства преимущественно ратных подвигов, а открытие производственных учреждений для высшей прослойки общества выступало лишь дополнительной деятельностью, прилагаемой к государственной службе.

При этом податные сословия фактически не имели ни единой возможности в первой чет-

верти XVIII в. стать фабрикантами. Напротив, многие из них являлись основной рабочей силой на заводах и мануфактурах. Речь идет как о жителях городов, которых еще со времен издания Соборного Уложения 1649 г. прикрепили к посадам, так и о крестьянах, делившихся на приписных (лично свободных) и посессионных (крепостных). Прослойка ремесленников, в свою очередь, не обладала обширными финансовыми возможностями, чтобы расширить деятельность до фабричных масштабов. Особенности развития данного сословия в России заключались в тесной связи представителей ручного производства с земледелием. Так, многие ремесленники имели сельскохозяйственные участки земли, разводили скот, сеяли зерновые, что тормозило общий прогресс мелкой промышленности [8, с. 46]. А. Н. Боханов отмечал, что спрос на ремесленные товары был ниже предложения ручного труда, а заказы на изделия носили нерегулярный характер [8, с. 47]. Иными словами, свободному капиталу в необходимых объемах для вложения в открытие мануфактуры неоткуда было взяться. К тому же ремесленникам не был доступен в полной мере механизм заемных средств. Поэтому в первой половине XVIII столетия именно купечество было единственным сословием, которое могло поддержать частную предпринимательскую инициативу без казенных вливаний. Как отмечалось ранее, у торговцев для такой деятельности предусматривался и некоторый, пусть и примитивный, но действенный механизм правового регулирования посредством применения обычаев.

С принятием в 1721 г. Регламента или Устава Главного Магистрата, вводившего понятие гильдий и цехов, ситуация с кредитно-денежными отношениями внутри государства, а равно и их правовой регламентацией не изменилась [17]. Помимо ранее упомянутых причин, дополнительным поводом к торможению развития экономической сферы в целом и заемных институтов в частности выступал давний русский обычай закапывать деньги в землю для сохранности [6, с. 49]. Такая «запуганность капитала» не только не позволяла населению приумножать свои сбережения, но и лишала казну колоссальных источников оборотных средств. Череда разорительных войн и набегов, неурожайные годы и эпидемии сформировали на

протяжении столетий у жителей центральной части страны устойчивую практику к запасничеству монет. Причем данный феномен был характерен не только для менее обеспеченных податных сословий, но и для аристократии. Некоторые дворяне хранили деньги схожим образом – запирали их в многочисленные ларцы.

С одной стороны, тенденция к сознательному выводу из оборота материальных ценностей обывателями не позволяла идее о функционировании специализированных банковских учреждений закрепиться в сознании населения и разрастись в сложную структуру хозяйственных отношений. С другой стороны, подобная традиция не помешала власти включить в Регламент Главного Магистрата особую социальную прослойку – банкиров. В документе содержится оговорка, что речь идет только о тех лицах, которые «дают на вексели деньги». Исходя из данного положения, следует сделать вывод о том, что деятельность банкиров в большей степени была связана с долговыми ценными бумагами. При этом заемные операции иного характера в Регламенте не упоминаются, поскольку они осуществлялись между собой неспециализированными экономическими субъектами, занятыми в торговле.

Для того чтобы верно истолковать вышеуказанную ситуацию, необходимо проанализировать то, каким образом вексельное право Петровской эпохи регламентировало обязательства по ценным бумагам. Так, аналогичный переводному векселю институт был известен еще Псковской судной грамоте и был, по видимому, заимствован у зарубежных торговцев. Именно в Западной Европе в XV–XVII столетиях одним из основных и безопасных средств платежа по коммерческим операциям выступали тратты. Они, в отличие от простых векселей, являвшихся по своей природе долговой распиской, не противоречили христианским догматам и плотно вошли в хозяйственную практику того времени [20, с. 343].

Вместе с тем в России до конца XVII в. действовала кабальная система, которую постепенно стали вытеснять более современные кредитно-денежные конструкции. Одной из таких новелл для отечественного права в обозначенный временной промежуток стал непосредственно простой вексель. Ситуация оказалась прямо противоположной европейскому опыту

хождения долговых ценных бумаг. С. М. Баррац объяснял такой феномен в первую очередь родственным характером различных кабал и простых векселей [1, с. 675]. Привычная обывателям форма заемных правоотношений получила новое воплощение, вписывающееся в условности финансовой политики Петровской эпохи. В противовес западной доктрине хозяйствования, где коммерческая революция постепенно закрепляла идею доминирования торговли в экономике государства, отечественная модель не имела соответствующих институтов. Невозможность в короткие сроки создать в стране жизнеспособную капиталистическую концепцию по европейскому образцу вынуждала власть при заимствовании зарубежных механизмов значительно их упрощать.

Рассматривая положения нормативных актов, связанных с обращением векселей, следует выделить Боярский приговор от 31 августа 1697 г. [11] и Наказ гостю Сергею Лабазному от 29 августа 1698 г. [15], в которых запрещалась уплата траттами таможенных пошлин на территории Русского царства. Эти два документа были правовым фундаментом для данных правоотношений, возникающих в гражданском обороте. Вышеупомянутое табу на использование переводных векселей было обусловлено еще и практической составляющей. Поскольку в большинстве сделок были задействованы казенные денежные средства, они зачастую использовались не в рамках их целевого назначения, что причиняло прямой вред государству. Например, отправленная в европейские страны для обучения наукам дворянская молодежь расходовала финансы, как личные, так и царские, не на образование, а для увеселений и досуга. Однако векселя выступали единственным доступным способом перевода денег за рубеж в конце XVII – первой четверти XVIII в., векселедержателями по которым являлись иностранные торговцы и банкиры. И для того, чтобы ограничить нерациональные траты дворянских детей, находящихся за пределами России, Петр I предписал князю М. П. Гагарину запретить отправление средств на их довольство, потому как «они там живут в волю и гуляют, а ученья принимают мало» [10]. Любопытным фактом следует считать использование в тексте документа термина «вексель», не встречавшегося ранее в отечественном законодательстве.

Однако А. Б. Каменский указывает: существует мнение о наличии указа царя, введенного в действие в 1693 г., о начале обращения данных ценных бумаг на территории России. Тем не менее, как отмечает специалист, такая позиция не подкреплена нормативным материалом – в Полном собрании законов Российской империи найти подобный указ не представляется возможным [5, с. 18].

Помимо прочего, вышеобозначенный князь М. П. Гагарин был известен коррупционными действиями, что в итоге привело его к казни за лихоимство. Денежные средства, полученные противоправным путем, первый сибирский губернатор переправлял в иностранные банки, в том числе с помощью соло-векселей, где одно лицо выступает одновременно и векселедателем, и первоприобретателем [1, с. 676]. Такая конструкция по своей природе приравнивается к переводному векселю и затрудняет отслеживание движения капитала между конкретными лицами. Известна практика, когда наиболее состоятельные представители аристократии тождественным способом выводили деньги за рубеж в голландские, итальянские и английские финансовые учреждения [5, с. 50]. Фактически это послужило еще одной веской причиной для запрета со стороны властей переводных векселей в России.

Необходимо заметить, что уровень обращения долговых расписок между отечественными купцами и предпринимателями в первой четверти XVIII в. был чрезвычайно низким. Отсюда следует вывод о том, что векселедателями преимущественно выступали заграничные коммерсанты. Иными словами, банкиры, упоминаемые в положениях главы VII Регламента или Устава Главного Магистрата, являлись по большей части иностранцами, которые принимали подданство российского самодержца или длительное время проживали на территории России. Обозначенный Регламент разграничивает зарубежных купцов, которые не могли относиться к гильдиям, и специальных финансовых агентов. Издревле они выполняли функции менял и ростовщиков, им предоставляли на хранение материальные ценности. Именно такие банкиры и способствовали заимствованию механизма оборота векселей русскими законодателями из правовой традиции Западной Европы.

В итоге в период правления Петра I развитие кредитно-денежных отношений, несмотря на негативное отношение царя к внешним займам, позволило государству сделать уверенный шаг к формированию полноценной банковской системы. Несмотря на непоследовательную политику первого императора всероссийского, правовое регулирование договора займа претерпело те изменения, которые положительно отразились на развитии кредитно-денежных отношений [22, с. 115]. Помимо прочего, и такой инструмент, как простой вексель, способствовал совершенствованию хозяйственной сферы страны, а его широкое распространение стало значимым событием в развитии института заемных правоотношений Петровской эпохи. К примеру, перед отбытием в Прутский поход монарх наделил Правительствующий сенат рядом полномочий в финансовой сфере, отдельно акцентируя внимание на векселях и условиях их оборота [13]. Из-за того, что упомянутые обязательства активно использовались во внешней торговле, важность их правового регулирования невозможно недооценить. Уже после смерти императора Петра I, в 1729 г., будет издан Устав Вексельный [23], установивший единую форму формуляра ценной бумаги. Более того, нормативный акт регламентировал весь перечень дискуссионных вопросов, сложившихся на практике относительно хождения векселей среди населения. Тем не менее введение в оборот подобных долговых расписок не было чем-то принципиально новым, заемные сделки продолжали заключаться и осуществляться в юридических условиях Соборного Уложения 1649 г.

Список использованных источников

1. *Барац С. М.* Курс вексельного права в связи с учением о векселях и вексельных операциях. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1893. 778 с.
2. *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 521 с.
3. *Доценко Е. Ю.* Генезис системы кредитных отношений в российской экономике // Экономика и управление инновациями. 2021. № 2. С. 21–33.
4. История предпринимательства в России: в 2 кн. Кн. 1. От Средневековья до середины XIX века / В. И. Бovyкин, М. Л. Гавлин, Л. М. Епифанова [и др.]. М.: РОССПЭН, 2000. 480 с.
5. *Каменский А. Б.* Россия в XVIII столетии. Общество и память: исследования по социальной истории и исторической памяти. СПб.: Алетейя, 2017. 336 с.
6. *Ключевский В. О.* Русская история: полный курс лекций: в 3 т. М.: АСТ, 2002. Т. 3. 593 с.
7. *Костомаров Н. И.* Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях. Смоленск: Русич, 2011. 510 с.
8. *Милов Л. В., Зырянов П. Н., Боханов А. Н.* История России с начала XVIII до конца XIX века. М.: АСТ-ЛТД, 1997. 544 с.
9. *Носенков А. П.* К вопросу о систематизации российского законодательства в период правления Петра I // Петр Великий и его эпоха: взгляд из XXI века: материалы международной науч.-теор. конф. к 350-летию со дня рождения Петра I. СПб.: СПб. ун-т МВД РФ, 2022. С. 112–117.
10. О непосылке родителям векселей детям их, обучающимся в иностранных землях, прямо от себя и о препровождении оных векселей через Адмиралтейской приказ. Именной указ Комменданту Князю Гагарину // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 4. С. 550–551.
11. О неприеме в Таможню переводных писем на получение пошлины с явленных товаров, о недержании переводной книги и о недачи дальних сроков в уплате пошлин. Боярский приговор // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 3. С. 335.
12. О покупке к заводам деревень. Именной указ // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 6. С. 311–312.
13. О поручении Правительствующему Сенату попечения о правосудии, об устройстве государственных доходов, торговли и других отраслей государственного хозяйства. Именной указ, данный Сенату // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 4. С. 643.
14. О правилах займа денег из Монетной Канторы. Именной указ // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 9. С. 6–7.
15. О сборе в Московской большой Таможне пошлин. Наказ гостю Сергею Лабазному // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 3. С. 459–468.
16. Очерки русской культуры XVIII века: в 4 т. / под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. Т. 1. 384 с.
17. Регламент или Устав Главного Магистрата // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 6. С. 291–309.
18. Русско-белорусские связи: сб. документов (1570–1667 гг.) / отв. ред. Л. С. Абецдарский, М. Я. Волков. Минск: Высшая школа, 1963. 534 с.
19. Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук. Ф. 271. Оп. 1. Д. 139. Л. 1.
20. *Соколов Д. В.* О развитии вексельного права России до принятия Устава вексельного 1729 года // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2. С. 342–345.
21. *Соловьев С. М.* Публичные чтения о Петре Великом. М.: Университетская тип., 1872. 144 с.

22. *Титова М. С.* Развитие обязательственного права в первой четверти XVIII в. // Трансформация права в информационном обществе. 2020. № 1. С. 112–116.

23. Устав Вексельный // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1930. Т. 8. С. 147–197.

References

1. *Barats S. M.* Course of bill law in connection with the doctrine of bills and bill transactions. St. Petersburg: Printing house of the partnership “Society Benefit”, 1893. 778 p. [in Russ.].

2. *Golikova N. B.* Privileged merchant corporations of Russia in the 16th – first quarter of the 18th centuries. Moscow: Monuments of historical thought, 1998. 521 p. [in Russ.].

3. *Dotsenko E. Yu.* Genesis of the system of credit relations in the Russian economy. *Economy and Innovation Management*. 2021. No. 2. P. 21–33 [in Russ.].

4. History of entrepreneurship in Russia: in 2 books. Book 1. From the Middle Ages to the mid-19th century / V. I. Bovykin, M. L. Gavlin, L. M. Epifanova [et al.]. Moscow: ROSSPEN, 2000. 480 p. [in Russ.].

5. *Kamensky A. B.* Russia in the 18th century. Society and memory: Studies in social history and historical memory. St. Petersburg: Aletheia, 2017. 336 p. [in Russ.].

6. *Klyuchevsky V. O.* Russian history: Complete course of lectures: in 3 vols. Moscow: AST, 2002. Vol. 3. 593 p. [in Russ.].

7. *Kostomarov N. I.* Life and customs of the Russian people in the 16th and 17th centuries. Smolensk: Rusich, 2011. 510 p. [in Russ.].

8. *Milov L. V., Zyryanov P. N., Bokhanov A. N.* History of Russia from the beginning of the 18th to the end of the 19th century. Moscow: AST-LTD, 1997. 544 p. [in Russ.].

9. *Nosenkov A. P.* On the issue of systematization of Russian legislation during the reign of Peter I. *Peter the Great and his era: a view from the 21st century: Proceedings of the international scientific and theoretical conference, dedicated to the 350th anniversary of the birth of Peter I*. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. P. 112–117 [in Russ.].

10. On the parent's failure to send bills of exchange to their children studying in foreign lands directly from themselves and on the transmission of these bills through the Admiralty order. Personal decree to Commandant Prince Gagarin. *The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1*. St. Petersburg, 1830. Vol. 4. P. 550–551 [in Russ.].

11. On the non-acceptance of letters of transfer to the Customs to obtain duties on goods shown, on the failure to maintain a book of transfers and on the failure to meet deadlines for payment of duties. Boyar sentence. *The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1*. St. Petersburg, 1830. Vol. 3. P. 335 [in Russ.].

12. On the purchase of villages for factories. Personal decree. *The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1*. St. Petersburg, 1830. Vol. 6. P. 311–312 [in Russ.].

13. On entrusting the Governing Senate with responsibility for justice, the organization of State revenues, trade and other sectors of the State economy. Personal decree given to the Senate. *The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1*. St. Petersburg, 1830. Vol. 4. P. 643 [in Russ.].

14. On the rules for borrowing money from the Mint Office. Personal decree. *The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1*. St. Petersburg, 1830. Vol. 9. P. 6–7 [in Russ.].

15. About the collection of duties at the Moscow Large Customs. Order to Guest Sergei Labazny. *The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1*. St. Petersburg, 1830. Vol. 3. P. 459–468 [in Russ.].

16. *Rybakov B. A.* (ed.). Essays on Russian culture of the 18th century: in 4 vols. Moscow: Moscow University Publishing House, 1985. Vol. 1. 384 p. [in Russ.].

17. Regulations or Charter of the Chief Magistrate. *The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1*. St. Petersburg, 1830. Vol. 6. P. 291–309 [in Russ.].

18. *Abetsedarsky L. S.* (ed.) Russian-Belarusian connections: Collection of documents (1570–1667). Minsk: Higher school, 1963. 534 p. [in Russ.].

19. St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. F. 271. Inv. 1. Case 1. Sh. 139.

20. *Sokolov D. V.* On the development of bill of exchange law in Russia before the adoption of the Bill of Exchange Charter of 1729. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016. No. 2. P. 342–345 [in Russ.].

21. *Soloviev S. M.* Public readings about Peter the Great. Moscow: University Printing House, 1872. 144 p. [in Russ.].

22. *Titova M. S.* Development of the law of obligations in the first quarter of the 18th century. *Transformation of law in the information society*. 2020. No. 1. P. 112–116 [in Russ.].

23. Bill of Exchange Charter. *The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1*. St. Petersburg, 1830. Vol. 8. P. 147–197 [in Russ.].

Поступила в редакцию 24.05.2025
Received May 24, 2024

Сальников Виктор Петрович,

доктор юридических наук, профессор,
академик РАН, заслуженный деятель науки
Российской Федерации, почетный работник
высшего профессионального образования
Российской Федерации, Военная ордена
Жукова академия войск национальной
гвардии Российской Федерации,
198206, г. Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилютова, д. 1,
email: fonduniver@bk.ru

Salnikov, Viktor P.,

Doctor of Law, Professor, Academician
of the Russian Academy of Natural Sciences,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Honorary Worker of Higher Professional
Education of the Russian Federation, Military
Order of Zhukov of the Academy of National
Guard Troops of the Russian Federation,
1 Letchik Pilyutov Str., St. Petersburg,
198206, Russian Federation,
email: fonduniver@bk.ru

Масленников Дмитрий Владимирович,

доктор философских наук, профессор,
Русская христианская гуманитарная
академия имени Ф. М. Достоевского,
191011, г. Санкт-Петербург,
наб. р. Фонтанки, д. 15,
email: dwm61@inbox.ru

Maslennikov, Dmitry V.,

Doctor of Philosophy, Professor,
F. M. Dostoevsky Russian Christian
Humanitarian Academy,
15 Fontanka River Emb., St. Petersburg,
191011, Russian Federation,
email: dwm61@inbox.ru

Лукашин Евгений Викторович,

аспирант,
Русская христианская гуманитарная
академия имени Ф. М. Достоевского,
191011, г. Санкт-Петербург,
наб. р. Фонтанки, д. 15,
email: jackson2004@yandex.ru

Lukashin, Evgeny V.,

Postgraduate Student,
F. M. Dostoevsky Russian Christian
Humanitarian Academy,
15 Fontanka River Emb., St. Petersburg,
191011, Russian Federation,
email: jackson2004@yandex.ru

КОНКРЕТНОСТЬ ТОЖДЕСТВА МЫШЛЕНИЯ И БЫТИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ФИЛОСОФИИ И ТЕОЛОГИИ ПРАВА



CONCRETENESS OF THE IDENTITY OF THINKING AND BEING AS THE BASIS OF PHILOSOPHY AND THEOLOGY OF LAW

АННОТАЦИЯ. Классическая философия, постигая в своем историческом развитии всеобщее единство тварного мира в форме тождества мышления и бытия, закладывала основы теоретического фундамента учения об онтологических основаниях права. Христианская мысль устанавливает необходимость нравственного измерения этого всеобщего единства. В немецком идеализме Канта, Фихте и Гегеля процесс всеобщего тождества мышления и бытия достигает той степени конкретности, которая позволяет дедуцировать из него всеобщие основы правового бытия. Классическая философско-правовая традиция может и должна стать основным теоретическим источником суверенной философии права современной России.

ABSTRACT. Classical philosophy, comprehending in its historical development the universal unity of the created world in the form of the identity of thought and being, laid the foundations of the theoretical foundation of the doctrine of the ontological foundations of law. Christian thought establishes the need for a moral dimension of this universal unity. In the German idealism of Kant, Fichte, and Hegel, the process of universal identity of thought and being reaches the degree of concreteness that makes it possible to deduce from it the universal foundations of legal existence. The classical philosophical and legal tradition can and should become the main theoretical source of the sovereign philosophy of law in modern Russia.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Кант, Гегель, всеобщее единство бытия, тождество бытия и мышления, благо, право

KEYWORDS: Kant, Hegel, the universal unity of being, the identity of being and thinking, the good, the law

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Сальников, В. П. Конкретность тождества мышления и бытия как основание философии и теологии права / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, Е. В. Лукашин. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 38–46. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-5

FOR CITATION:

Salnikov, V. P., Maslennikov, D. V., Lukashin, E. V. (2025) Concreteness of the Identity of Thinking and Being as the Basis of Philosophy and Theology of Law. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(2): 38–46 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-5

Объект познания теории права не очевиден. Он не дан нам непосредственно, эмпирически. Его онтологический статус изначально является неопределенным, на что указывал еще И. Кант: «Что такое право? Этот вопрос может так же смутить правоведа – если только он не хочет впасть в тавтологию или вместо общего решения сослаться на то, что утверждали когда-либо законы какой-нибудь страны, – как пресловутый вопрос: “Что есть истина?”, обращенный к учителям логики. Что следует по праву (*quidsitiuris*), т. е. что говорят или говорили законы в том или ином месте в то или другое время, он еще может указать; но право (*recht*) ли то, чего они требуют, и каков всеобщий критерий, на основании которого можно вообще различать правое и неправое (*iustumetiniustum*), – это остается для него тайной, если он хоть на время не оставляет указанные эмпирические принципы и не ищет источник этих суждений в одном лишь разуме (хотя бы упомянутые законы и служили ему для этого хорошим руководством), чтобы установить основу для возможного положительного законодательства. Чисто эмпирическое учение о праве – это голова (подобно деревянной голове в басне Федра), которая может быть прекрасна, но, увы, не имеет мозга» [17, с. 353]. Впрочем, непосредственная данность познанию предмета биологии или физики также является достаточно проблематичной. Не случайно вопросы возможности познания права и самого его онтологического статуса до сих пор продолжают оставаться весьма дискуссионными. Ответом на эту дискуссионность в значительной мере стала компрометирующая концепция права, сформированная уже в XXI в. [5–7; 8, с. 102–127; 9, с. 77–96].

Множественность парадигм правового мышления в конечном счете определяется тем,

какой онтологический статус мы приписываем праву, а это, в свою очередь, определяется нашим пониманием сущности (и смысла) всеобщего бытия. Если бытие мы знаем только как совокупность единичных предметов, то единственным источником права для нас окажется принуждение со стороны социальных институтов, а в качестве философии права мы должны будем принять юридический позитивизм. Но чем тогда право будет отличаться от насилия, а государство – от шайки разбойников? (Вопрос Блаженного Августина.) Ведь человек подчиняется нормам права и распоряжениям государственной власти не только в силу того, что испытывает на себе принуждающую деятельность последнего, но прежде всего потому, что право и государство являются для него высшей ценностью, не чуждой самой сущности человека. В таком случае, подчиняясь требованиям норм, человек остается свободным и сохраняет свое человеческое достоинство [10, с. 50–51]. Однако для того, кто видит в мире лишь совокупность единичных материальных объектов, свобода не имеет реального онтологического статуса.

Значимость для юриспруденции вопроса об онтологическом статусе права, о характере его «бытийственности», о его месте в системе бытия означает необходимость прежде всего определить, что есть само бытие: есть ли в нем единство, целостность или оно изначально разделено на две (дуализм) или множество (плюрализм) субстанций? С этим вопросом связан и вопрос о «нравственном измерении» бытия, об онтологическом статусе добра и зла [15].

Но решение этих принципиальных для теории права вопросов предполагает обращение к науке, для которой единство всеобщего бытия выступает специальным и исключительным

предметом ее познания. Речь идет о философии, которая должна трансформировать свое учение о всеобщем бытии в учение о бытии права, тем самым выделив из себя собственно философию права. Хотя исторически философы давали различные ответы на вопросы о всеобщем бытии и бытии права, не исключая и их материалистическое толкование, начиная с Т. Гоббса и Дж. Локка, все же в историко-философском процессе явно прослеживается его магистральная линия, вектор мышления, заданный учением о бытии Парменида и гегелевской логикой Логоса. Продолжением этой линии является классическая русская философия права, отмеченная именами Ф. М. Достоевского, Б. Н. Чичерина, Е. Н. Трубецкого, И. В. Михайловского, И. А. Ильина и других отечественных мыслителей. Только на этой традиции и может сложиться суверенная философия права современной России [22].

Классическая философия сосредоточена на познании природы всеобщего единства, полагая его своим предметом. Все остальное – природа, человек, общество, история – входит в сферу ее интересов лишь в той мере, в какой оно раскрывает необходимые моменты всеобщего (идея Бога также относится к области богословского, но не философского познания [12, с. 596–597]). Познать необходимость моментов всеобщего для философии оказывается возможным, поскольку это «все» она мыслит не как «кучу сора» (по выражению Гераклита), а именно как всеобщее единство, как всеединство. Но само мышление не может быть внешним всеобщему единству, иначе последнее не было бы всеобщим. Поэтому всеобщее единство выступает как единство бытия, но равным образом и как единство мышления. Как единство бытия всеобщее единство есть необходимость указанных выше моментов – природы, человека, общества, истории. Как единство мышления оно есть метод познания всеобщего единства, иначе говоря – его рефлексия.

И. Г. Фихте выражал эти две стороны предмета философии следующим образом: «Если всякая трансцендентальная философия не полагает абсолютное ни в бытие, ни в сознание, а полагает его в их связи, истину и достоверность в себе и для себя == А, то из этого следует... что для такого рода философии совершенно исчезает различие между бытием и мышлением

как в себе значимое... согласно нашему пребывающему над всяким явлением усмотрению того, что абсолютное есть не половина, а неразделимое единство, абсолютное и в себе не есть ни бытие, ни мышление, но А / М Б. Если же теперь... принять, что А, кроме своей основной дизъюнкции на Б и М, дробится еще и на x, y, z, то станет ясно: (1) что все вместе в себе и для себя – и А абсолютно, и как x и т. д. – есть лишь именно модификация А; в отношении которых (2) просто признается, что они должны встречаться как в Б, так и в М» [24, с. 47–48].

Здесь на стороне всеобщего единства (x, y, z и т. д.) как бесконечного бытия оказывается только момент аффирмативности. На стороне же всеобщего единства как мышления – момент отрицательности, но одновременно также и момент аффирмативности. Последнее связано с тем, что, во-первых, только мышлению присуща свобода самополагания и самоотрицания в их взаимопереходе, а значит, присуща и субъективность. Это определяет момент отрицательности всеобщего единства как мышления. Во-вторых, отрицанию свойственно подвергать отрицанию и самое себя, иначе оно не было бы всеобщим отрицанием. Это приводит к полаганию аффирмативности всеобщего единства. Как отмечал Гегель, «бесконечное – это аффирмация снимающей самое себя конечности, отрицание отрицания, хотя и опосредствованное, но опосредствованное только через снятие опосредствования» [2, с. 420].

Именно потому, что всеобщее есть не только бытие, но и мышление, оно определяет себя на двух полюсах: полюсе всеобщего и особенного, полюсе абсолютного максимума и полюсе абсолютного минимума (если использовать выражение Николая Кузанского). В этом реализуется природа всеобщего, несущая в себе абсолютную отрицательность. Бытие как чистая аффирмативность лишено субъективности, оно обретает свою субъективность лишь будучи мышлением, а именно: через посредство отрицательности себя как мышления.

Философская мысль, постигающая всеобщее единство как единство всеобщего бытия и всеобщего мышления, тождественна последнему, поскольку иначе всеобщее мышление не было бы всеобщим. Таким образом, отрицательность всеобщего мышления оборачивается рефлексивностью мышления философско-

го, но лишь в той мере, в какой всеобщность философского мышления не является абсолютной. Философски мыслить природу, человека, общество, историю означает удерживать себя от следования какому-либо иному интересу, кроме интереса познания всеобщего. Это удержание, однако, не является каким-либо методическим приемом, а вытекает из отрицательной природы самого мышления. Поэтому суждения об этих предметах, во-первых, являются, в отличие от области позитивных наук, рефлексивными суждениями и сама способность мышления к ним является рефлексивной способностью суждения. А, во-вторых, опять-таки в силу сказанного выше, любые суждения о всеобщем предмете должны предъявить нам всеобщее в саморазвертывании его всеобщих и особенных определений. Или, иными словами, должны раскрыть его как тождество абсолютного минимума и абсолютного максимума.

Философия возникает в Античности как проект, направленный на постижение единства мироздания как всеобщего единства мышления и бытия, причем речь идет о постижении исключительно посредством разума. Не художественное чувство, не откровение, не предание, но только разум должен раскрыть природу абсолюта и, что также очень важно, суметь выразить эту природу, раскрыть и истолковать ее именно на языке разума, т. е. рациональными средствами и в вербальной форме. Если мир понимается не как хаос, а как космическая гармония (а именно таковым и было понимание мира у греков), то и пространство бытия человека должно быть понято как гармония всех своих основных определений: души и тела, добра и заблуждения, разумного познания и морального чувства, гражданственности и индивидуальности и т. п. Но эта гармония человека является отражением и проявлением гармонии абсолюта и единства человека во всех своих моментах, таким образом, она опосредована его отношением к абсолюту.

Рациональное осмысление этого отношения человека к абсолюту было воплощено в философии Парменида, в его учении о взаимном отрицании и взаимном полагании мышления и бытия [10, с. 34–39], что составило исходную точку философии. Развивая эту логику, Платон определяет сущность бытия как процесс всеобщего мышления, аналитически различающего

себя во множественность мыслей – идей как порождающих моделей всего – и сводящего их снова в синтетическое единство [11, с. 170–171].

В данном контексте представление о гармоническом начале человека и о единстве нравственности и права составляет существенный элемент политической философии Платона. Причем само это единство природы человека выступило в сложной диалектике, неразрывно связывающей отношение всеобщего и единичного, мышления и бытия, свободы и ответственности. В дискурсе этой диалектики полагание возможности единства жизни требует мысли о единстве бытия. Высшее единство бытия, его высшую идею, Платон определял как идею блага, но сама связь единства и блага не получила у него развернутого определения, оставив задачу ее познания будущим поколениям философов [18].

Решение этой задачи стало возможным лишь для христианского мышления, способного понять всеобщее не только как единство, имевшее силу, по сути, природного характера, но и как абсолютное благо, имевшее нравственную природу и могущество нравственной силы. Это понимание всеобщего бытия было отчетливо выражено в аргументах Отцов Церкви против гностического дуализма, завершивших давний спор античных мыслителей о единстве или множественности начала бытия [13, с. 25–28]. Эта аргументация, вобравшая в себя опыт развития античного мышления от Парменида до Платона и Аристотеля, имела, тем не менее, принципиально более глубокое содержание, ставшее следствием перехода от диалектики логических категорий бытия и небытия в область духовного содержания, раскрывающегося в понимании действительного бытия как абсолютного добра [21, с. 32–39]. Цена вопроса при этом такая: либо мы можем понимать добро как абсолютное, либо мы должны признать дуализм добра и зла в качестве двух равных первоначал, что, согласно св. Иоанну Дамаскину, неизбежно приведет нас к плюрализации бытия и отказу от гармоничного единства [14, с. 152–153].

В последнем случае мир теряет внутреннюю гармонию и смысл, распадается на множество первоначал. Поскольку бытие можно мыслить только как единое, постольку мир, лишенный этого единства, теряет определения своего бытия. Такой мир мнится миром абсурда, и аб-

сурдной представляется жизнь человека в нем, а государство действительно ничем не будет отличаться от шайки разбойников. Мысль же об абсолютности добра, о его единстве и единственности, напротив, обеспечивает аксиологию права и государства.

Но такая мысль должна быть в состоянии эксплицировать свою собственную отрицательность, обнаруживаемую в акте мышления небытия, мышления зла. Другими словами, необходимо было суметь дать дискурсивную форму мысли Дионисия Ареопагита о том, что «зла, как такового, нет нигде...» [4, с. 58]. В богословии эта проблема решается, как известно, в теодицее – в учении о том, что зло может проявиться (хотя в этом и нет субстанциальной необходимости) как результат абсолютной свободы. Абсолютность свободы состоит в том, что она составляет высший дар Бога человеку, составляет высшую, абсолютно неотчуждаемую сущность человека. Понимание бытия абсолютного добра как абсолютной свободы является высшей формой мышления всеобщего единства мироздания. И именно по достижении такого уровня понимания, которое было мистически связано со Священной историей Богочеловека, архаическое «право-в-себе» развивается в «право-для-себя», в действительное право [19, с. 167–172].

Таким образом, единство единичного и всеобщего, абсолютного и индивидуального выступило в ранних формах философии как непосредственное, что обусловило ее стихийную диалектику. В дальнейшем развитии философской науки само это непосредственное единство стало предметом научного рассмотрения, что мы видим в философии Нового времени и что было связано с необходимостью понимания всеобщего единства «со стороны» его субъективного момента [12, с. 45–46]. Ведь именно субъективность составляет основу свободы, постичь природу которой и теоретически ее выразить должна была новая философия. Однако в философии Нового времени первоначально абстрактное, а потому одностороннее единство было облечено в форму столь же одностороннего различия мышления и бытия, единство которых было опять-таки познано только как абстракция.

Немецкий классический идеализм как особая эпоха в развитии философии начинается с

того, что И. Кант, имея своим предшественником Р. Декарта, переносит центр философского познания всеобщего единства мышления и бытия из сферы аффирмативности бытия в сферу отрицательности мышления. Однако здесь уровень философского мышления пока еще не достиг той степени, на которой субъективная рефлексия отрицательного мышления может положить себя как рефлексию объективную, а тем самым и определиться в качестве абсолютного, если понимать последнее как единство субъективного и объективного.

Таким философское мышление становится лишь в наукоучении И. Г. Фихте. Теоретический разум у Канта не может достичь идеала истинно объективного абсолютного знания, а значит, и не может положить его своей предпосылкой. Поэтому теоретический разум не может быть действительно свободным (иначе говоря – спонтанным) разумом. Ведь свобода – это и есть тот абсолютный минимум, которым оборачивается абсолютный максимум полноты бытия в абсолютном разуме. Но тогда поставленная кантовской философией задача познать мышление в его самоопределении, в его отрицательности, в его свободе оказывается невыполненной. Практический разум также не может достичь истинно объективной идеи блага, заменяя ее субъективным долгом. Для него действительная святость, стремление к которой составляет суть высшего нравственного закона [17, с. 148–149], полагается лишь за пределами человеческой жизни, оставляя для последней лишь сухость категорического императива и лишь видимость действительной свободы.

Не давая определения свободы, которое в пределах трансцендентальной методологии не представляется возможным, Кант тем не менее в «Критике практического разума» дает его очень емкую характеристику: «Так как чистая форма закона может быть представлена только разумом, стало быть, не есть предмет чувств и, следовательно, не относится к числу явлений, то представление о ней как определяющем основании воли отличается от всех определяющих оснований событий в природе по закону причинности, так как в этом случае определяющие основания сами должны быть явлениями. Но если никакое другое определяющее основание воли не может служить для нее законом,

кроме всеобщей законодательной формы, то такую волю надо мыслить совершенно независимой от естественного закона явлений в их взаимоотношении, а именно от закона причинности. Такая независимость называется свободой в самом строгом, т. е. трансцендентальном, смысле» [17, с. 211].

Свобода у Канта тесно связана с понятием воли: «Воля есть вид причинности живых существ, поскольку они разумны, а свобода была бы таким свойством этой причинности, когда она может действовать независимо от посторонних определяющих ее причин, подобно тому как естественная необходимость была бы свойством причинности всех лишенных разума существ – определяться к деятельности влиянием посторонних причин» [17, с. 289]. Воля может быть гетерономной, т. е. обусловленной какими-либо внешними началами, либо автономной, т. е. обусловленной только собой. В последнем случае воля является подлинной свободой.

Волю личности Кант также подразделяет на высшую и низшую способность желания. Низшую способность составляют влечения и склонности, направленные на чувственные цели. Подчиненный низшей способности желания человек влечется к личному благополучию, к счастью. Высшая способность направлена на достижение всеобщих целей. Предмет влечения определенной ею воли – абсолютное всеобщее благо. Если автономная воля определяется высшей способностью желания, а именно способностью желания блага или абсолютного добра, то тогда воля является нравственной.

Здесь явно видна основная платоническая отсылка к абсолютному благу как к высшей идее – форме единства мира. Однако в отличие от Платона основоположник трансцендентализма не рассматривает благо как высшую идею объективного мира. Заметим, что такая идея согласно «Критике чистого разума» не может быть чем-то иным, кроме как субъективным идеалом чистого разума. Идея блага для Канта имеет место только как предмет бесконечного стремления практического разума, что является своего рода аналогом идеала теоретического разума. Однако все же существенно то, что подобно Платону Кант из идеи блага выводит принцип справедливости.

Здесь существенно то, что принцип справедливости в форме категорического императива

является у Канта всего лишь субъективной максимой, внешний статус объективности которой придает то, что разум сам себе полагает цель, определяя ее как горизонт высшего блага: «Категорический императив, который вообще выражает лишь то, что есть обязательность, гласит: поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона! – Следовательно, свои поступки ты должен сначала рассмотреть, исходя из субъективного основоположения; но значимо ли также объективно это основоположение – это ты можешь узнать лишь потому, что, так как твой разум испытывает его: можешь ли ты благодаря ему мыслить себя в то же время устанавливающим всеобщие законы, это основоположение может оказаться пригодным в качестве такого всеобщего законодательства» [17, с. 280].

Для Канта высший нравственный закон все не является продуктом общественного договора, содержание которого в конечном счете определяется решением людей, а потому насквозь позитивно. Но еще менее он является элементом некоей высшей правовой субстанции – естественного права. Последний подход был бы абсолютно неприемлем для основоположника трансцендентализма, всегда особенно резко и последовательно критиковавшего старую метафизику за апелляцию к произвольным понятиям, которые она столь же произвольно отождествляла с вещами-в-себе.

Соответственно, трансформируется и отношение к «естественному состоянию», являющемуся столь важным понятием у Гоббса. Для Канта естественное состояние представляет собой «состояние, из которого необходимо выйти, чтобы вступить в законное состояние» [17, с. 386]. Естественному состоянию Кант, в противоположность Гоббсу и Локку, противопоставляет не общественное, а гражданское состояние: «в естественном состоянии общество может существовать, но только не гражданское».

Выход из естественного состояния означает становление человека, живущего в соответствии с установками разума, а не природы, а значит, потенциально морального существа. Ведь именно разум, по Канту, устанавливает для людей моральный закон, форма которого закрепляется в праве, законах правового государства и принципах гражданского общества.

При этом сам разум для Канта является воплощением идеи свободы. Именно благодаря свободе, спонтанному и автономному действию трансцендентального единства самосознания становится возможным осмысление чувственного материала (по Канту это означает подведение его под ту или иную категорию рассудка). В отличие от классиков XVII в. принцип свободы для Канта является не только результатом, но и исходным пунктом развития правового состояния человека.

Помыслить свободу как конкретное понятие означает понять ее как воплощение абсолютного единства бытия, что, собственно, и заключается в ее святоотеческом толковании как высшего дара Бога человеку, ведь мы можем мыслить нечто высшее в тварном мире, пока не дойдем до абсолютного единства бытия. В системе философских категорий такое мышление свободы как единства абсолютного минимума и абсолютного максимума бытия означает мышление конкретного единства единичного и всеобщего, что выступило основной проблемой «Критики способности суждения».

Именно по итогам первых двух своих «Критик...» Кант ставит задачу раскрыть, как возможно помыслить единство единичного и всеобщего. Согласно Канту, мышление об этом единстве не может оказаться познанием (Кант различает мышление и познание [16, с. 117–118]). Оно – лишь форма рефлексивного мышления. Как мы помним, рефлексия философского мышления совпадает с отрицательностью всеобщего мышления в его абсолютном единстве с бытием. Следовательно, Кант не может не акцентировать самоотрицание особенного с его снятием во всеобщем, что совпадает с переходом единичной целесообразности во всеобщую целесообразность абсолютного блага.

Но Кант также и не соотносит это самоотрицание со стороны объекта с самоограничением формы суждения со стороны субъекта. Это было бы и невозможно на данном уровне мышления. То, что суждение не может быть формой истины, впервые отчетливо выразит только Фихте. На этом концентрирует внимание и Г. В. Ф. Гегель в «Феноменологии духа» [1, с. 3]. Рефлексивность мышления Канта, обнаруживающая себя в апелляции к суждению как к форме мышления, тем самым также демонстрирует свои пределы, но это – объективные

пределы, выражающие внутреннюю динамику историко-философского процесса.

Основной результат философии Канта заключался в разработке учения о трансцендентальном единстве самосознания и в генезисе синтезирующихся на его основе элементов абсолютного субъекта. Фихте разработал метод анализа этого трансцендентального единства самосознания и синтеза абсолютного субъекта, переведя его тем самым с уровня генезиса на ступень развития. Развитый И. Г. Фихте абсолютный субъект преобразил объект познания, поскольку субъект всегда определяет объект: каков субъект, таков и объект. Абсолютный субъект Фихте светится видимостью в природе как в «окаменевшем интеллекте». Именно таким определял объект, соответствующий абсолютности субъекта, Ф. В. Й. Шеллинг.

Вслед за ними Г. В. Ф. Гегель видит адекватный абсолютному субъекту объект не в природе, а в наиболее сложном явлении товарного мира – в истории [3]. Но историю он понимает не как простую последовательность событий во времени, а как одухотворенную историю, творящим прафеноменом которой является священная история Христа, отсылающая нас к образу вечности и вечных ценностей. Источником генезиса правовой формы регулирования общественных отношений для Гегеля выступает именно таким образом понятый единый процесс всемирной истории развития государства, развития общества и развития человека [10, с. 191–194].

Идеи классического идеализма относительно онтологического основания права, сформированные во взаимодействии философской и богословской мысли и завершающие историческое развитие классической философии [23, с. 28], оказались глубоко созвучны умонастроению русских философов и выступили в качестве теоретических источников русской философии права – философии веры и нравственности. «В современной российской философии права и юридической науке представления о религиозных идеалах построения государства и его правовой системы, о христианском взгляде на природу государства и права практически полностью построены на взглядах представителей дореволюционной государственно-правовой и богословской мысли», – справедливо отмечает А. И. Овчинников [20, с. 141]. Философия пра-

ва Канта, Фихте, Гегеля, и напрямую, и опосредовано через разработки классиков русской правовой мысли, продолжает играть роль теоретического фундамента суверенной философии права России.

Список использованных источников

1. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992. 444 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия религии: в 2 т. М.: Мысль, 1977. Т. 2. 573 с.
3. Денисов А. М., Исмагилов И. Р., Масленников Д. В. Гегель и Савиньи: становление идеи историзма в праве // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 3. С. 181–185.
4. Дионисий Ареопагит. Божественные имена // Мистическое богословие. Киев: Путь к Истине, 1991. С. 13–93.
5. Захарцев С. И., Сальников В. П. Компреденная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 11–26.
6. Захарцев С. И., Сальников В. П. Об обосновании компреденного подхода для познания права // Теория государства и права. 2016. № 2. С. 39–58.
7. Захарцев С. И., Сальников В. П. Сущность права в фокусе компреденной теории его познания // Сущность права: Сб. статей к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / под ред. В. М. Баранова, С. А. Белосова, И. Н. Сенякина. Саратов: СГЮА, 2022. С. 105–118.
8. Захарцев С. И., Сальников В. П. Философия и юридическая наука. М.: Юрлитинформ, 2019. 424 с.
9. Захарцев С. И., Сальников В. П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с.
10. Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях суверенной метафизики права. М.: Норма, 2024. 447 с.
11. Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. Становление логоса права в античной философии // Мир политики и социологии. 2018. № 3–4. С. 164–176.
12. Идея Бога и образ теологии в философских курсах зрелого модерна и постмодерна / под общ. ред. Д. В. Масленникова. СПб.: РХГА, 2023. 682 с.
13. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права) / под ред. С. И. Захарцева. М.: Юрлитинформ, 2020. 288 с.
14. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Ростов н/Д: Братство Святого Алексия: Приазовский край, 1992. 464 с.
15. К вопросу о философских и богословских предпосылках понимания права как формы различения добра и зла / В. П. Сальников, Р. Ф. Исмагилов, Д. В. Масленников [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 10. С. 179–193.
16. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.

17. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб.: Наука, 1995. 528 с.

18. Лебедев С. П. Единое и благо в теологии Платона // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21, № 1. С. 29–37.

19. Масленников Д. В. Богочеловек и идея права // Мир политики и социологии. 2015. № 12. С. 167–173.

20. Овчинников А. И. Правовая теология и ее ценность в постсекулярном мире // Социальная ценность права в современном обществе: материалы шестого Всероссийского симпозиума / отв. ред. В. Д. Перевалов. Екатеринбург, 2021. С. 140–147.

21. Сальников В. П., Масленников Д. В. Институты права в идее абсолютного Добра // Государственно-правовые институты современного общества: сб. статей Всероссийской науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Республики Башкортостан (Уфа, 14 декабря 2018 г.) / отв. ред. Ф. М. Раянов. Уфа: БашГУ, 2018. С. 32–40.

22. Теоретические и духовно-нравственные предпосылки истинной суверенности философии права России / В. П. Сальников, Р. Ф. Исмагилов, Д. В. Масленников, К. Г. Прокофьев // Теория государства и права. 2024. № 3. С. 196–211.

23. Философско-правовое познание: актуальные проблемы / под общ. ред. В. П. Сальникова. М.: ИНФРА-М, 2025. 418 с.

24. Фихте И. Г. Второй курс лекций по наукоучению 1804 года. СПб.: Владимир Даль, 2021. 414 с.

References

1. Hegel G. W. F. Phenomenology of the spirit. St. Petersburg: Nauka Publ., 1992. 444 p. [in Russ.].
2. Hegel G. W. F. Philosophy of religion: in 2 vols. Moscow: Mysl Publ., 1977. Vol. 2. 573 p. [in Russ.].
3. Denisov A. M., Ismagilov I. R., Maslennikov D. V. Hegel and Savigny: the formation of the idea of historicism in law. *Legal science: history and modernity*. 2017. No. 3. P. 181–185 [in Russ.].
4. Dionysius the Areopagite. Divine names. *Mystical theology*. Kiev: Path to Truth Publ., 1991. P. 13–93 [in Russ.].
5. Zakhartsev S. I., Salnikov V. P. Comprehensive theory of legal knowledge. *Legal Science: History and Modernity*. 2015. No. 8. P. 11–26 [in Russ.].
6. Zakhartsev S. I., Salnikov V. P. On the justification of a comprehensive approach to the knowledge of law. *Theory of the State and Law*. 2016. No. 2. P. 39–58 [in Russ.].
7. Zakhartsev S. I., Salnikov V. P. The essence of law in the focus of the comprehensive theory of its cognition. *The essence of law: A collection of articles dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor M. I. Baytin*. Saratov: Saratov State Law Academy, 2022. P. 105–118 [in Russ.].
8. Zakhartsev S. I., Salnikov V. P. Philosophy and legal science. Moscow: Yurlitinform Publ., 2019. 424 p. [in Russ.].
9. Zakhartsev S. I., Salnikov V. P. Philosophy. Philosophy of law. Legal science. Moscow: Yurlitinform Publ., 2015. 264 p. [in Russ.].
10. Zakhartsev S. I., Maslennikov D. V., Salnikov V. P. Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the issue

of speculative-logical foundations of the sovereign metaphysics of law. Moscow: Norma Publ., 2024. 447 p. [in Russ.].

11. Zakhartsev S. I., Maslennikov D. V., Salnikov V. P. The formation of the logos of law in ancient philosophy. *The World of Politics and Sociology*. 2018. No. 3–4. P. 164–176 [in Russ.].

12. Maslennikov D. V. (Ed.). The idea of God and the image of theology in the philosophical discourses of mature modernity and postmodernity. St. Petersburg: The Russian Christian Academy for the Humanities, 2023. 682 p. [in Russ.].

13. Zakhartsev S. I. (Ed.). The idea of freedom. Right. Morality (classical and postclassical philosophy of law). Moscow: Yurlitinform Publ., 2020. 288 p. [in Russ.].

14. *John of Damascus*. An accurate statement of the Orthodox faith. Rostov-on-Don: Brotherhood of St. Alexy: Prikazovskiy Krai, 1992. 464 p. [in Russ.].

15. Salnikov V. P., Ismagilov R. F., Maslennikov D. V. et al. On the philosophical and theological prerequisites for understanding law as a form of distinguishing good and evil. *Legal Science: History and Modernity*. 2020. No. 10. P. 179–193 [in Russ.].

16. *Kant I.* The critique of pure reason. Moscow: Mysl Publ., 1994. 591 p. [in Russ.].

17. *Kant I.* Fundamentals of the metaphysics of morality. Criticism of practical reason. Metaphysics of morals. St. Petersburg: Nauka Publ., 1995. 528 p. [in Russ.].

18. Lebedev S. P. The One and the good in Plato's theology. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 2020. Vol. 21. No. 1. P. 29–37 [in Russ.].

19. Maslennikov D. V. The Godman and the idea of law. *The World of Politics and Sociology*. 2015. No. 12. P. 167–173 [in Russ.].

20. Ovchinnikov A. I. Legal theology and its value in the post-secular world. *The social value of law in modern society. Materials of the sixth All-Russian Symposium*. Yekaterinburg, 2021. P. 140–147 [in Russ.].

21. Salnikov V. P., Maslennikov D. V. Institutes of law in the idea of absolute Goodness // State and legal institutions of modern society: Collection of articles for the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the Republic of Bashkortostan (Ufa, December 14, 2018). Ufa: Bashkir State University, 2018. P. 32–40 [in Russ.].

22. Salnikov V. P., Ismagilov R. F., Maslennikov D. V., Prokofiev K. G. Theoretical and spiritual and moral prerequisites for the true sovereignty of the philosophy of law of Russia. *Theory of the State and Law*. 2024. № 3. P. 196–211 [in Russ.].

23. Salnikov V. P. (Ed.). Philosophical and legal cognition: actual problems. Moscow: INFRA-M Publ., 2025. 418 p. [in Russ.].

24. *Fichte J. G.* The second course of lectures on the science of 1804. St. Petersburg: Vladimir Dahl Publ., 2021. 414 p. [in Russ.].

Поступила в редакцию 10.03.2025

Received March 10, 2024

Ситников Кирилл Алексеевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории государства и
права, Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикотя,
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12,
email: kirillsa@mail.ru

Sitnikov, Kirill A.,
PhD in Law, Associate Professor,
Department of Theory of State and Law,
Kikot' Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
12 Akademik Volgin Str., Moscow,
117997, Russian Federation,
email: kirillsa@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВА И ПАМЯТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА



THE RELATIONSHIP BETWEEN LAW AND MEMORY IN THE RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY POLITICAL AND LEGAL THOUGHT OF THE MID-19TH AND EARLY 20TH CENTURY

АННОТАЦИЯ. В статье проводится анализ взглядов ряда выдающихся отечественных мыслителей (И. В. Киреевский, П. И. Новгородцев, Б. Н. Чичерин, Л. И. Петражицкий, Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен) в отношении наличия в их работах идей о соотношении памяти (в первую очередь коллективной) с правом.

Исследование демонстрирует, что, несмотря на различия в методологических парадигмах (идеалистических и материалистических), все мыслители признавали ключевую роль памяти в существовании такого феномена, как право. Представители идеализма отождествляли право с формализованной памятью коллективов (хранилищем социального опыта), обеспечивающей легитимность власти и законов. Материалисты подчеркивали консервативное значение памяти.

Хотя мемориальная функция права не была прямо сформулирована в трудах того времени, на основе представленных идей автор статьи приходит к выводу о том, что память неразрывно связана с процессами зарождения, развития и функционирования права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: функции права, социальные функции права, мемориальная функция права, память, коллективная память, политика памяти

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ситников, К. А. Взаимосвязь права и памяти в отечественной дореволюционной политико-правовой мысли середины XIX – начала XX века / К. А. Ситников. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 47–55. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-6

ABSTRACT. The article analyzes the views of a number of prominent Russian thinkers (I. V. Kireevsky, P. I. Novgorodtsev, B. N. Chicherin, L. I. Petrazhitzky, N. G. Chernyshevsky and A. I. Herzen) regarding the existence in their works of ideas about the relationship of memory (primarily collective) with law.

The study demonstrates that, despite differences in methodological paradigms (idealistic and materialistic), all thinkers recognized the key role of memory in the existence of such a phenomenon as law. Representatives of idealism identified law with the formalized memory of collectives (a repository of social experience), which ensures the legitimacy of government and laws. Materialists emphasized the conservative importance of memory.

Although the memorial function of law was not explicitly formulated in the writings of that time, based on the ideas presented, the author concludes that memory is inextricably linked to the processes of the origin, development and functioning of law.

KEYWORDS: functions of law, social functions of law, memorial function of law, memory, collective memory, memory policy

FOR CITATION:

Sitnikov, K. A. (2025) The Relationship Between Law and Memory in the Russian Pre-Revolutionary Political and Legal Thought of the Mid-19th and Early 20th Century. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 12(2): 47–55 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-6

Выдающийся отечественный ученый Д. С. Лихачев писал: «Хранить память, беречь память – это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками» [10, с. 203]. Однако сохранение памяти, в частности наиболее социально значимой информации, – вопрос не только духовного совершенствования человека, но и выживания как отдельных людей, так и целых коллективов. По справедливому замечанию израильского философа Ю. Н. Харари, особенности человеческого мозга объективно ограничивали возможности первобытного общества собирателей и охотников для дальнейшего развития (как качественного, так и количественного) [28]. Если на первом этапе выход из ситуации был связан с появлением знаковой системы, то в дальнейшем, ввиду очередной «проблемы роста», ключом к ее решению стало появление такого особого социального феномена, как право.

Исходя из вышесказанного, неудивительно, что вопросы взаимосвязи памяти и права занимали умы исследователей в самых разных уголках нашей планеты еще с древних времен. Не могла она не заинтересовать и представителей отечественной философской и политико-правовой мысли. Обусловлено это в том числе и тем, что для русской традиции, как отмечал А. Ф. Лосев, характерно более глубинное познание сущего и значительно большая «живость» в сравнении с западными изысканиями [11, с. 70–71].

Так, еще в середине XI в. в выдающемся произведении древнерусской литературы «Слово о законе и благодати» митрополит киевский Иларион указывал на взаимосвязь социального бытия с сохранением памяти о предках. В контексте обоснования власти современных автору правителей очевидно прослеживается идея взаимосвязи легитимности власти и формируемого правового массива с памятью о прошлых правителях, их благодеяниях, основных ценностях и традициях народа, обеспечивающих его поступательное социальное развитие.

Вместе с тем своего пика (или расцвета) отечественная философская и политико-правовая мысль достигает к концу XIX в. На аналогичные хронологические границы эволюции юридической науки в Российской империи приходится период, получивший устоявшееся название «золотой век» [27]. Активные работы

велись не только по оптимизации отраслевого законодательства, а также теоретическому обоснованию таких изменений, но все большее внимание уделялось и общей теории права. Закономерным видится тот факт, что с этого момента появляются работы, в которых можно встретить более частые упоминания о связи права/законов/власти и памяти.

В первую очередь рассматриваемую нами проблематику затрагивали ученые, которых традиционно относят к представителям идеалистического подхода к познанию: И. В. Киреевский, П. И. Новгородцев, Б. Н. Чичерин, Л. И. Петражицкий.

Однако в дореволюционный период можно встретить идеи о связи памяти и права и в трудах, основанных на материалистическом подходе. В частности, наибольшую ценность в данном контексте для нас могут представлять взгляды Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена.

Одним из наиболее неоднозначных по своим философским воззрениям отечественных мыслителей XIX в. можно назвать Ивана Васильевича Киреевского (в связи с чем разные авторы относят его и к западникам, и к славянофилам) [1]. Наиболее четкое представление о взглядах на соотношение памяти и права рассматриваемого ученого можно получить, опираясь на его последнюю работу «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России». Мыслитель полагал, что российское право самобытно, перенесение на нашу землю опыта Великобритании или Франции лишь пагубно скажется на нем. Если «римско-западная юриспруденция» основана на формах (или вернее было бы сказать – формулах), то российское – «вырастает из жизни»; если для первого важнее внешняя формальность, то для второго – внутренняя справедливость [8, с. 280].

Вне всякого сомнения, И. В. Киреевского можно упрекнуть в излишней идеализации российского права как сущностно превосходящего любые зарубежные аналоги (по этой причине его нередко называют «отцом славянофильства»). Кроме того, чрезмерным видится и столь принципиальное разграничение отечественного и «иноземного» права – по той причине, что сущность и природа права являются универсальными его характеристиками и не могут быть всецело детерминированы пространственными или темпоральными факто-

рами. Вместе с тем автор приходит к ряду значимых выводов о взаимосвязи памяти и права.

Во-первых, как уже было отмечено ранее, право – результат общественных отношений. Наиболее очевидно это прослеживается на примере правовых обычаев, которые не изобретались «предварительно какими-нибудь учеными юрисконсультами» [8, с. 280]. Закон, по И. В. Киреевскому, – формализованная память о быте народа. Том быте, который видится в качестве необходимого.

Во-вторых, порядок в государстве возможен только при соответствующем уровне уважения законов. Оно, в свою очередь, обусловлено осознанием пользы данных правил поведения, а осознание формируется в том числе под влиянием накапливаемого и передаваемого из поколения в поколение опыта.

В-третьих, уважение к формальной стороне права обусловлено «уважением к преданию» [8, с. 291]. То есть государственное юридическое право пользуется авторитетом в том числе благодаря памяти о том, что в схожих формах ранее заключались наиболее рациональные и отвечающие интересам людей правила поведения.

Не менее интересны и идеи о взаимосвязи права и памяти, принадлежащие выдающемуся представителю отечественного либерализма Павлу Ивановичу Новгородцеву, одной из центральных идей в работах которого было возрождение естественного права. Сущностно, по его мнению, право – это результат длительного и многогранного процесса борьбы различных социальных сил. Отражая такие противоречия, право одновременно есть результат их разрешения, оно постоянно находится в поиске правды и справедливости для своих современников [7]. Уже здесь мы можем видеть такие сущностные черты права, как установленность на предотвращение и устранение конфликта, а также классовость.

«Потребность общения и противоречие частных стремлений (классовых и индивидуальных) – таковы две элементарные аксиомы, от которых должен отправляться каждый исследователь общественных явлений», – отмечает выдающийся русский юрист [14, с. 103]. Аналогичным образом действует и коллективная память. Она призвана устранить социальные противоречия, обеспечивая основу для объединения как отдельных индивидов, так и их

групп. Исходя из концепции П. И. Новгородцева, обеспечить достижение данной цели способно именно право. На определенном этапе развития общества, по его мнению, право отделяется от нравственности, с одной стороны, вступая с ней в противоречие, а с другой – подерживая и сохраняя.

«...Нравственные заповеди не должны... связывать свободы человека мелочными и подробными определениями его действий», – полагал мыслитель [14, с. 108]. Однако, по нашему мнению, стоит понимать, что при предоставлении такой свободы нравственные нормы могут быть преданы забвению. Именно в подобные моменты «распада» памяти «на помощь ей является право со своими средствами внешнего принуждения» [14, с. 113].

В связи с этим можно предположить, что по концепции П. И. Новгородцева о сущности права и его связи с нравственностью (моралью) оно представляет собой некое хранилище исторического опыта. То есть право мемориально и существует во многом благодаря тому, что хранит в себе память о наиболее справедливом, должном. Роль хранилища обеспечивает ему легитимность. В связи с этим законы, с чем нельзя не согласиться, должны опираться на уроки прошлого. Благодаря этому они в большей степени будут поддерживаться народом и отвечать его потребностям [13].

Одновременно с этим мыслитель заявлял: «...Историческая наука говорит о том, что есть и что было, но она ничего не говорит о том, что должно быть. Нельзя ожидать здесь помощи и от социологии» [15, с. 304–305]. Подобная позиция представляется ошибочной и обуславливается, по нашему мнению, упомянутой ранее метафизической методологией, выступавшей в качестве основы для трудов ученого, одновременно ограничивавшей его. Хотя общественный процесс – не простое повторение циклов, история (как и социология) позволяет изучить характер возникавших и существующих в обществе противоречий, благодаря чему – спрогнозировать дальнейшее развитие. Точно так же коллективная память (особенно получившая свое оформление в праве) как набор воспоминаний – основа для дальнейших социальных процессов. Право, формируя и охраняя этот набор образов прошлого, соединяет наиболее удачные, эффективные, полезные элементы из

минувших дней с настоящими и будущими социальными практиками.

Отдельное место философскому осмыслению государственно-правовой проблематики, строящемуся на идеалистических началах, отводится и в работах еще одного представителя отечественного либерализма – Бориса Николаевича Чичерина [4].

В своих трудах мыслитель указывал, что право – неотъемлемая часть любого человеческого общества, позволяющая разумно ограничивать свойственный человеку по его природе эгоизм. Исследуя проблематику соотношения нравственности, свободы и права, Б. Н. Чичерин пришел к выводу о том, что свобода выступает в качестве основы для возможного существования как права, так и нравственности. При этом от требований последней человек ввиду своего несовершенства может уклониться. В этих случаях необходимо прибегать к помощи правовых предписаний [6, с. 21].

Нельзя согласиться с утверждением философа и правоведа о том, что нравственный закон неизменен и вечен, поскольку его содержание не может быть оторвано от общественных отношений, которым свойственна изменчивость. В противном случае нормы нравственности бы были абсолютно оторваны от социальной практики и со временем перестали бы обладать каким-либо авторитетом ввиду их полной иррациональности. Однако Б. Н. Чичерин справедливо замечает, что государственный закон сообразен времени, в котором он действует. Полагаем, что правильнее было бы говорить о разнице в степени динамичности. Право, особенно если речь идет о государственном юридическом праве, отличается гораздо большей изменчивостью ввиду своего большего инструментального значения [6, с. 22–23].

Анализируя взаимосвязь нравственности и права, Чичерин, в отличие от И. В. Киреевского, устанавливал между ними строгую границу. При этом оба социальных регулятора, по его мнению, строятся на основе общих ценностных оснований [6, с. 21]. С последним нельзя не согласиться, поскольку ценности, как отмечает А. И. Клименко, – это не «произвольный набор... сконструированных... стандартов» [9, с. 2]. Они складываются объективно, выражая (и в случае нравственности, и в случае права) потребности и интересы индивидов и их групп.

Именно в положениях работ Б. Н. Чичерина о связи права и нравственности, их ценностных основаниях, а также соотношении права и государства можно найти косвенные указания на феномен коллективной памяти.

Во-первых, для мыслителя память, как индивидуальная, так и коллективная, выступает в качестве отправного начала для осознания человеком своей свободы: «И внутренний, и внешний опыт равно убеждают нас, что существует субъект, способный направлять свои действия. Субъект не есть пустоеместилище, а деятельная сила, и все его действия, насколько они определяются внутренним самосознанием, состоят от него в зависимости» [26, с. 39]. Хотя данный тезис строится на идеалистическом миропонимании, он не лишен рациональности: любой человек принимает решение о действии или бездействии (в том числе имеющих правовое значение), обусловленное процессами предшествующего социального взаимодействия и насыщения личного опыта через коллективные воспоминания «мы»-групп, к которым он себя причисляет.

Во-вторых, как отмечалось ранее, Б. Н. Чичерин разграничивает нравственность и право, не считая последнее «минимумом нравственности» или его низшей ступенью. У данных явлений самостоятельная природа и значение. Поскольку для философа нравственный закон в отличие от права вечен, то и «содержание он получает из опыта, но формальные начала, к которым сводится это опытное содержание, устанавливаются им самим» [26, с. 171]. То есть даже несмотря на идеалистические установки, Б. Н. Чичерин полагает, что из коллективного опыта «вырастают» постепенно правила поведения. Отсюда можно прийти к следующему выводу: правовые нормы и институты формируются на основе коллективного опыта / памяти – в данных нормах консервируется и формализуется память о таком опыте, благодаря праву данная память транслируется из поколения в поколение.

В-третьих, коллективная память основана на национальной самоидентификации: «Общие воспоминания, стремления и привязанности, память о совершенных вместе подвигах и прожитых испытаниях теснее связывают людей, нежели что-либо другое» [25, с. 312]. Отсюда вытекает и необходимость в конструиро-

вании (формировании и сохранении) памяти народности, «выражением» которой выступает государство: «Если в образовании народности важнейшим фактором является история, то в этом отношении значительнейшая роль принадлежит государству» [25, с. 312].

Особый интерес в силу концептуальных положений основанной им психологической школы права представляет учение выдающегося правоведа, философа и социолога Льва Иосифовича Петражицкого.

По мнению мыслителя, право представляет собой особое психическое явление, неразрывно связанное с миром человеческих эмоций. Представление же о праве как о совокупности норм для него виделось «наивным проецированием» содержания сознания на трансцендентный по отношению к нему мир [22, с. 28].

«Право есть психический фактор общественной жизни, и оно действует психически. Его действие состоит, во-первых, в возбуждении или подавлении мотивов к разным действиям и воздержаниям (мотивационное или импульсивное действие права), во-вторых, в укреплении и развитии одних склонностей и черт человеческого характера, в ослаблении и искоренении других, вообще в воспитании народной психики в соответствующем характеру и содержанию правовых норм направлении (педагогическое действие права)», – писал в одной из своих работ Л. И. Петражицкий [18, с. VII]. В связи с этим мы можем говорить, что согласно психологической теории право не просто выполняет регулятивную функцию, но и влияет на сознание и память (поскольку и само формируется в результате сохранения в памяти индивидов и их коллективов пережитых эмоций). Право воздействует на людей системно, в результате чего связанные с ним психические переживания закрепляются в памяти и выступают в качестве основы для устойчивой ролевой модели поведения. Таким образом, память – это связующее звено между индивидуальным опытом и регулированием поведения людей.

Л. И. Петражицкий разделял право на позитивное и интуитивное. Первое – официальное, установленное государством, а второе – напротив, неофициальное, основанное на индивидуальных психических переживаниях.

Говоря о первом, ученый отмечал: «...с течением времени в областях действия устной тра-

диции и памяти происходят разные частные изменения содержания представляемых нормативных фактов, например, содержания законодательных, начальственных распоряжений, смысла и характера обычаев предков и т. д., – и соответственно изменяется содержание подлежащего позитивного права, хотя сами бывшие объективные факты не могут изменяться» [19, с. 413]. В данном случае усматривается прямая зависимость процессов по формированию позитивного права от состояния (как с точки зрения количественного, так и качественного / собственно содержательного богатства воспоминаниями) коллективной памяти.

Кроме того, исследователь, размышляя о признаках правовых обычаев, обращал внимание и на такой феномен, как дефект коллективной памяти: «...в области права старины, обычаев предков бывают явления перерывов и восстановления соблюдения старины вследствие восстановления в памяти подлинной старины» [19, с. 441]. То есть действующие в определенном пространственно-временном континууме правовые нормы могут быть результатом фальсификации или ненамеренного искажения в коллективной памяти образов, имеющих наибольшее социальное значение.

Интересна взаимосвязь памяти и с выделяемым Л. И. Петражицким интуитивным правом. Оно, по мнению философа, возникает из личных эмоций и опыта, которые сохраняются в памяти индивида. Ощущения справедливости/несправедливости, обиды/благодарности связаны с конкретными воспоминаниями (как личными, так и полученными в результате социальной коммуникации). Со временем они становятся источником для формирования личной правовой нормы. Исходя из этого, позитивное право – в некоторой степени результат диффузии индивидуальных воспоминаний в виде позитивации интуитивного права («тенденции бессознательно-удачного социального приспособления соответствует... развитие определенных правовых обычаев, вообще позитивация права» [19, с. 186]).

Таким образом, согласно концепции Л. И. Петражицкого, с одной стороны, память – ключевой элемент в механизме формирования правовых норм (как интуитивного, так и позитивного права) как сохранения в памяти и трансформации в устойчивую поведенческую

модель повторяющихся психических переживаний. С другой стороны, право формирует коллективную память. Оно закрепляет в сознании общества определенные ценности, нормы и модели поведения. Право в связи с этим выступает в качестве «хранителя» коллективной памяти.

Работ отечественных авторов, написанных в дореволюционный период, которые бы затрагивали проблематику соотношения права и памяти с позиций материалистического понимания вещей, сравнительно меньше. Однако, по нашему мнению, это обусловлено не тем, что идеалистическая философия была гораздо более распространена (ошибочность такого представления обстоятельно обоснована А. Д. Суховым [21]), а самой сутью подходов и их постепенным развитием. Для идеализма в целом более характерно обращение к сознанию, мышлению и памяти. Вместе с тем говорить, что в конце XIX в. вовсе не было работ представителей материалистической традиции, в которых бы содержались идеи о взаимосвязи права и памяти, было бы ошибочно.

Рассматриваемая проблематика косвенно затрагивалась в работах одного из основоположников русского социализма Николая Гавриловича Чернышевского, поскольку он рассматривал «государство» и «право» как категории исторического характера, которые возникают и наделяются определенными характеристиками в зависимости от особенностей конкретного исторического этапа развития общества (а в дальнейшем как феномены они, согласно концепции мыслителя, и вовсе должны были отмереть) [5, с. 12].

Сущность как государства, так и права, по мнению автора, заключалась в необходимости обеспечения благами частных лиц, что достигалось путем улучшения материального быта, а также совершенствованием просвещения и расширением степени индивидуальной самостоятельности человека [5, с. 12].

С одной стороны, можно усмотреть в трудах философа ссылку на память как основу конструирования социальных норм. «Мышление состоит в том, чтобы из разных комбинаций ощущений и представлений, изготовляемых воображением при помощи памяти, выбирать такие, которые соответствуют потребности мыслящего организма в данную минуту, в

выборе средств для действия, в выборе представлений, посредством которых можно было бы прийти до известного результата», – писал Н. Г. Чернышевский [23, с. 79]. При этом развитие законов, по его мнению, обусловлено не только экономическими факторами, но и немалым влиянием рассудка человека [5, с. 26]. В связи с этим выстраивается логическая цепочка: материальные условия жизни – память (на основе которой выбираются необходимые ощущения и представления) – рассудок – закон.

С другой стороны, ввиду своих социалистических взглядов общественный деятель и публицист относился достаточно скептически к обычаям как формализованной памяти коллективов. Он видел в ней потенциальный тормоз для общественного развития, что нашло свое отражение в известном произведении «Что делать?»: «Нам закрыты обычаями пути независимой деятельности, которые не закрыты законом. Но из этих путей, закрытых только обычаями, я могу вступить на какой хочу, если только решусь выдержать первое противоречие обычая» [24, с. 241]. Вне всякого сомнения, обычаи могут быть несколько ригидны ввиду механизма своего образования, но вместе с тем критика современных Н. Г. Чернышевскому правовых институтов связана далеко не с сохранением правом коллективной памяти или правом как собственно памятью. То есть речь идет не о мемориальной дисфункциональности права. Право призвано достоверно закреплять наиболее рациональные и эффективные практики не только для прошлого, но и для настоящего. Обращение к истории в данном случае должно восприниматься как не более чем акт политического характера, который противоречит сущности и природе права, его законам развития.

Некоторые идеи в рассматриваемой области можно обнаружить в работах другого отечественного публициста и мыслителя – Александра Ивановича Герцена.

Один из апологетов русской революционной демократии, А. И. Герцен полагал, что право в некоторой степени подчинено морали, играя лишь вспомогательную роль «ночного сторожа» [12; 16]. Учитывая политико-правовые воззрения писателя, представляется закономерным его критическое отношение к консерватизму. Он полагал, что людям свойственно

стремиться сохранить закрепившиеся устои и быт, народ инстинктивно консервативен. Продолжительность воспроизводства при этом лишь упрочняет, по его мнению, доверие к моделям поведения: «Чем народ дальше от движения истории, тем он упорнее держится за усвоенное, за знакомое» [3, с. 543].

Одновременно с этим он признавал легитимирующую роль коллективной памяти: «Старый порядок вещей крепче признанием его, чем материальной силой, его поддерживающей» (цит. по: [17]).

Примечателен и тот факт, что сам А. И. Герцен признавал наличие феномена коллективной памяти и его значимость, в том числе для национальной самоидентификации. Так, в «Былом и думах», анализируя интеллектуальное противостояние со славянофилами (в том числе с рассмотренным выше И. В. Киреевским), автор указывает на «прибавление» коллективных воспоминаний западных славян к нашим. То есть речь идет о диффузии памяти нескольких крупных социальных групп, выработке общего массива воспоминаний. Однако в дальнейшем он пишет: «Это основы нашего быта – не воспоминания, это живые стихи, существующие не в летописях» [2, с. 137]. Такое утверждение видится ошибочным хотя бы по той причине, что оно противоречит принципам общественного развития. Любое изменение качественного характера обусловлено накоплением количественных, текущее состояние социума – есть промежуточный результат его самодвижения как преемственности, как поглощения и критической переработки всего, что ранее было выработано человечеством.

Таким образом, мы можем прийти к следующим выводам:

1. Несмотря на то, что в отечественной дореволюционной политико-правовой мысли середины XIX – начала XX в. напрямую не артикулировалась мемориальная функция права [20], внимательный анализ работ рассматриваемого периода позволяет обнаружить некоторые идеи в области взаимосвязи права и памяти.

2. Наиболее богата на прямое или косвенное освещение представленной проблематики идеалистическая философская традиция, которая, в частности, находит свое выражение в трудах И. В. Киреевского, П. И. Новгородцева, Б. Н. Чичерина, Л. И. Петражицкого.

В не меньшей степени интересны и взгляды таких материалистов, как Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен.

3. Нередко взаимосвязь права и памяти характеризовалась через легитимирующую роль коллективных воспоминаний для юридического государственного права (например, И. В. Киреевский, А. И. Герцен). Авторитет истории, опыта подкреплял авторитет закона, его историчность ассоциировалась с рациональностью и достоверностью. Кроме того, коллективная память в трудах мыслителей воспринималась как основа (например, Б. Н. Чичерин, Н. Г. Чернышевский) или элемент механизма (Л. И. Петражицкий) для конструирования/формирования права. Кроме того, некоторые представители отечественной политико-правовой мысли указывали, что право либо является собой формализованную память, либо может быть нацелено на формирование коллективной памяти современного ему общества. То есть, по сути, признавалась как мемориальная природа, так и мемориальное воздействие права, что в своей совокупности говорит и о наличии соответствующей функции.

4. Критицизм по отношению к коллективной памяти и ее взаимосвязи с правом со стороны рассмотренных представителей материализма, по нашему мнению, обусловлен во многом лежащими в основе их суждений метафизическими установками. В связи с этим не учитывалась логика развития социальной и правовой действительности, влияние на эти процессы коллективной памяти, и наоборот.

Список использованных источников

1. Андреев Н. Ю. О теоретико-правовых взглядах И. В. Киреевского // Современное право. 2013. № 4. С. 156–160.
2. Герцен А. И. Былое и думы (отрывки). М.: Гослитиздат, 1933. 167 с.
3. Герцен А. И. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1986. Т. 2. 657 с.
4. Захаров А. В. Государственно-правовые воззрения Б. Н. Чичерина: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2001. 212 с.
5. Касьянов А. О. Политико-правовые взгляды Н. Г. Чернышевского: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 31 с.
6. Катенина Н. В. Философско-правовое учение Б. Н. Чичерина как явление русской мысли: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2012. 31 с.
7. Кацапова И. А. Правовая идея П. И. Новгородцева: нравственное начало общественной жизни и его выра-

жение в морали и праве // История философии. 2011. № 16. С. 185–207.

8. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 248–293.

9. Клименко А. И. Диалектико-материалистическое понимание правовых ценностей в рамках социоаксиологического подхода к праву и дискурсивно-конвенциональной правовой теории // История государства и права. 2024. № 1. С. 2–8.

10. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. М.: Детская литература, 1988. 238 с.

11. Лосев А. Ф. Русская философия // Очерки истории. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 591 с.

12. Лядов В. В. Мораль и право в политико-правовой мысли России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 28 с.

13. Новгородцев П. И. Введение в философию права: Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. 268 с.

14. Новгородцев П. И. Право и нравственность // Правоведение. 1995. № 6. С. 103–113.

15. Новгородцев П. И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. 446 с.

16. Павлов А. В. Учение о государстве и праве А. И. Герцена: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 21 с.

17. Пантин И. К. А. И. Герцен: начало либерального социализма // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 118–131.

18. Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности: эмоциональная психология. М.: URSS, 2010. 311 с.

19. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 606 с.

20. Ситников К. А. Мемориальная функция права: к постановке проблемы // История государства и права. 2025. № 1. С. 32–40.

21. Сухов А. Д. Материалистическая традиция в русской философии. М.: ИФРАН, 2005. 258 с.

22. Тимошина Е. В. Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и пост-классического правопонимания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 44 с.

23. Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии. Genève-Bale-Lion: H. Georg, 1875. 103 с.

24. Чернышевский Н. Г. Что делать? СПб.: Изд. М. Н. Чернышевского, 1906. 317 с.

25. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки: в 3 т. М.: Тип. тов-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1896. Т. 2. 433 с.

26. Чичерин Б. Н. Философия права. М.: Тип. тов-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1900. 337 с.

27. Щанкина Л. Н., Изютина С. В. Проблемы и этапы развития юридической науки и образования в России // Право и экономика / гл. ред. Г. Н. Петров. Чебоксары: Среда, 2020. С. 22–34.

28. Харари Ю. Н. Sapiens: краткая история человечества. М.: Синдбад, 2019. 516 с.

References

1. Andreev N. Yu. On the theoretical and legal views of I. V. Kireevsky. *Modern law*. 2013. No. 4. P. 156–160 [in Russ.].

2. Herzen A. I. My Past and Thoughts (excerpts). Moscow: State Publishing House of Fiction, 1933. 167 p. [in Russ.].

3. Herzen A. I. Essays: in 2 vols. Moscow: Mysl Publ., 1986. Vol. 2. 657 p. [in Russ.].

4. Zakharov A. V. B. N. Chicherin's state-legal views: a thesis for the degree of PhD in Law. Tambov, 2001. 212 p. [in Russ.].

5. Kasyanov A. O. Political and legal views of N. G. Chernyshevsky: synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law. Moscow, 2024. 31 p. [in Russ.].

6. Katenina N. V. The philosophical and legal doctrine of B. N. Chicherin as a phenomenon of Russian thought: synopsis of a thesis for the degree of PhD in Philosophy. Moscow, 2012. 31 p. [in Russ.].

7. Katsapova I. A. The legal idea of P. I. Novgorodtsev: the moral principle of public life and its expression in morality and law. *History of Philosophy*. 2011. No. 16. P. 185–207 [in Russ.].

8. Kireevsky I. V. On the nature of the enlightenment in Europe and its relation to the enlightenment in Russia. *Criticism and aesthetics*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. P. 248–293 [in Russ.].

9. Klivenko A. I. Dialectical-materialistic understanding of legal values within the framework of a socio-axiological approach to law and discursive-conventional legal theory. *History of the state and law*. 2024. No. 1. P. 2–8 [in Russ.].

10. Likhachev D. S. Letters about the good and the beautiful. Moscow: Detskaya literatura Publ., 1988. 238 p. [in Russ.].

11. Losev A. F. Russian philosophy. *Essays on history*. Sverdlovsk: Ural University Publishing House, 1991. 591 p. [in Russ.].

12. Lyadov V. V. Morality and law in the political and legal thought of Russia: synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law. Krasnodar, 2014. 28 p. [in Russ.].

13. Novgorodtsev P. I. Introduction to the philosophy of law: the crisis of modernity legal awareness. Moscow: Nauka Publ., 1996. 268 p. [in Russ.].

14. Novgorodtsev P. I. Law and morality. *Jurisprudence*. 1995. No. 6. P. 103–113 [in Russ.].

15. Novgorodtsev P. I. Essays. Moscow: Raritet Publ., 1995. 446 p. [in Russ.].

16. Pavlov A. V. The doctrine of the state and law by A. I. Herzen: synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law. Vladimir, 2007. 21 p. [in Russ.].

17. Pantin I. K. A. I. Herzen: the beginning of liberal socialism. *Questions of philosophy*. 2006. No. 3. P. 118–131 [in Russ.].

18. Petrazhitzky L. I. Introduction to the study of law and morality: emotional psychology. Moscow: URSS, 2010. 311 p. [in Russ.].

19. Petrazhitzky L. I. Theory of law and the state in connection with the theory of morality. St. Petersburg: Lan Publ., 2000. 606 p. [in Russ.].

20. *Sitnikov K. A.* Memorial function of law: towards a problem statement. *History of the State and law*. 2025. No. 1. P. 32–40 [in Russ.].

21. *Sukhov A. D.* The materialistic tradition in Russian philosophy. Moscow: Institute of Philosophy RAS, 2005. 258 p. [in Russ.].

22. *Timoshina E. V.* Theory and sociology of law by L. I. Petrazhitzky in the context of classical and postclassical legal understanding: synopsis of a thesis for the degree of Doctor in Law. Moscow, 2013. 44 p. [in Russ.].

23. *Chernyshevsky N. G.* The anthropological principle in philosophy. Genève-Bale-Lion: H. Georg, 1875. 103 p. [in Russ.].

24. *Chernyshevsky N. G.* What to do? St. Petersburg: Publishing house of M. N. Chernyshevsky, 1906. 317 p. [in Russ.].

25. *Chicherin B. N.* The course of state science: in 3 vols. Moscow: Printing house of the I. N. Kushnerev and Co. partnership, 1896. Vol. 2. 433 p. [in Russ.].

26. *Chicherin B. N.* Philosophy of law. Moscow: Printing house of the I. N. Kushnerev and Co. partnership, 1900. 337 p. [in Russ.].

27. *Shchankina L. N., Izutina S. V.* Problems and stages of development of legal science and education in Russia. *Law and economics*. Cheboksary: Sreda Publ., 2020. P. 22–34 [in Russ.].

28. *Harari Yu. N.* Sapiens: a brief history of mankind. Moscow: Sinbad Publ., 2019. 516 p. [in Russ.].

Поступила в редакцию 27.05.2025

Received May 27, 2024

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 342

DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-7

Зайцев Василий Андреевич,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного
и международного права,
Санкт-Петербургский университет МВД
России, 198206, г. Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилютова, д. 1,
email: rabbitbugz@rambler.ru

Zaitsev, Vasily A.,
PhD in Law, Associate Professor
at the Department of Constitutional and
International Law, St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
1 Letchik Pilyutov Str., St. Petersburg,
198206, Russian Federation,
email: rabbitbugz@rambler.ru

Напольских Инна Михайловна,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры теории государства
и права, Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикотя,
117437, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12,
email: inna.napolskix@mail.ru

Napolskikh, Inna M.,
PhD in Law, Lecturer at the Department
of Theory of State and Law,
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
12 Akademik Volgin Str., Moscow,
117437, Russian Federation,
email: inna.napolskix@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РАЗВИТИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА



THE TRADITIONAL FAMILY AS THE BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONAL AND RACIAL VALUES IN MODERN RUSSIA

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается роль модели традиционной семьи в развитии конституционно-правовых ценностей современного Российского государства. Изучается функциональная характеристика обозначенной модели семейных отношений в формировании ценностных приоритетов и развитии правовой культуры общества. Обозначаются характерные черты взаимосвязи между традиционными и конституционно-правовыми ценностями современной России. Выделяются общие тенденции, касающиеся отношения современного российского общества к построению семьи. Обозначается, что именно в семье проходит первичная социализация личности, формируются базовые ее характеристики, детерминирующие траекторию и качество последующего развития. Акцентируется внимание на особой значимости данного института в развитии государства, что обуславливает вынесение вопросов его поддержки на государственный уровень, конституци-

ABSTRACT. The article examines the role of the traditional family model in the development of constitutional and legal values of the modern Russian state. The functional characteristics of the designated model of family relations in the formation of value priorities and the development of the legal culture of society are studied. The characteristic features of the relationship between the traditional and constitutional-legal values of modern Russia are outlined. The general trends concerning the attitude of modern Russian society to family building are highlighted. It is indicated that it is in the family that the primary socialization of the individual takes place, its basic characteristics are formed, determining the trajectory and quality of subsequent development. Attention is focused on the special importance of this institution in the development of the state, which determines the transfer of issues of its support to the state level, the constitutional consolidation of provisions on the protection of the family, fatherhood, motherhood and childhood. Considering

онное закрепление положений о защите семьи, отцовства, материнства и детства. Рассмотрение моделей российской семьи в исторической ретроспективе демонстрирует существование трех ее типов (традиционная, децентрическая и супружеская), каждый из которых соответствует конкретному этапу развития государства. Авторы приходят к тому, что на современном этапе развития Российского государства целесообразно распространение модели семьи с преобладанием традиционных ценностей, поскольку это та плодородная почва, на которой формируются положительные морально-нравственные устои общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: традиционные ценности, конституционно-правовые ценности, традиционная семья, принцип индивидуализации, кризис семейных ценностей, ответственность, преемственность поколений, государственная политика

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Зайцев, В. А. Значение традиционных семейных ценностей в развитии конституционно-правовых основ современного Российского государства / В. А. Зайцев, И. М. Напольских. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 56–62. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-7

Семья – важнейший институт общества, состояние которого является показателем качества развития общественных отношений [2]. Именно в семье проходит первичная социализация, формируются базовые характеристики личности, детерминирующие траекторию ее развития. Особая значимость данного института обуславливает вынесение вопросов поддержки семьи на государственный уровень, конституционное закрепление положений о защите семьи, отцовства, материнства и детства [8], проведение соответствующей государственной семейной политики [17]. Отдельным вопросам поддержки семьи уделяется особое внимание в Стратегии национального развития Российской Федерации [22], законах [19], подзаконных актах [20].

Ценности семьи, брака как основы супружеских отношений, результатом которых является рождение и воспитание потомства, в современном обществе представляют собой фундаментальные элементы, определяющие национальные приоритеты государства [10]. Важно обратить внимание на отсутствие четкой законодательной формулировки термина «семья». Как правило, его употребление встречается в узком (ограничивающемся пределами

the models of the Russian family in historical retrospect demonstrates the existence of three types of it (traditional, child-centered and marital), each of which corresponds to a specific stage of the development of the state. The authors conclude that at the present stage of the development of the Russian state, it is advisable to spread the family model, with the predominance of traditional values, since this is the fertile soil in which positive moral foundations of society are formed.

KEYWORDS: traditional values, constitutional and legal values, traditional family, principle of individualization, crisis of family values, responsibility, continuity of generations, public policy

FOR CITATION:

Zaitsev, V. A., Napolskikh, I. M. (2025) The Traditional Family as the Basis for the Development of Constitutional and Racial Values in Modern Russia. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 12(2): 56–62 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-7

института брака) и широко (предполагающем наличие кровного родства) понимании [1].

Статья 12 СК РФ косвенно трактует категорию брака путем обозначения тех аспектов, что для его заключения необходимо взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак, и достижение ими брачного возраста. В то же время определенные установки относительно предмета нашего исследования содержатся в правовых позициях Конституционного Суда РФ и состоят в следующем:

– брак рассматривается в качестве союза мужчины и женщины [13];

– многоженство не признается в качестве формы брачного союза [14];

– особого внимания со стороны государства в контексте семейных правоотношений требует обеспечение прав и законных интересов ребенка [16];

– мать имеет приоритетное положение в вопросах ухода за ребенком [1].

В сознании современного общества интерпретация брачно-семейных отношений далеко не всегда согласуется с традиционными представлениями, в большинстве случаев она связана с высокой степенью свободы и неза-

висимости [23]. Можно выделить ряд общих тенденций, касающихся отношения современного российского общества к построению семьи:

- свободное, индивидуалистическое отношение к образованию семьи;
- стремление к равноправию, партнерским отношениям;
- десакрализация института семьи;
- отсутствие стремления к регистрации брака.

Обозначенные тенденции отражают трансформацию ценностной составляющей в сторону большей свободы и автономии в межличностных отношениях, в связи с чем страдает институт семьи. В настоящее время на различных уровнях власти осознается и решается проблема кризиса традиционных семейных ценностей, возникшая в связи с широким распространением тенденций на обособленное развитие личности.

«Традиционная семья» применительно к поликультурному российскому обществу не является монолитной конструкцией [5]. Значимость поддержания и развития традиционных семейных ценностей повышается также в связи со снижением количества зарегистрированных браков и рождаемости на фоне увеличения числа фактов расторжения брака [11].

Современная государственная политика Российской Федерации направлена на сохранение традиционных семейных ценностей и повышение роли семьи в жизни общества. Значимую роль в закреплении на законодательном уровне традиционных семейных ценностей имеет Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [6]. В целях популяризации государственной политики в области защиты семьи и развития традиционных семейных ценностей Указом Президента Российской Федерации 2024 год был объявлен Годом семьи [21].

Общественно-политический дискурс современной России характеризуется ориентацией на традиционные семейные ценности. Аспекту сохранения духовно-нравственных доминант семейных отношений отводится значимость, сравнимая с вопросом обеспечения государством необходимых условий для реализации семьей ее функций и повышения качества жизни [9].

Рассмотрение моделей российской семьи в исторической ретроспективе демонстрирует существование трех ее типов: традиционная, детоцентрическая и супружеская. В дореволюционный период и на раннем этапе развития Советского государства преобладала патриархальная модель семьи, где большое значение имел авторитет мужчины. После Великой Отечественной войны особое внимание в семье стало уделяться детям, что обусловило преобладание детоцентрической модели. Существенные трансформации, происходившие в нашем государстве в 90-х гг. XX в., затронули сферу семейно-брачных отношений, что выразилось в преобладании супружеского типа семьи, основу которого составляют принципы равноправия, ориентации на личные желания и предпочтения [5].

Широко известен знаменитый лозунг советского периода «Семья – ячейка общества». Его активное распространение было связано с необходимостью пересмотра весьма неоднозначной политики Советского государства в отношении института семьи, сложившейся на начальном этапе его развития. Стремление нового советского правительства отойти от имперских установок в некоторых аспектах принимало избыточный характер. Если в 1917–1920-х гг. наблюдалась тенденция к равноправию между мужчиной и женщиной в семье, то через небольшой промежуток времени данная модель приобрела вид, весьма далекий от соображений нравственности. Л. Троцким семья воспринималась в качестве семейно-хозяйственного коллектива. А. Коллонтай неоднократно выступала с заявлениями о том, что женщина должна стремиться к самостоятельности с точки зрения не только экономической, но и психологической составляющей. Подобному обособлению, согласно ее взглядам, будут всемерно способствовать отношения, которым не свойственны взаимные чувства любви [4, с. 90]. Активно распространялась идея о свободных отношениях, не скрепленных узами брака. Данная идея усиливалась установкой о так называемом «раскрепощении женщин» [3].

Активное распространение обозначенных идей в совокупности с негативными последствиями гражданской войны имели весьма печальные для общества последствия в виде переполненных детских домов, неполных семей,

высокой заболеваемости. Для исправления ситуации были предприняты шаги по поддержке института семьи. Лозунгом новой политики стала приведенная ранее широко известная фраза «Семья – ячейка общества», что является примером осознания на государственном уровне значимости традиционных семейных ценностей для развития государства в целом.

Кризис ценностной составляющей семейно-брачных отношений, сложившийся на сегодняшний день, проявлен прежде всего в снижении числа ежегодно регистрируемых браков на фоне увеличения количества разводов. Данная ситуация имеет в своем основании вполне осязаемые причины. После распада СССР в Российском государстве утвердился курс на следование западным ценностям, где «свободные отношения» и «гражданские браки» – норма жизни. Однако современные реалии демонстрируют, что для России неэффективно следовать западному пути развития. Нашему государству всячески пытаются навязать нетипичные для российской цивилизации ценности, в связи с чем возникает большое количество информационных угроз, направленных прежде всего на молодежь, поскольку это не только будущее государства, но и наиболее динамичная и восприимчивая к изменениям часть общества.

Медиапространство оказывает значительное влияние на взгляды современной молодежи относительно семейных ценностей и отношений в семье. Развитие информационных технологий достигло беспрецедентно высокого уровня, что, с одной стороны, помогло обществу выйти на новый уровень развития, а с другой – стало причиной возникновения новых вызовов и угроз, в том числе для традиционных семейных ценностей.

Следующей причиной кризиса института семьи на современном этапе выступают сложности психологического характера, перечислить весь спектр которых в силу их множественности проблематично. Обозначим лишь наиболее значимые и распространенные из них:

1. Незавершенная сепарация от родителей, выражающаяся в чрезмерной зависимости от родителей (как экономической, так и психологической), в силу чего весьма затруднительным оказывается построение гармоничных семейных отношений.

2. Нежелание нести ответственность. Обозначенная проблема может быть связана с чрезмерной опекой родителей, отсутствием привычки к заботе о других (что является следствием соответствующих подходов к воспитанию), инфантильностью. В то же время на просторах интернет-пространства довольно распространены тезисы о жизни «для себя». Не углубляясь в размышления о смысле подобного существования, весьма далекого от созидательного начала, обозначим, что подобная установка никак не способствует сохранению и развитию традиционных семейных ценностей.

3. Чрезмерно завышенные требования к партнеру, что проявляется как при выборе супруга, так и в ходе семейной жизни. Данное затруднение является следствием активного распространения в медиапространстве деструктивных установок, касающихся семейно-брачных отношений. Молодые люди, видя весьма далекие от реальности картинки «идеальной жизни», нередко выдвигают к партнеру требования, удовлетворять которым весьма проблематично. Это становится причиной многочисленных конфликтных ситуаций.

В развитии конституционно-правовых основ современного российского общества, в части, касающейся защиты семьи, отцовства, материнства и детства, важно стремиться к приоритету модели семейно-брачных отношений с преобладанием традиционных ценностей. Они являются основополагающими составными элементами человеческого бытия, способствуют обеспечению демографической безопасности государства. Сохранение и развитие данных ценностей – залог стабильного развития общества в духе «сложившейся веками системы ценностей русского народа и отечественной православной культуры» [12, с. 78]. Основным актором в культивации и развитии традиционных ценностей на конституционно-правовом уровне должно быть государство в лице своих властных органов: не ограничиваясь лишь координацией и правоустановлениями, данная деятельность предполагает прямой патернализм [18, с. 47].

На сегодняшний день отмечаются тенденции к укреплению семейных ценностей, что, безусловно, во многом связано с соответствующими усилиями государства в данной сфере. О положительной динамике свидетельствует ряд про-

веденных научных, социальных и демографических исследований. К примеру, результаты исследования, разработанного для уточнения семейных ценностей молодежи, свидетельствуют о том, что большая часть респондентов воспринимает понятие «семья» в корреляции с категориями «любовь» и «ответственность» [11]. Важной вехой в развитии и укреплении традиционных семейных ценностей стало их конституционное закрепление в 2020 г. [6].

В то же время на основании поручения Президента Российской Федерации В. В. Путина по итогам заседания Госсовета, проведенного 22 декабря 2022 г. [15], была разработана и включена в учебные программы образовательных организаций высшего образования Минобрнауки России учебная дисциплина «Основы российской государственности», которая с 1 сентября 2023 г. ведется на первом курсе образовательных программ бакалавриата и специалитета вне зависимости от профиля подготовки студентов [7].

Введение данной дисциплины было связано с необходимостью укрепления гражданской идентичности, возрождения и развития культурно-духовных ценностей российского общества, повышения уровня правовой культуры граждан, формирования объективного представления о сущности происходящих в обществе процессов, их взаимосвязи с историческими событиями и геополитическими факторами. Аспект развития культурно-духовных ценностей неизбежно предполагает акцент внимания на мировоззренческих характеристиках личности, в том числе в контексте построения коммуникации в социуме.

Вопросы семьи, значения данного института для государства, различных вызовов и перспектив его развития целесообразно рассматривать в ходе изучения следующих тем:

1. Философское осмысление России как цивилизации (рассмотрение семьи в контексте элементарной единицы социальной системы, аккумулирующей культурные традиции и ценности общества, детерминирующей уникальность российской идентичности и формирующей базис для передачи исторической памяти, языка и культурных норм последующим поколениям).

2. Ценностные вызовы современной политики (изучение угроз традиционным семей-

ным ценностям в контексте современных тенденций глобализации, цифровизации и т. д. В данном контексте следует рассмотреть, как именно общество может адаптироваться к обозначенным изменениям и сохранить традиционные семейные ценности).

3. Мировоззрение и идентичность (обозначение ключевой роли семьи в процессе формирования социальной идентичности. Важно оценить, как изменения в структуре семьи, к примеру рост числа неполных семей и изменение гендерных ролей, отражают трансформации общественного сознания).

4. Мировоззренческие принципы (константы) российской цивилизации (рассмотрение характера отражения принципов российской цивилизации, таких как коллективизм, взаимопомощь и духовные ценности, в семейных отношениях).

5. Ценности российской цивилизации (изучение места и роли традиционных семейных ценностей в системе духовных доминант российской цивилизации).

6. Внутренние вызовы общественного развития (обсуждение того, как на институт семьи влияет демографический кризис и иные вызовы данной сферы).

7. Образы будущего России (акцент на том, что образы будущего России формируются на основе современного восприятия семьи. Обсуждение перспектив предполагает рассмотрение семейно-ориентированной политики, поддержки различных программ, направленных на улучшение качества жизни семей).

Таким образом, государственная политика в отношении института семьи на различных этапах развития общественных отношений во многом определяла его ценностные доминанты. На современном этапе развития нашего государства целесообразно распространение модели семьи с преобладанием традиционных ценностей, поскольку это та плодородная почва, на которой формируются положительные морально-нравственные устои общества. Важной доминантой жизни современного российского общества на пути развития конституционно-правовых основ государства в части защиты семьи, отцовства, материнства и детства выступает распространение, культивация и всемерная поддержка традиционных семейных ценностей.

Список использованных источников

1. Баранов П. П. Семья как конституционно значимая ценность // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. № 2. С. 57–63.

2. Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: Проспект, 2023. 450 с.

3. Бобринев К. С., Гостев Ф. А., Коришев А. С. Изменения в семейно-брачных отношениях, теории «свободной любви» в советской России в 1920-е гг. // Проблемы науки. 2016. № 40. С. 35–41.

4. Гавров С. Н. Историческое изменение институтов семьи и брака: учеб. пособие. М.: НИЦ МГУДТ, 2009. 134 с.

5. Гурджиян М. В. Традиционная семья в современном российском обществе // Общество: философия, история, культура. 2016. № 4. С. 41–43.

6. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. 2020. 16 марта.

7. Клименко А. И., Мазуров И. И., Ситников К. А. Обзор научно-методической межрегиональной конференции по вопросам разработки основных положений модуля «Основы российской государственности» и его внедрения в образовательный процесс вузов правоохранительной направленности // Вестник экономической безопасности. 2025. № 1. С. 84–89.

8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. 25 дек.

9. Кравчук Н. В. Уважение традиционных семейных ценностей как конституционный принцип // Россия: тенденции и перспективы развития. 2022. № 17-1. С. 1023–1025.

10. Летова Н. В. Традиционные семейные ценности: морально-нравственная основа государства // Проблемы в российском законодательстве. 2024. Т. 17, № 1. С. 53–60.

11. Никифорова А. И., Неустроева Е. А., Ковтун Т. Ю. Исследование отношения молодежи к семье и семейным ценностям // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60–2. С. 450–453.

12. Овчинников А. И., Полякова А. С. Государственная идеология России и основные принципы формирования национальной политической элиты // Территория новых возможностей. 2015. № 3. С. 77–85.

13. Определение Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации» от 16.11.2006 № 496-О // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66314 (дата обращения: 23.04.2025).

14. Определение Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рязопова Нагима Габдылахатовича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 1 статьи 12 и статьи 14 Семейного кодекса Российской Федерации» от 18.12.2007 № 851-О-О // Кон-

сультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=47725#hbFcd0UpFf4nPyc4> (дата обращения: 23.04.2025).

15. Перечень поручений по итогам заседания Государственного Совета Российской Федерации, состоявшегося 22 декабря 2022 г. // Президент России: официальный сайт. Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421> (дата обращения: 23.04.2025).

16. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Аникиева» от 31.01.2014 № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2014. № 7. Ст. 735.

17. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г. от 25 августа 2014 г. № 1618-р // Правительство России: официальный сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/92699> (дата обращения: 23.04.2025).

18. Родионова О. В., Сигалов К. Е. Проблемы эффективности современного социального государства: общемировые и российские тенденции // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. № 6. С. 43–48.

19. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Российская газета. 1996. 27 янв.

20. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 г. № 474 // Российская газета. 2020. 22 июля.

21. Указ Президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации Года семьи» от 22 ноября 2023 г. № 875 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 48. Ст. 8560.

22. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19 декабря 2012 г. № 1666 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102161949> (дата обращения: 23.04.2025).

23. Шастало А. В. Незарегистрированные браки как составная часть процесса трансформации современной российской семьи // Система ценностей современного общества. 2016. № 49. С. 112–121.

References

1. Baranov P. P. Family as a constitutionally significant value. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2020. No. 2. P. 57–63 [in Russ.].

2. Barkhatova E. Yu. Commentary to the Constitution of the Russian Federation. Moscow: Prospekt Publ., 2023. 450 p. [in Russ.].

3. Bobrinev K. S., Gostev F. A., Koryshev A. S. Changes in family and marriage relations, the theory of “free love” in Soviet Russia in the 1920s. *Problems of Science*. 2016. No. 40. P. 35–41 [in Russ.].

4. Gavrov S. N. Historical change in the institutions of family and marriage: textbook. Moscow: Moscow State University of Design and Technology, 2009. 134 p. [in Russ.].
5. Gurdzhiyan M. V. The traditional family in modern Russian society. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2016. No. 4. P. 41–43 [in Russ.].
6. The Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation “On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power” dated March 14, 2020 No. 1-FKZ. *Rossiyskaya Gazeta*. 2020. March 16 [in Russ.].
7. Klimenko A. I., Mazurov I. I., Sitnikov K. A. Review of the scientific and methodological interregional conference on the development of the main provisions of the module “Fundamentals of Russian statehood” and its implementation in the educational process of law enforcement universities. *Bulletin of Economic Security*. 2025. No. 1. P. 84–89 [in Russ.].
8. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993). *Rossiyskaya Gazeta*. 1993. Dec. 25 [in Russ.].
9. Kravchuk N. V. Respect for traditional family values as a constitutional principle. *Russia: Trends and Development Prospects*. 2022. No. 17-1. P. 1023–1025 [in Russ.].
10. Letova N. V. Traditional family values: the moral foundation of the stat. *Gaps in Russian Legislation*. 2024. Vol. 17. No. 1. P. 53–60 [in Russ.].
11. Nikiforova A. I., Neustroeva E. A., Kovtun T. Yu. Research of youth's attitude to family and family values. *Problems of Modern Pedagogical Education*. 2018. No. 60-2. P. 450–453 [in Russ.].
12. Ovchinnikov A. I., Polyakova A. S. The state ideology of Russia and the basic principles of the formation of the national political elite. *The Territory of New Opportunities*. 2015. No. 3. P. 77–85 [in Russ.].
13. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation “On refusal to accept for consideration the complaint of citizen E. Murzin for violation of his constitutional rights by paragraph 1 of Article 12 of the Family Code of the Russian Federation” dated 16.11.2006 No. 496-O. *ConsultantPlus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66314 (date of access: 23.04.2025) [in Russ.].
14. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation “On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Ryazapov Nagim Gabdykhovich for violation of his constitutional rights by the provisions of paragraph 1 of Articles 12 and 14 of the Family Code of the Russian Federation” dated 18.12.2007 No. 851-O-O. *ConsultantPlus*. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=47725#hbFcdoUpFf4nPyc4> (date of access: 23.04.2025) [in Russ.].
15. List of instructions based on the results of the meeting of the State Council of the Russian Federation held on December 22, 2022. *President of Russia: official website*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421> (date of access: 23.04.2025) [in Russ.].
16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation “In the case of checking the constitutionality of paragraph ten of paragraph 1 of Article 127 of the Family Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S.A. Anikiev” dated 31.01.2014 No. 1-P. *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2014. No. 7. Art. 735 [in Russ.].
17. Order of the Government of the Russian Federation “On approval of the Concept of state family policy in the Russian Federation for the period up to 2025” dated August 25, 2014 No. 1618-r. *Government of Russia: official website*. Available at: <http://government.ru/docs/all/92699> (date of access: 23.04.2025) [in Russ.].
18. Rodionova O. V., Sigalov K. E. Problems of the effectiveness of the modern welfare state: global and Russian trends. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2018. No. 6. P. 43–48 [in Russ.].
19. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ. *Rossiyskaya Gazeta*. 1996. Jan. 27 [in Russ.].
20. Decree of the President of the Russian Federation “On National Development Goals of the Russian Federation for the period up to in 2030” dated July 21, 2020 No. 474. *Rossiyskaya Gazeta*. 2020. July 22 [in Russ.].
21. Decree of the President of the Russian Federation “On holding the Year of the Family in the Russian Federation” dated November 22, 2023 No. 875. *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2023. No. 48. Art. 8560 [in Russ.].
22. Decree of the President of the Russian Federation “On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025” dated December 19, 2012 No. 1666. *Official Internet Portal of Legal Information*. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102161949> (date of access: 23.04.2025) [in Russ.].
23. Shastalo A. V. Unregistered marriages as an integral part of the transformation process of the modern Russian family. *Value System of Modern Society*. 2016. No. 49. P. 112–121 [in Russ.].

Поступила в редакцию 30.05.2025
Received May 30, 2024

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341.96

DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-8

Арзуманян Анна Борисовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного права,
юридический факультет, Федеральное
государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88, email: rumi12@yandex.ru

Arzumanyan, Anna B.,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department
of International Law, Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: rumi12@yandex.ru

Загорулько Алина Витальевна,
студент 4 курса, юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: alinazagorulcko@yandex.ru

Zagorulko, Alina V.,
4th year student,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: alinazagorulcko@yandex.ru

РАСТОРЖЕНИЕ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ КАК СРЕДСТВО ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ОТ ЕГО НАРУШЕНИЯ



TERMINATION OF AN INTERNATIONAL CONTRACT FOR THE SALE OF GOODS AS A REMEDY FOR ITS VIOLATION

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются вопросы расторжения договора международной купли-продажи товаров в качестве средства правовой защиты от неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств. Проводится сравнительный анализ положений Конвенции ООН о международной купле-продаже товаров 1980 г. с положениями национальных правовых порядков о расторжении договора. Особое внимание уделяется взаимному влиянию правовых подходов к расторжению договора в национальных правовых порядках и в Венской конвенции. Авторы приходят к выводу, что расторжение договора международной купли-продажи является важным инструментом правовой защиты, позволяющим кредитору минимизировать риски в случае существенных нарушений договора со стороны должника и невозможности требовать исполнения обязательства в натуре.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: расторжение договора международной купли-продажи товаров, нарушение договора международной купли-продажи товаров, Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров

ABSTRACT. The article examines the issues of termination of a contract for the international sale of goods as a means of legal protection against non-performing or improper performing of obligations. A comparative analysis of the provisions of the United Nations Convention on the International Sale of Goods of 1980 with the provisions of national legal regulations on the termination of the contract is carried out. Special attention is paid to the mutual influence of legal approaches to contract termination in national legal systems and in the Vienna Convention. The authors conclude that the termination of a contract for the international sale of goods is an important tool for the legal protection of the parties, allowing the creditor to minimize risks in case of fundamental breach of the contract and the inability of a debtor to perform his obligations.

KEYWORDS: termination of contract for the international sale of goods, breach of contract for the international sale of goods, the UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Арзуманян, А. Б. Расторжение договора международной купли-продажи товаров как средство правовой защиты от его нарушения / А. Б. Арзуманян, А. В. Загорулько. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 63–72. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-8

Актуальность исследования обусловлена постоянно растущей значимостью договора международной купли-продажи товаров для регулирования трансграничных экономических отношений, а также влиянием Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (далее – Венская конвенция, Конвенция) на унификацию норм национальных правопорядков о расторжении договора как средстве правовой защиты.

Предметом исследования являются особенности правового регулирования расторжения договора в случаях существенного нарушения его условий, включая виды нарушений (фактические и предполагаемые), просрочку и ненадлежащее исполнение, требования к уведомлению о расторжении и последствия расторжения для сторон.

Методы исследования включают сравнительно-правовой анализ положений Венской конвенции и национальных правопорядков, метод системного подхода для выявления взаимосвязей между нормами Конвенции, а также метод казуистического анализа для оценки прецедентов применения норм Конвенции в международной судебной практике.

Критерии расторжения договора международной купли-продажи товаров. Венская конвенция занимает центральное место в источниках международного частного права, посвященных международной купле-продаже товаров. Ее нормы рассматривают в качестве применимого права при выборе сторонами материального права страны-участницы [1, с. 50]. Как отмечается ЮНСИТРАЛ в комментариях к Венской конвенции, расторжение договора рассматривается судами в качестве крайней меры правовой защиты (*ultima ratio*), применяемой при существенных нарушениях договора, влекущих значительный ущерб для пострадавшей стороны [8, с. 160].

Ключевой для определения возможности стороны расторгнуть договор при его неисполнении выступает статья 25 Венской конвенции

FOR CITATION:

Arzumanyan, A. B., Zagorulko, A. V. (2025) Termination of an International Contract for the Sale of Goods as a Remedy for its Violation. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 12(2): 63–72 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-8

[6]. Она содержит определение понятия существенного нарушения договора. Во-первых, это нарушение влечет вред для потерпевшей стороны; во-вторых, потерпевшая сторона лишается того, на что вправе была рассчитывать по договору; в-третьих, нарушитель мог предвидеть такой результат для потерпевшей стороны. Последняя формулировка привязана также к возможности «разумного лица» предвидеть названные выше последствия. Опираясь на положения ст. 25, как покупатель, так и продавец могут заявить требование о расторжении договора.

Подход к расторжению договора вследствие его существенного нарушения (*fundamental breach*) был воспринят Венской конвенцией из английского права. При этом в практике английских судов не сложилось единого мнения относительно того, нарушение каких условий договора можно считать существенным. Обычно возможность разрыва договора связывают с тем, какие именно условия (*conditions* или *warranty*) нарушены стороной обязательства [4, с. 47]. Также в последнее время суды выделяют третью категорию договорных условий: безымянные, или непоименованные условия (*innominate terms*) [2, с. 120]. В случае признания их нарушения существенным сторона, понесшая ущерб, может воспользоваться правом на расторжение договора.

В Гражданском кодексе Российской Федерации основанием расторжения договора является существенное нарушение условий договора. В соответствии со ст. 450 ГК РФ существенным признается нарушение договора одной из сторон, которое влечет для другой стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора. Тем самым российский законодатель использовал критерий, предложенный Венской конвенцией.

Другим важным критерием для расторжения договора как продавцом, так и покупателем

лем согласно Венской конвенции выступает неисполнение нарушенного обязательства в течение дополнительного срока, установленного кредитором. Со стороны продавца нарушение может выражаться в непоставке товара, со стороны покупателя – в неоплате или неприемке товара. При этом нарушившая сторона может сразу заявить о том, что не намерена исполнять обязательство в течение предоставленного ей дополнительного срока, что также будет достаточным основанием для расторжения договора.

Статьи 49 (1) и 64 (1) Венской конвенции устанавливают, что покупатель (продавец) может заявить о расторжении договора, если неисполнение коммерсантом (клиентом) любого из его обязательств по договору составляет существенное нарушение. Также потребитель имеет право расторгнуть договор в случае непоставки, если продавец не поставяет товар в течение дополнительного срока или заявляет, что он не осуществит поставку в течение такого срока. Неисполнение покупателем обязательств по оплате товара или его приему в установленный дополнительный срок, а также заявление о невозможности их выполнения дают продавцу право на расторжение договора.

Венская конвенция выделяет фактические и предвидимые существенные нарушения. Фактические нарушения наступают, когда одна из сторон не исполнила существенные условия договора. При фактических нарушениях возможность прекратить договор более реальна, нежели с предвидимыми нарушениями. Так, если после заключения договора из поведения стороны очевидно, что договор не будет исполнен, то такое нарушение является предвидимым в соответствии со ст. 72 (1) Венской конвенции. Согласно законодательству подобные случаи приравниваются к разрыву торговых отношений, что дает кредитору возможность отменить сделку и потребовать возмещения убытков. Данный вид нарушения может произойти даже до истечения срока исполнения обязательств по контракту, если у контрагента имеются обоснованные подозрения, что в будущем обязательства не будут выполнены, а условия договора будут нарушены серьезным образом [3, с. 186]. Предвидимое нарушение известно как международному, так и российскому праву (п. 2 ст. 328 ГК РФ).

Требования к процедуре расторжения договора. В процедуру расторжения договора входит три требования:

1. Наличие существенного нарушения договора (fundamental breach).

2. Направление уведомления о расторжении договора стороне, нарушившей его условия, в разумный срок (notice of avoidance).

3. Обеспечение возможности возврата товара продавцу в неизменном состоянии, если продукция была поставлена продавцом.

Процедура расторжения договора включает соблюдение требования о существенном нарушении, которое будет рассмотрено в дальнейшем. В данном разделе мы сосредоточимся на особенностях уведомления другой стороны о намерении расторгнуть договор.

Потерпевшая сторона обязана уведомить нарушившую сторону о своем намерении расторгнуть договор в связи с его существенным нарушением. Согласно ст. 39 Венской конвенции, такое уведомление должно быть направлено в разумные сроки. Но что здесь понимается под «разумностью срока»? Данный срок обычно определяет суд. Однако, опираясь на ст. 49 (2) Венской конвенции, можно сказать, что разумный срок для расторжения контракта ввиду его нарушения устанавливается с момента, когда приобретатель узнал или должен был узнать о нарушении. Ограничительное толкование данной статьи предусмотрено ввиду возможности злоупотребления правом со стороны покупателя. Положения Венской конвенции устанавливают, что риски неполучения уведомления лежат на той стороне, в адрес которой направляется уведомление. Следовательно, в соответствии со ст. 27 Венской конвенции получающая сторона несет риск неполучения сообщения, а направляющая сторона может ссылаться на свое сообщение как надлежащее уведомление. Когда одна из сторон считает, что имеет место ситуация неисполнения, то она может при уведомлении другой стороны предоставить дополнительный срок для исполнения. Данное положение носит диспозитивный характер, что означает возможность его изменения по соглашению сторон. Оно предусматривает не только основные принципы взаимодействия, но и конкретные условия сотрудничества при урегулировании возможных разногласий.

Английское прецедентное право говорит нам о том, что мало известить вторую сторону об отказе, нужно еще указать причины. Расторжение, как и заключение, внешнеэкономического контракта требует волеизъявления обеих сторон. Это следует, в частности, из положений о предвидимом нарушении, а также о неисполнении обязательства в течение дополнительного срока. Нарушившая сторона выражает свое согласие на расторжение путем активных (заявление о том, что она не намерена исполнять обязательство) или пассивных действий. Таким образом, односторонний отказ от исполнения договора не приводит к его автоматическому прекращению. Например, в деле *Neuman v. Darwins Ltd.* было отмечено: «Сам факт одностороннего отказа не является основанием для прекращения договора. Для этого требуется согласованная воля обеих сторон: одна сторона должна заявить об отказе, а другая – принять этот отказ (акцепт)» [12].

Согласно российскому законодательству, односторонний отказ от договора влечет его прекращение с момента доставки соответствующего уведомления (ст. 450.1 ГК РФ) либо с момента, когда оно считается доставленным в соответствии с положениями ст. 165.1 Гражданского кодекса РФ, что в корне отличается от английского подхода.

Третье требование предусматривает исключение при расторжении договора. Ввиду всего вышесказанного поставщик вправе исправить любое допущенное нарушение до того, как покупатель отправит уведомление о расторжении договора. В соответствии со ст. 37 Венской конвенции, если продавец досрочно поставил не соответствующий договору товар, то он имеет право поставить недостающую часть или количество товара, либо поставить новый товар взамен поставленного товара, либо устранить любое несоответствие в поставленном товаре при условии, что осуществление им этого права не причиняет покупателю неразумных неудобств или неразумных расходов в предусмотренный договором срок. В английском праве потребитель пользуется законом о правах потребителей 2015 г. [11], чтобы защитить свои права на поставку надлежащего качества.

Даже если продавец действительно выполнил условия сделки, но ненадлежащим образом, например поставил несоответствующий

продукт, имеющий дефекты, то обстоятельства именуется ненадлежащим исполнением (*inadequate performance*), и они в любом случае должны быть существенными для того, чтобы покупатель мог расторгнуть контракт. При этом приобретатель утрачивает право заявить о расторжении договора, если для него невозможно вернуть товар в том же, по существу, состоянии, в котором он его получил.

Расторжение договора покупателем. Согласно ст. 49 (1) Венской конвенции покупатель имеет право заявить о расторжении договора в случае, если продавец не исполняет любое из своих обязательств, что представляет собой существенное нарушение условий договора или положений Венской конвенции. Критерии существенного нарушения, как отмечалось выше, описаны в ст. 25 Венской конвенции, причем с точки зрения его последствий для кредитора. В соответствии с вышеупомянутой статьей существенное нарушение должно предполагать элемент «предвидимости» вины, в связи с чем возникает вопрос: существенное нарушение происходит в момент заключения договора или в момент его фактического нарушения? Часто предвидимость ошибочно принимают за субъективную вину. Если основной принцип этого положения заключается в том, что интересы договаривающихся сторон формируются в момент заключения договора, как и объем их обязанностей, то предвидимость должна определяться в момент заключения договора.

Один из создателей Венской конвенции 1980 г., профессор М. Г. Розенберг, внес значительный вклад в разработку универсальных правил, регулирующих вопросы расторжения договора международной купли-продажи как средства правовой защиты. Он акцентировал внимание на том, что существенное нарушение должно настолько затрагивать интересы стороны, что для нее становится невозможным достижение цели договора [7, с. 100]. Этот подход стал ключевым для определения возможности расторжения договора в соответствии со ст. 25 Венской конвенции.

В английском праве существенное нарушение не обязательно связано с недостижением цели договора: чтобы определить существенность нарушения, исходят из того, какие последствия оно вызвало [15, 18-031]. Так, в английской практике было дело *Arcos Ltd v.*

Е. А. Ronaasen & Son, где указано: «Существенные условия договора должны быть исполнены без отклонений. Если существенное условие (condition) договора не исполнено, покупатель вправе отказаться от договора» [9]. Существенное нарушение, как правило, имеет место, если объективно или субъективно обстоятельства делают невозможной поставку товара. В соответствии с положениями британского закона о несправедливых условиях договора 1977 г. [16] задержка исполнения договора может повлечь убытки для одной из сторон, но не будет считаться существенным нарушением. Из этого правила есть два исключения:

1. Из контракта следует: время исполнения фундаментально важно для второй стороны.

2. Из фактических обстоятельств дела очевидно, что время важно. К примеру, поставка скоропортящегося товара.

Если договор является сделкой с фиксированным сроком исполнения или если товар является сезонным, задержка, как правило, приводит к существенному нарушению, и договор может быть немедленно расторгнут без предоставления дополнительного срока.

В деле OLG Frankfurt [14] немецкий покупатель, владеющий исключительным правом на товарный знак Marlboro, заказал у итальянского производителя обувь с этим знаком. Поставщику было запрещено распространять товары с этим товарным знаком. Продавец в нарушение соглашения (подтвержденное свидетельскими показаниями) выставил обувь на ярмарке, что суд квалифицировал как существенное нарушение договора, дающее покупателю право на расторжение.

Поставка товара с серьезным и неустранимым дефектом также может рассматриваться как существенное нарушение договора. Однако если выявленное несоответствие может быть исправлено, оно не считается существенным нарушением. В том случае, когда дефект можно устранить, несоответствие товара может быть признано существенным нарушением, если дефект не может быть устранен немедленно, а время поставки имеет существенное значение в соответствии с Венской конвенцией. Если же продавец предложил устранить дефект в разумные сроки, отказ от договора из-за существенного нарушения редко является доступным для покупателя средством правовой защиты.

Расторжение договора продавцом. Покупатель, как правило, имеет два обязательства перед продавцом:

1. Оплатить стоимость покупки.

2. Принять поставку товара.

В юридической доктрине и судебной практике вопрос задержки оплаты рассматривается с учетом конкретных обстоятельств. Как правило, сам по себе просроченный платеж не считается существенным нарушением договора, за исключением особых случаев. Одним из таких исключений является финансовая несостоятельность покупателя, которая обычно дает продавцу право расторгнуть договор.

Продавец может установить дополнительный срок для выплаты покупателем и по его истечении получает возможность расторгнуть договор. Согласно ст. 63 Венской конвенции предоставление дополнительного срока является правом продавца, а не его обязанностью. Кроме того, положения ст. 64 (1) указывают, что продавец вправе прекратить действие договора в случае невыполнения покупателем условий в предоставленный дополнительный срок. Безусловный отказ покупателя принять поставку или невозможность принять поставку обычно являются существенным нарушением договора. Продавец должен иметь возможность освободиться от договора, перепродать товар и потребовать возмещения убытков на основании ст. 75 Венской конвенции. Значение запоздалого принятия поставки будет зависеть от соглашения сторон, что, в свою очередь, определяет, вправе ли продавец отказаться от договора.

Расторжение договора как средство защиты в национальных правовых порядках. Концепция расторжения договора как санкции за его нарушение начала формироваться в западно-европейском праве еще в конце VIII – начале XIX в. К числу основных проблем при ее разработке относилась и по сей день относится проблема соотношения интересов нарушителя и пострадавшей стороны контракта. Профессор А. Г. Карапетов выделяет следующие ключевые вопросы: 1) процедура расторжения договора; 2) условия, при которых договор может быть расторгнут; 3) правовой эффект и последствия подобной санкции [5, с. 22]. Национальный законодатель разрешает эти вопросы в зависимости от особенностей подходов к договорным обязательствам.

В рамках первого вопроса различные подходы национального законодателя могут проявляться в определении необходимости судебной процедуры расторжения или предоставлении возможности одностороннего отказа от договора. Также сюда можно отнести момент расторжения договора.

Второй вопрос в большей степени получил актуальность для тех правопорядков, в которых допускается односторонний отказ от договора. Тем самым выработка критериев допустимости расторжения, а также сроков, в течение которых потерпевшая сторона может применить такую санкцию, помогает сохранять стабильность гражданского оборота.

Наконец, в рамках третьего вопроса по-разному решается проблема распространения последствий расторжения договора (на будущее или на прошлое время), а также предоставления возможности сохранить в силе отдельные условия договора после его расторжения [5, с. 25]. На практике с течением времени обозначилась тенденция сочетания этих подходов.

Так, во *Франции* изначально преобладал подход, закрепленный в ст. 1184 Кодекса Наполеона, где был установлен судебный порядок расторжения договора. Это следовало из сложившейся в целом негативной оценки института самозащиты гражданских прав. Впоследствии был допущен ряд оговорок о возможности одностороннего отказа от договора при условии, что такой отказ четко сформулирован в тексте договора. При этом сохранялась вероятность, что суд может признать односторонний отказ нарушением принципа добросовестности. Со временем судебной практикой был выработан подход, согласно которому при определенных обстоятельствах потерпевшая сторона может расторгнуть договор без обращения в суд. Например, когда должник грубо нарушил обязательство, в связи с чем кредитор не может продолжать сотрудничество, или когда нарушен фидуциарный договор. Также сложилась практика расторжения договора в одностороннем порядке даже при отсутствии условия о расторжении в самом договоре. Фактически кредитор должен был поставить себя на место судьи и определить, можно ли считать нарушение достаточно серьезным, чтобы расторгнуть договор.

В ходе реформирования положений французского обязательственного права в 2010-х гг.

был учтен накопленный судебной практикой опыт. В 2016 г. было принято «Постановление о реформировании договорного права, общего режима и доказательства обязательств», ратифицированное законом от 20 апреля 2018 г. Постановление излагает в новой редакции Книгу III Кодекса Наполеона. В частности, в отношении расторжения договора действует статья 1217, где устанавливается право кредитора применить к должнику, который не исполнил обязательство или исполнил его ненадлежащим образом, санкции по своему усмотрению, включая расторжение договора и возмещение убытков. Возможность кредитора отказаться от исполнения обязательства в случае серьезного неисполнения со стороны должника предусмотрена ст. 1219. Непосредственно расторжению договора посвящаются положения ст. 1224–1230. Договор может быть расторгнут либо в соответствии с условием о его расторжении, либо, в случае существенного нарушения, путем уведомления кредитором должника, либо в судебном порядке. При этом если кредитор расторгает договор на свой риск, т. е. не в соответствии с условием о расторжении, указанным в договоре, он обязан предоставить должнику дополнительный срок для исполнения договора (ст. 1226).

Следует отметить, что в *российском праве* сохранилась в качестве общего правила норма о судебном порядке расторжения договора в случае его существенного нарушения. Судебный порядок расторжения возможен только после предварительной (досудебной) претензионной процедуры, что значительно затрудняет возможность кредитора оперативно отреагировать на нарушение своих прав и заменить контрагента по договору. Наряду с этим в ГК РФ присутствует некоторое количество специальных норм, допускающих односторонний отказ от договора. В рамках реформы гражданского законодательства была введена статья 450.1, которая определила общий порядок такого отказа, установив возможность предусмотреть его в договоре, а также правило об обязательном уведомлении должника.

В гражданском праве *Германии* с момента кодификации гражданского законодательства в 1896 г. была закреплена возможность расторжения договора в одностороннем порядке как в случае его неисполнения, так и в случае, если

стороны согласовали в договоре возможность одностороннего отказа (отступление от договора). Если отказ происходил в связи с нарушением договора, сторона, просрочившая исполнение, получала вначале право исполнить обязательство в назначенный ей кредитором соразмерный срок (ст. 326 старой редакции Германского гражданского уложения). Если обязательство не исполнялось в течение этого срока, кредитор мог применить односторонний отказ от договора в качестве средства защиты. Для этого кредитор, во-первых, обязан был письменно уведомить о своем намерении расторгнуть договор; во-вторых, предоставить должнику разумный срок для исполнения; в-третьих, расторгнуть договор по истечении разумного срока, если обязательство оставалось неисполненным. Другими словами, кредитор терял право требовать исполнения обязательства в натуре.

Ситуация значительно изменилась в результате реформы гражданского законодательства в 2002 г. Так, дополнительный срок для исполнения нарушенного обязательства теперь предоставляется не только в случае просрочки исполнения, но и при ненадлежащем исполнении обязательства (ст. 323 ГГУ). Кредитор не обязан уведомлять о намерении расторгнуть договор, достаточно просто назначить дополнительный срок для исполнения обязательства. Другое значительное изменение касается сохранения за кредитором права требовать исполнения обязательства в натуре как альтернативу расторжению договора в одностороннем порядке. При реформе ГГУ 2002 г. в новую редакцию не вошли положения о возможности расторжения в одностороннем порядке в случае существенного нарушения договора. Таким образом, немецкий законодатель не воспринял подход, используемый английским и американским правом и нашедший свое отражение в Венской конвенции, а сохранил формальный критерий – наличие уведомления и дополнительного срока – как основание для одностороннего отказа. Тем не менее, если должник осуществил ненадлежащее исполнение, кредитор не может отказаться от договора, когда такое нарушение носит незначительный характер (ст. 323 ГГУ). В юридической литературе отмечается, что немецкий законодатель, не закрепив норму о

существенном нарушении в качестве общего правила, все же предусматривает несколько оговорок подобного рода относительно ненадлежащего исполнения [5, с. 50]. Что же касается просрочки исполнения, то она позволяет расторгнуть договор при наличии формального критерия без каких-либо оговорок.

В *английском праве* расторжение договора в одностороннем порядке закрепляется сложившейся судебной практикой в качестве общего правила в случае нарушения договора одной из сторон. Нарушение договора включает в себя ситуации, когда сторона без уважительной причины (*lawful excuse*) не исполняет или отказывается исполнять договор, исполняет договор ненадлежащим образом или лишает себя возможности исполнить договор [13, р. 391]. Последний случай означает, что сторона своими действиями сделала надлежащее исполнение невозможным. Например, продала индивидуально определенную вещь третьему лицу. При этом право расторгнуть договор (*the right to terminate*) возникает в трех случаях: отказ должника, невозможность исполнения и существенное неисполнение обязательств [15, 18-028]. Наибольшие сложности вызывает последняя ситуация, поскольку критерии существенного нарушения не закреплены законодательно и не всегда единообразно вырабатываются судебной практикой. В конечном счете решение этого вопроса зависит от содержания договора, формулировки его условий, которые, как отмечалось выше, традиционно подразделялись на *condition* и *warranty*. В последнее время суды рассматривают также «неназванные» условия договора, т. е. те, которые не отнесены к первым двум категориям. В делах часто упоминаются нарушения, которые «существенно» лишают сторону того, на что она рассчитывала, или подрывают «суть» контракта, или «подрывают» его эффективность [15, 18-031]. В отношении поставки товара партиями рассматривают, насколько нарушение при поставке одной или нескольких партий влияет в целом на договор. Если нарушение затрагивает сущность договора или лишает покупателя практически всей выгоды по договору, то он вправе отказаться от договора в целом [10, р. 2227]. Расторжение договора в английском праве не ставится в зависимость от предоставления должнику дополнитель-

ного срока для исполнения, вины должника и наличия обстоятельств непреодолимой силы. Последствия расторжения распространяются на будущее время, в связи с чем кредитор вправе взыскивать возникшие убытки.

Договорное право Китая с 1980-х гг. формировалось под влиянием Венской конвенции, которую КНР ратифицировала в числе первых. При реформировании законодательства о договорах перед китайским законодателем встал вопрос о том, какую модель права следует выбрать: континентальную, где договорное право является частью обязательственного, или модель, предлагаемую Венской конвенцией, где договорное право выступает независимым правовым инструментом. В итоге решение было принято в пользу модели, предложенной Венской конвенцией, поскольку в этот период китайская экономика уже была ориентирована на мировую торговлю и активное участие в процессах глобализации.

В законе «О договорах» 1999 г. вопросам расторжения договора в связи с его неисполнением посвящались статьи 93–97. Договор мог быть расторгнут в следующих случаях: при наступлении условия, оговоренного сторонами; если цель договора не может быть достигнута из-за обстоятельств непреодолимой силы; если одна из сторон заявила об отказе от исполнения основных обязательств либо просрочила их исполнение и не исполнила их в разумные сроки после уведомления; если одна из сторон просрочила исполнение обязательств или совершила иные противоправные действия, препятствующие достижению цели договора; в других случаях, предусмотренных законом. При этом право требовать расторжения договора было ограничено установленным для этого сроком, а при его отсутствии – разумным сроком. Понятие существенного нарушения договора в законе 1999 г. имело одно принципиальное отличие от формулировки ст. 25 Венской Конвенции: здесь не упоминалась возможность предвидеть нарушение должником или же «разумным лицом» как ограничение права кредитора требовать расторжения договора.

В ГК КНР 2020 г. появились некоторые дополнения: уточнен срок, по истечении которого сторона, имеющая право на расторжение договора, утрачивает это право (ст. 564 ГК КНР), а также момент, с которого договор счи-

тается расторгнутым, в зависимости от того, расторгается ли он путем уведомления другой стороны или путем обращения в судебный орган (ст. 565 ГК КНР). Таким образом, несмотря на значительное влияние положений Венской конвенции, ГК КНР устанавливает более подробные правила процедуры расторжения и отказывается от конструкции «предвидимости нарушения» со стороны должника, которая и в самой Венской конвенции носит незавершенный характер, поскольку оставляет открытым вопрос о том, с какого момента ее следует определять: с момента заключения договора, в период исполнения или на момент нарушения.

Выводы. Принцип судебного расторжения договора предложен французским правом в период перехода к капиталистическим отношениям и отступления от ранее принятого принципа *pacta sunt servanda* с целью защиты интересов кредиторов. В немецком и английском праве сложилась более прогрессивная модель расторжения договора вне судебной процедуры по инициативе кредитора с возможностью должника оспорить такое расторжение в суде.

Венская конвенция использует подход английского и немецкого права, совмещая английский принцип расторжения договора во внесудебном порядке в случае его существенного нарушения с немецким правилом о предоставлении должнику дополнительного срока для исполнения договора.

Венская конвенция различает фактическое и предвидимое существенное нарушение, просрочку исполнения и ненадлежащее исполнение договора. При фактическом нарушении выше вероятность, что расторжение договора будет признано обоснованным при оспаривании расторжения в суде. Просрочка исполнения дает кредитору право расторгнуть договор, если должник не исполнил обязательство в течение дополнительного срока, а ненадлежащее исполнение – только если оно признается существенным нарушением.

Венская конвенция оказала существенное влияние на реформирование гражданского законодательства стран-участниц, в особенности России и Китая, чье гражданское законодательство претерпело наиболее значимые изменения при переходе к рыночным отношениям.

Расторжение договора международной купли-продажи является не только правом сторон, но и эффективным инструментом правовой защиты участников сделки, позволяющим кредитору минимизировать риски в случае существенных нарушений со стороны должника и невозможности исполнить обязательство в натуре. Это средство позволяет оперативно обеспечить интересы пострадавшей стороны и при необходимости перейти к судебной защите нарушенных прав.

Список использованных источников

1. Арзуманян А. Б., Буйлук В. Б. Некоторые вопросы применимого права в договорах международной купли-продажи товаров // Вестник юридического факультета Южного федерального университета 2024. № 3. С. 48–56.
2. Бессолицын Д. А. Правовая защита в случае нарушения договора международной купли-продажи товаров (сравнительный анализ) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 2. С. 111–124.
3. Бондаренко С. С. Предвидимое нарушение договора // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 1. С. 179–193.
4. Дробов Д. Е. Расторжение договора ввиду его существенного нарушения в международном и зарубежном праве // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 46–50.
5. Каранетов А. Г. Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 499 с.
6. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11.04.1980) // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1.
7. Розенберг М. Г. Контракт международной купли-продажи: современная практика заключения. Разрешение споров. М.: Книжный мир, 2007. 1040 с.
8. Сборник ЮНСИТРАЛ по прецедентному праву, касающемуся Конвенции ООН по международной купле-продаже товаров. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/cisg_digest_2016_r.pdf (дата обращения: 03.03.2025).
9. Arcos Ltd v. E. A. Ronaasen & Son [1933] AC 470. URL: https://www.nadr.co.uk/articles/published/CommercialLawReports/Ronaasen%20v%20Arcos%201933.pdf?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 03.03.2025).
10. Chitty on contracts: in 2 vols. London: Sweet & Maxwell, 2015. Vol. 2. 2515 p.
11. Consumer Rights Act 2015. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/15> (дата обращения: 03.03.2025).
12. Heyman v. Darwins Ltd. [1942] AC 356. URL: https://uniset.ca/other/css/1942AC356.html?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 03.03.2025).

13. McKendrick E. Contract law. London: Red Globe Press, 2021. 460 p.

14. Oberlandesgericht Frankfurt am Main (Germany, 17.09.1991, case N 5 U 164/90). URL: https://cisg-online.org/files/cases/6010/fullTextFile/28_16322287.pdf?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 03.03.2025).

15. Treitel. The law of contract. London: Sweet & Maxwell. 2015. 1390 p.

16. Unfair Contract Terms Act 1977. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Unfair_Contract_Terms_Act_1977 (дата обращения: 03.03.2025).

References

1. Arzumanyan A. B., Builuk V. B. Some issues of applicable law in contracts for the international sale of goods. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2024. No. 3. P. 48–56 [in Russ.].
2. Bessolitsyn D. A. Legal protection in case of violation of the contract for the international sale of goods (comparative analysis). *News of higher educational institutions. Law studies*. 2008. No. 2. P. 111–124 [in Russ.].
3. Bondarenko S. S. A foreseeable breach of contract. *News of higher educational institutions. Law studies*. 2009. No. 1. P. 179–193 [in Russ.].
4. Drobov D. E. Termination of a contract due to its significant violation in international and foreign law. *Bulletin of Economic Security*. 2024. No. 2. P. 46–50 [in Russ.].
5. Karapetov A. G. The main trends in the legal regulation of termination of a violated contract in foreign and Russian civil law: a thesis for the degree of Doctor in Law. Moscow, 2011. 499 p. [in Russ.].
6. The UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods (Concluded in Vienna on 11.04.1980). *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 1994. No. 1 [in Russ.].
7. Rosenberg M. G. International purchase and sale contract: modern practice of conclusion. Dispute resolution. Moscow: Book World Publ., 2007. 1040 p. [in Russ.].
8. The UNCITRAL Digest of Case Law concerning the United Nations Convention on the International Sale of Goods. Available at: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/cisg_digest_2016_r.pdf (date of access: 03.03.2025) [in Russ.].
9. Arcos Ltd v. E. A. Ronaasen & Son [1933] AC 470. Available at: https://www.nadr.co.uk/articles/published/CommercialLawReports/Ronaasen%20v%20Arcos%201933.pdf?utm_source=chatgpt.com (date of access: 03.03.2025).
10. Chitty on contracts: in 2 vols. London: Sweet & Maxwell, 2015. Vol. 2. 2515 p.
11. Consumer Rights Act 2015. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/15> (date of access: 03.03.2025).
12. Heyman v. Darwins Ltd. [1942] AC 356. Available at: https://uniset.ca/other/css/1942AC356.html?utm_source=chatgpt.com (date of access: 03.03.2025).
13. McKendrick E. Contract law. London: Red Globe Press, 2021. 460 p.

14. Higher Regional Court of Frankfurt am Main (Germany, 17.09.1991, case N 5 U 164/90). Available at: https://cisg-online.org/files/cases/6010/fullTextFile/28_16322287.pdf?utm_source=chatgpt.com (date of access: 03.03.2025) [in Germ.].

15. Treitel. The law of contract. London: Sweet & Maxwell, 2015. 1390 p.

16. Unfair Contract Terms Act 1977. Available at: https://en.wikisource.org/wiki/Unfair_Contract_Terms_Act_1977 (date of access: 03.03.2025).

Поступила в редакцию 20.03.2025

Received March 20, 2025

Бирюкова Валерия Павловна,
преподаватель кафедры
международного и евразийского права,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
университет», 394018, г. Воронеж,
пл. Ленина, д. 10а, корп. 9,
email: biriuckova.valerya@yandex.ru

Biriukova, Valeria P.,
Lecturer at the International
and Eurasian Law Department,
Voronezh State University,
build. 9, 10a, Lenin Square,
394018, Voronezh, Russian Federation,
email: biriuckova.valerya@yandex.ru

ПРАВО И ПОЛИТИКА НЕЙТРАЛИТЕТА В ШВЕЙЦАРИИ



THE LAW AND POLICY OF NEUTRALITY IN SWITZERLAND

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена элементам, составляющим институт государственного нейтралитета Швейцарской Конфедерации, – праву и политике нейтралитета. Автор исследует эти компоненты в исторической перспективе, а также их взаимные связи. Рассматриваются основные международные и национальные правовые акты, регулирующие права и обязанности Швейцарии как нейтрального государства, а также особенности их применения. Приводятся выдержки не только из правовых актов, но и из докладов и информационных писем государственных органов Швейцарской Конфедерации, таких как Федеральный совет, содержащие официальную позицию по вопросам дальнейшего развития права нейтралитета. Автор приводит доктринальное и историческое обоснования перехода Швейцарии от концепции пассивного нейтралитета к более активной концепции. На примерах вооруженных конфликтов конца XX – начала XXI в. раскрываются проблемные аспекты новой политики нейтралитета Швейцарии: сотрудничество с военными и оборонительными альянсами; интервенции, не санкционированные Советом Безопасности ООН; оценка правомерности актов государств, действующих в порядке превентивной защиты. Особое внимание уделяется соотношению принципа нейтралитета и возможности введения санкций против воюющих государств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нейтралитет, политика нейтралитета, право нейтралитета, Швейцария, санкции, международный вооруженный конфликт

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Бирюкова, В. П. Право и политика нейтралитета в Швейцарии / В. П. Бирюкова. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 73–81. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-9

ABSTRACT. This article is dedicated to the main elements of permanent state neutrality of the Swiss Confederation – the law and the policy of neutrality. The author examines these components in a historical perspective as well as their mutual connections. The author examines the main international and national legal acts regulating the rights and obligations of Switzerland as a neutral state together with the particularities of their application. The article includes extracts not only from legal acts, but also from reports and information letters of state bodies of the Swiss Confederation, such as the Federal Council, containing the official position on the further development of the law of neutrality. The author provides a doctrinal and historical justification for Switzerland's transition from the concept of passive neutrality to a more active concept. Using examples of armed conflicts of the late 20th – early 21st centuries, the author reveals problematic aspects of Switzerland's new neutrality policy, such as: cooperation with military and defensive alliances; interventions not sanctioned by the UN Security Council; evaluation of the legitimacy of preventive protection states' acts. Particular attention is paid to the relationship between the principle of neutrality and the possibility of application of sanctions against combatant states.

KEYWORDS: neutrality, policy of neutrality, law of neutrality, Switzerland, sanctions, international armed conflicts

FOR CITATION:

Biriukova, V. P. (2025) The Law and Policy of Neutrality in Switzerland. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 12(2): 73–81 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-9

Введение. Швейцарский нейтралитет уже давно является объектом исследований в науке международного права – как зарубежной [17; 18], так и отечественной [2; 7]. При этом актуальность данной проблематики со временем не теряется, поскольку динамика изменений международной обстановки и вызовы в свете новых вооруженных конфликтов требуют неотложной реакции нейтральных государств.

Рассматривать нейтралитет как явление права и политики Швейцарии можно сквозь разные призмы. Так, некоторые исследователи (Дж. Бейер, С. Хофманн) отмечают, что Швейцария обладает эталонным, образцовым нейтралитетом, на который должны равняться другие нейтральные государства [10]. Другие (например, А. Бейкер Фокс) заявляют, что швейцарский нейтралитет – больше исключение, чем правило, и он не репрезентативен, поскольку «эта связь уходит настолько глубоко в историю, что создает даже психологические препятствия для попыток захвата [Швейцарии]» [9, р. 5]. Отдельные ученые (Дж. Драйер, Н. Джесси) придерживаются смешанной позиции, заключающейся в том, что швейцарский нейтралитет одновременно является и модельным, и уникальным [14].

Так или иначе, в контексте современного швейцарского нейтралитета принято говорить о двух его составляющих – праве и политике. Как образно отмечено в докладе Федерального Совета (Правительства) Швейцарии, «ясность и направленность политики нейтралитета» 2022 г., их взаимодействие могут быть объяснены на примере атомной структуры: право выступает атомным ядром, тогда как вокруг него движется политика нейтралитета – электрон [11].

Право нейтралитета в Швейцарии. В праве нейтралитета в Швейцарии может выделить два взаимосвязанных компонента – международно-правовой и национально-правовой. Нормы двух разных систем права регулируют вопросы нейтрального статуса государства, не вступая в конфликт, а дополняя друг друга, действуя параллельно. Это происходит благодаря закреплению в законодательстве Швейцарии монистической модели соотношения национального и международного права, предусматривающей приоритет последнего.

Юридическое закрепление на уровне внутригосударственного права принцип нейтралитета впервые получил в Конституции Швейцарской Конфедерации 1848 г. (ст. 74, 90)¹. При этом само понятие нейтралитета государства в данных статьях не раскрывалось, равно как и права и обязанности, составляющие нейтральный статус Швейцарии. Положения Конституции 1848 г. ограничивались лишь указанием на то, что обеспечение внешней безопасности, а также поддержание независимости и нейтралитета Швейцарии являются задачами ее государственных органов – Федеральной Ассамблеи (Парламента) и Федерального Совета (Правительства).

Что касается международно-правовых норм, то в 1910 г. Швейцария ратифицировала две Гаагские конвенции, регулирующие права и обязанности нейтральных государств в случае сухопутной [4] и морской [5] войн. Данные документы впервые детализировали статус нейтрального государства, переведя права и обязанности из международно-правового обычая в статус международного договора.

Гаагские конвенции 1907 г. впервые закрепили на международно-правовом уровне статус нейтральных государств. Согласно их положениям нейтральное государство в случае войны между другими государствами обязано воздерживаться от:

- 1) участия в войне;
- 2) предоставления воюющим сторонам своих ресурсов (территорий, оружия, наемников и пр.).

Нейтральное государство имеет соответствующие этим обязанностям фундаментальные права: право на неприкосновенность своей территории и на защиту собственных интересов, в том числе с помощью национальных вооруженных сил.

Однако Гаагские конвенции имели недостатки, к числу которых можно отнести отсутствие указания на то, на какие виды вооруженных конфликтов распространяется их действие – внутренние или международные. На момент их принятия международное гуманитарное право хотя бы и было прогрессивной и динамично развивающейся отраслью международного права, но не имело достаточной кодификации.

¹ Constitution Fédérale de la Confédération Suisse du 12 septembre 1848.

Некоторую детализацию прав и обязанностей нейтральных государств внесли Женевские конвенции 1949 г. и дополнительные протоколы к ним – основополагающие акты в сфере международного гуманитарного права. Главный вклад, внесенный ими в международно-правовое регулирование нейтралитета государств, заключается в разделении вооруженных конфликтов на международные и немеждународные. Согласно I Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям [3] права и обязанности нейтральных государств распространяются только на случаи *международных* вооруженных конфликтов. Эта правовая норма в дальнейшем оказала существенное влияние на возможности политики нейтралитета Швейцарии.

Тем не менее с момента ратификации Гагских конвенций 1907 г. и Женевских конвенций 1949 г. регулирование нейтралитета в национальном и международном праве на протяжении длительного времени для швейцарских государственных органов представлялось достаточным. По этой причине принятие ныне действующей Конституции Конфедерации в 1999 г.¹ ничего в нем не изменило. Новая Конституция почти дословно воспроизвела формулировку версии 1848 г., определяя защиту независимости и нейтралитета страны как сферу компетенции Парламента и Правительства (ст. 173, 185).

Фрагментарное национально-правовое регулирование нейтралитета Швейцарии присутствует и в федеральных законах. В частности:

1) защита нейтралитета Швейцарии – одна из целей в ст. 1 федерального закона «О частных охранных услугах, предоставляемых за рубежом»²;

2) согласно ст. 83 федерального закона «О Федеральном суде Швейцарии»³ судебные акты, касающиеся нейтралитета страны, окончательны и обжалованию не подлежат;

3) ст. 66а федерального закона «Об армии и военном управлении»⁴ запрещает участие

Швейцарии в боевых действиях, направленных на принуждение к миру.

На этом федеральное правовое регулирование нейтралитета и заканчивается.

Что касается международно-правового компонента права нейтралитета Швейцарии, особый вклад в него внес Устав ООН. Швейцария длительное время не вступала в данную организацию. Лишь в 2001 г. была рассмотрена народная инициатива о присоединении государства к ООН. При этом Швейцария включила в официальное заявление на вступление в ООН следующее положение: «...нейтралитет государства-члена совместим с обязательствами, вытекающими из Устава ООН, и способствует достижению целей ООН. Будучи членом ООН, Швейцария сохранит нейтралитет» [12]. Данное положение хотя и не является оговоркой к международному договору в смысле ст. 19 Венской конвенции о праве международных договоров, но определяет специфику применения Устава в Швейцарии. Необходимость такого заявления объясняется тем, что сам Устав ООН не содержит норм относительно нейтральных государств или особенностей функционирования нейтралитета в указанных странах.

Следует отметить, что с момента принятия Конституции 1999 г. и вступления в ООН в 2002 г. право нейтралитета Швейцарии находится в некоторой стагнации. Однако движущим механизмом преобразований в данной сфере может служить не только само государство, но и его население. Так, в 2022 г. была выдвинута народная инициатива о введении в Конституцию Швейцарии специальной статьи, раскрывающей суть нейтрального статуса государства. Данная инициатива предлагала следующую редакцию новой статьи 54а:

«1. Швейцария нейтральна. Ее нейтралитет носит постоянный и вооруженный характер.

2. Швейцария не присоединяется ни к какому военному или оборонительному альянсу. Сотрудничество с таким альянсом возможно в случае прямого военного нападения на Швейцарию или в случае подготовительных действий к такому нападению.

3. Швейцария не участвует в военных конфликтах между третьими государствами и не принимает невоенных мер принуждения против воюющего государства. Ее обязательства перед ООН и меры, направленные на предот-

¹ Constitution fédérale de la Confédération Suisse du 18 avril 1999.

² Loi fédérale sur les prestations de sécurité privées fournies à l'étranger du 27 septembre 2013.

³ Loi sur le Tribunal fédéral du 17 juin 2005.

⁴ Loi fédérale sur l'armée et l'administration militaire du 3 février 1995.

вращение обхода невоенных мер принуждения, принимаемых другими государствами, сохраняются.

4. Швейцария использует свой постоянный нейтралитет для предотвращения и разрешения конфликтов, а также предоставляет свои услуги в качестве посредника» [15].

Однако указанная инициатива получила неоднозначную оценку со стороны государственных органов Швейцарии. Несмотря на соблюдение формальных требований, предъявляемых к народным инициативам по количеству подписей в поддержку инициативы, Федеральный Совет не рекомендовал ее к принятию Федеральной Ассамблеей, составив официальное письмо с разъяснениями [19]. Причина, как указал Федеральный Совет, кроется в особенностях политики нейтралитета Швейцарии.

В настоящее время Федеральная Ассамблея еще не вынесла решение относительно данной инициативы. В случае ее непринятия Федеральная Ассамблея обязана будет вынести данную инициативу на референдум, на котором будут голосовать кантоны и население Швейцарии совместно в порядке, установленном ст. 139 Конституции Швейцарии.

Политика нейтралитета в Швейцарии.

Оценивая ситуацию в целом, заметим, что «политика нейтралитета» отличается значительно большей гибкостью, чем «право нейтралитета». Немногочисленные правовые акты, упоминающие нейтралитет, оставляют пространство для широкой интерпретации своих положений. Возникает вопрос, о чем это свидетельствует – о банальной лакуне или о высокой адаптивности права? Для ответа на данный вопрос необходимо детальное исследование института политики нейтралитета.

Официальная позиция органов власти Швейцарии по данному вопросу описывается в ранее упомянутом заключении по народной инициативе о внесении изменений в Конституцию. Она сводится к тому, что именно отсутствие чрезмерной детализации правового регулирования нейтралитета открывает простор для действия политики нейтралитета [19]. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод: чем мягче и «абстрактнее» право, тем свободнее и гибче политика.

Как Швейцария пришла к такой позиции? При детальном рассмотрении развития инсти-

тута государственного нейтралитета Швейцарии становится понятно, что фактические действия по невмешательству в вооруженные конфликты третьих стран были предприняты задолго до юридического закрепления данного принципа. Традиционно датой зарождения швейцарского нейтралитета считается 1815 г., когда на Парижской мирной конференции он был декларирован и признан другими государствами¹. Однако существуют свидетельства объявления государства нейтральным еще в период Старой Конфедерации – это было сделано Тагзатцунгом (в тот период являвшимся высшим органом исполнительной и законодательной власти) в 1674 г. [21].

С тех пор политика нейтралитета претерпела различные преобразования. Начало новой эры политики нейтралитета отмечено рубежом 1990-х и 2000-х гг., когда нахождение в стороне от глобальных событий стало для Швейцарии не только невозможным, но и нецелесообразным. С этого периода характер нейтралитета сменился с пассивного, выражавшегося в неучастии и неприсоединении, на активный.

Так, на референдуме 2001 г. швейцарские граждане одобрили поправки в закон «Об армии и военном управлении», разрешающие вооружение швейцарских групп, участвующих в миротворческих миссиях за рубежом, – хотя результаты референдума можно оценивать как противоречивые, поскольку соотношение голосов «за» и «против» составило 51 к 49 % [25].

Следом, когда в 2002 г. окончательно было одобрено вступление Конфедерации в ООН, швейцарские военнослужащие получили право участия в миротворческих миссиях, проходящих под эгидой Совета Безопасности ООН. В связи с этим также необходимо отметить, что миротворческие операции не считаются международными вооруженными конфликтами по смыслу Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительных протоколов 1977 г., что выводит их из-под действия норм права нейтралитета.

Данные события и обозначили конец эпохи «старой» политики нейтралитета.

Помимо исторического обоснования, разделение политики нейтралитета Швейцарии на «старую» и «новую» имеет и концептуальное

¹ Déclaration des Puissances portant reconnaissance et garantie de la neutralité perpétuelle de la Suisse et de l'inviolabilité de son territoire: conclu à Paris le 20 novembre 1815.

обоснование. Как пояснил Федеральный Совет в упомянутом докладе «Ясность и направленность политики нейтралитета» 2022 г., старая политика была не просто политикой, но доктриной, определяющей всю внешнюю политику страны, ставящей знак равенства между нейтралитетом и абсолютной беспристрастностью. Новая политика, начавшаяся в 1990-х гг., является, скорее, инструментом для продвижения ценностей и интересов швейцарского государства, позволяющим действовать на свое усмотрение в тех вопросах, которых не коснулось право нейтралитета.

Новая политика нейтралитета также заполняет пробелы в праве, вызванные появлением новых форм войны и переосмыслением понятия конфликта как такового. Например, положения Гаагских конвенций 1907 г. и Женевских конвенций 1949 г. не могли предусмотреть возникновение кибервойн, развитие новых прокси-войн и т. д. В связи с этим не было принято дополнительных актов с разъяснениями, как именно положения данных международных договоров должны применяться в новых реалиях. Иными словами, в некоторых аспектах можно говорить об устаревании и неполноте права нейтралитета.

Именно поэтому, давая свое заключение по представленной выше народной инициативе по внесению специальной статьи о нейтралитете в Конституцию Конфедерации, Федеральный Совет указал, что установление жестких правовых рамок представляется ненужным ограничением, препятствующим адаптации к изменениям международной обстановки и замедляющим принятие решений [19].

При этом старая политика нейтралитета швейцарского государства, носившая пассивный характер, особых дискуссий не вызвала. Однако с переходом к более активной модели нейтралитета некоторые аспекты представляются спорными и не в полной мере отвечающими целям нейтрального государства. Такое мнение разделяют и сами граждане Швейцарии, о чем свидетельствуют неоднозначные результаты референдума о вооружении швейцарских миротворцев.

Рассмотрим подход Швейцарии к самым проблематичным вопросам активной политики нейтралитета на примере конфликтов последних лет.

1. Сотрудничество с военными альянсами.

С 1990-х гг. Швейцария активно сотрудничает с Организацией Североатлантического договора (НАТО). Так, в 1999 г. швейцарские формирования начали принимать участие в миротворческой операции НАТО в Косово [23]. Отметим, что в тот период еще не были приняты поправки в закон «Об армии и военном управлении», разрешающие их вооружение за рубежом. Кроме того, на момент начала операции Швейцария еще не вступила в ООН. В настоящее время операция продолжается, равно как и участие швейцарского контингента в ней.

Помимо прочего, под эгидой НАТО осуществляется программа «Партнерство за мир», включающая в себя двусторонние договоренности о сотрудничестве с третьими странами, в том числе со Швейцарией. Для Швейцарии, по мнению федерального Департамента иностранных дел, сотрудничество с НАТО является частью политики «кооперативной безопасности в Европе» [22].

Надо сказать, что на данный момент ни один акт, составляющий корпус права нейтралитета Швейцарии, не запрещает сотрудничество с военными альянсами. Вероятно, перспективы такого сотрудничества являются еще одной причиной, по которой Федеральный Совет рекомендовал отклонить инициативу о внесении изменений в Конституцию Конфедерации относительно нейтралитета.

2. Интервенции, не санкционированные Советом Безопасности ООН.

В целом вопрос вторжения на территории воюющих государств для нейтральных держав представляется неоднозначным. В первую очередь потому, что такие действия выходят за пределы регулирования права нейтралитета, иными словами, речь идет о лакуне в праве. Более того, даже «гуманитарные» интервенции могут быть рассмотрены как нарушение принципа равного обращения к сторонам конфликта, что, несомненно, влечет критику со стороны других стран. Во избежание этого Швейцария избрала путь перекалывания ответственности за решение вопросов о возможных интервенциях на плечи Совета Безопасности ООН – и сама же сошла с этого пути.

Так, во время конфликта в Косово в 1998–1999 гг. Швейцария приняла решение осуществить гуманитарную интервенцию на тер-

ритории конфликта без резолюции Совета Безопасности ООН. В аналогичной ситуации в период действия «старой» политики нейтралитета сработал бы принцип невмешательства, однако в новых реалиях Конфедерация пожелала проявить «солидарность и понимание». Впрочем, такой подход получил заслуженную критику – в частности, со стороны Международного комитета Красного Креста [8].

3. Право на превентивную оборону. Некоторые вооруженные конфликты международного характера начинаются не с непосредственного нападения, а с провокаций, подготовительных действий или иных недружественных актов. В данном контексте возникает вопрос: берет ли на себя нейтральная Швейцария ответственность за оценку правомерности действий, совершаемых одним государством против другого в порядке превентивной защиты? Опыт конфликта в Ираке в 2003 г. показывает, что нет: без резолюции Совета Безопасности ООН, как считает Швейцария, действия по превентивной защите считаются началом международного конфликта, а значит, Конфедерация действует согласно всем нормам и правилам права нейтралитета [16].

Соотношение принципа нейтралитета и возможности наложения санкций против других государств. Отдельно необходимо выделить один из наиболее проблематичных и спорных аспектов современной политики нейтралитета Швейцарии – санкционные меры и ограничения в отношении государств, участвующих в конфликте.

В настоящее время данный вопрос находится в постоянном фокусе в контексте конфликта России и Украины, поскольку Швейцария присоединилась к санкциям, наложенным на Россию Европейским союзом. Однако следует упомянуть, что это далеко не первый случай такого присоединения.

Еще в 1991 г. во время войны в Персидском заливе Конфедерация впервые присоединилась к санкциям, наложенным международной организацией (ООН) в отношении Ирака и Кувейта [13]. С тех пор и ООН, и ЕС получали поддержку Швейцарии в санкциях в свете различных вооруженных конфликтов. Полный список лиц, организаций и государств, к санкциям против которых Швейцария присоединилась, публикуется и регулярно обновля-

ется Государственным секретариатом по экономике [24].

В случае конфликта на Украине Швейцария обосновала необходимость присоединения к санкциям ЕС тем, что Россия на правах постоянного члена Совета Безопасности ООН наложила вето на его резолюцию. Однако, ссылаясь на принцип равного обращения, Швейцария отметила, что запретила провоз по своей территории военных ресурсов и товаров двойного назначения обеим сторонам [20].

Как видим, вопрос санкций является принципиальным для новой политики швейцарского нейтралитета. Как поясняет Федеральный совет, «неприсоединение к санкциям против государств, нарушающих международное право, вредит репутации Швейцарии, а также может привести к неблагоприятным последствиям во внешней политике, политике безопасности и экономике» [19]. Таким образом, Швейцарская Конфедерация не видит никаких противоречий в соотношении принципа государственного нейтралитета, принципа равного обращения и применения санкций.

Однако с такой позицией согласны далеко не все. МИД России, к примеру, официально расценил присоединение к санкциям как отказ Швейцарии от нейтралитета [6]. Такую позицию разделяют и российские ученые [1].

Заключение. Таким образом, право и политика нейтралитета теснейшим образом взаимосвязаны. Они позволяют Швейцарии сохранить нейтралитет – не просто как традицию, формировавшуюся веками, но как один из столпов швейцарской государственности. Однако с 1990-х гг. главенствующая роль в развитии института государственного нейтралитета отведена именно политике, поскольку она в силу большей гибкости способна закрывать пробелы в праве нейтралитета, а также позволяет Швейцарии немедленно реагировать на новые вызовы, возникающие в международных отношениях.

Тем не менее новая политика нейтралитета в некоторых аспектах противоречива и не в полной мере отвечает целям нейтрального государства, в частности в вопросах, связанных с интервенциями на территории воюющих государств, введением санкционных мер, а также с сотрудничеством с военными альянсами.

На наш взгляд, право нейтралитета в Швейцарии на данный момент находится в стагна-

ции, в отличие от динамично развивающейся политики нейтралитета. Это выгодно в первую очередь государственным органам Швейцарии, определяющим основные направления внешней политики. Однако в обществе уже формируется запрос на переход к новому этапу в развитии права нейтралитета, выраженный в детализации национально-правового регулирования в данной сфере, о чем свидетельствует выдвижение народной инициативы о внесении специальной статьи в Конституцию Конфедерации.

Так или иначе, будущее права и политики нейтралитета зависит от самого швейцарского государства.

Список использованных источников

1. Быканов Д. Д. Поддержка Швейцарией антироссийских санкций: конец швейцарского нейтралитета или его эволюция? // Экономика. Право. Общество. 2023. Т. 8, № 2. С. 132–139.
2. Винокуров В. И., Самарец А. Д. Роль и место института нейтралитета в современной дипломатической практике (на примере Швейцарии) // Дипломатическая служба. 2022. № 4. С. 293–303.
3. Дополнительный Протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=66965> (дата обращения: 16.04.2025).
4. Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны: заключена в Гааге 18 октября 1907 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902038157> (дата обращения: 16.04.2025).
5. Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае морской войны: заключена в Гааге 18 октября 1907 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902038156> (дата обращения: 16.04.2025).
6. Ответ официального представителя МИД России М. В. Захаровой на вопрос МИА «Россия Сегодня» о высказываниях главы МИД Швейцарии И. Кассиса относительно «переговоров по Украине» в Женеве // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1855506/ (дата обращения: 16.04.2025).
7. Чернявский С. И. Швейцария – новое прочтение нейтралитета // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 4. С. 26–34.
8. Aide suisse au Kosovo: un effort sans précédent. URL: <https://www.swissinfo.ch/fre/vivre-vieillir/aide-suisse-au-kosovo-un-effort-sans-pr%C3%A9c%C3%A9dent/1448420> (дата обращения: 15.04.2025).
9. Baker Fox A. The power of small states: Diplomacy in World War II // Chicago: University of Chicago Press, 1959. 221 p.
10. Beyer J. L., Hofmann S. C. Varieties of neutrality: Norm revision and decline // Cooperation and Conflict. 2011. Vol. 46, № 3. P. 285–311.
11. Clarté et orientation de la politique de neutralité: Rapport du Conseil fédéral en réponse au postulat 22.3385 de la Commission de politique extérieure du Conseil des États du 11 avril 2022. URL: <https://www.news.admin.ch/newsd/message/attachments/73618.pdf> (дата обращения: 10.04.2025).
12. Demande d'adhésion de la Suisse à l'ONU incluant une déclaration relative à la neutralité // Confoederatio Helvetica. Les autorités fédérales de la Confédération suisse. URL: https://www.admin.ch/cp/f/3bd6b6e8_1@fwsrv.g.bfi.admin.ch.html (дата обращения: 10.04.2025).
13. Dossier: Sanctions prises par la Suisse à l'encontre d'autres états // Année politique suisse. URL: <https://anneepolitique.swiss/dossiers/1337-dossier-sanctions-prises-par-la-suisse-a-l-encontre-d-autres-etats?locale=fr> (дата обращения: 16.04.2025).
14. Dreyer J., Jesse N. Swiss neutrality examined: model, exception or both? // Journal of Military and Strategic Studies. 2014. Vol. 15, iss. 3. P. 60–83.
15. Initiative populaire fédérale 'Sauvegarder la neutralité suisse (initiative sur la neutralité)' // Chancellerie fédérale. URL: <https://www.bk.admin.ch/ch/f/pore/vi/vis540t.html> (дата обращения: 11.04.2025).
16. La neutralité à l'épreuve du conflit en Irak: Synthèse de la pratique suisse de la neutralité au cours du conflit en Irak par le Département fédéral des affaires étrangères du 2 décembre 2005. URL: https://www.eda.admin.ch/dam/eda/fr/documents/aussenpolitik/voelkerrecht/neutralitaet-spraxis-schweiz-irak-konflikt_FR.pdf (дата обращения: 16.04.2025).
17. Marabello T. Challenges to Swiss democracy: neutrality, Napoleon, & nationalism // Swiss American Historical Society Review. 2023. Vol. 6. P. 44–64.
18. McLin A. The ICRC: An alibi for Swiss neutrality? // Duke Journal of Comparative International Law. 1999. Vol. 9. P. 495–518.
19. Message du Conseil Fédéral concernant l'initiative populaire fédérale "Sauvegarder la neutralité suisse (initiative sur la neutralité)" du 27 novembre 2024 // Toutes les autorités fédérales. URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/fga/2024/3136/fr> (дата обращения: 11.04.2025).
20. Mesures en lien avec la situation en Ukraine // Secrétariat d'Etat à l'économie. URL: https://www.seco.admin.ch/seco/fr/home/Aussenwirtschaftspolitik_Wirtschaftliche_Zusammenarbeit/Wirtschaftsbeziehungen/exportkontrollen-und-sanktionen/sanktionen-embargos/sanktionsmassnahmen/massnahmen-zur-vermeidung-der-umgehung-internationaler-sanktionen.html (дата обращения: 16.04.2025).
21. Neutralité // Dictionnaire historique de la Suisse. URL: <https://hls-dhs-dss.ch/fr/articles/016572/2010-11-09> (дата обращения: 12.04.2025).
22. OTAN: Partenariat pour la paix // Département fédéral des affaires étrangères. URL: <https://www.eda.admin.ch/eda/fr/dfae/politique-exterieure/organisations-internationales/otan.html> (дата обращения: 15.04.2025).

23. Relations bilatérales Suisse–Kosovo // Département fédéral des affaires étrangères. URL: <https://www.eda.admin.ch/countries/kosovo/fr/home/relations-bilaterales/bilaterale.html> (дата обращения: 15.04.2025).

24. Sanctions de la Suisse // Secrétariat d'Etat à l'économie. URL: https://www.seco.admin.ch/seco/fr/home/Aussenwirtschaftspolitik_Wirtschaftliche_Zusammenarbeit/Wirtschaftsbeziehungen/exportkontrollen-und-sanktionen/sanktionen-embargos/sanktionsmassnahmen.html (дата обращения: 16.04.2025).

25. Votation populaire du 10.06.2001 sur la modification du 06.10.2000 de la loi fédérale sur l'armée et l'administration militaire // Chancellerie fédérale. URL: <https://www.bk.admin.ch/ch/f/pore/va/20010610/index.html> (дата обращения: 12.04.2025).

References

1. *Vykanov D. D.* Switzerland's support for anti-Russian sanctions: the end of Swiss neutrality or its evolution? *Economy. Law. Society*. 2023. Vol. 8. No. 2. P. 132–139 [in Russ.].

2. *Vinokurov V. I., Samarets A. D.* The role and place of the institution of neutrality in modern diplomatic practice (on the example of Switzerland). *Diplomatic Service*. 2022. No. 4. P. 293–303 [in Russ.].

3. Additional Protocol I to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts, dated 8 June 1977. Available at: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=66965> (date of access: 16.04.2025) [in Russ.].

4. Convention on the Rights and Duties of Neutral Powers and Persons in Case of War on Land: concluded at The Hague on October 18, 1907. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902038157> (date of access: 16.04.2025) [in Russ.].

5. Convention on the Rights and Duties of Neutral Powers and Persons in Case of War at Sea: concluded at The Hague on October 18, 1907. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902038156> [in Russ.].

6. Response of the official representative of the Russian Foreign Ministry M. V. Zakharova to the question of MIA “Russia Today” about the statements of the head of the Swiss Foreign Ministry I. Cassis regarding the “negotiations on Ukraine” in Geneva. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: official website*. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1855506 (date of access: 16.04.2025).

7. *Chernyavsky S. I.* Switzerland – a new reading of neutrality. *World Economy and International Relations*. 2024. Vol. 68. No. 4. P. 26–34.

8. Swiss aid to Kosovo: An unprecedented effort. Available at: <https://www.swissinfo.ch/eng/livre-vieillir/aide-suisse-au-kosovo-un-effort-sans-pr%C3%A9c%C3%A9dent/1448420> (date of access: 15.04.2025) [in French].

9. *Baker Fox A.* The power of small states: Diplomacy in World War II // Chicago: University of Chicago Press, 1959. 221 p.

10. *Beyer J. L., Hofmann S. C.* Varieties of neutrality: Norm revision and decline. *Cooperation and Conflict*. 2011. Vol. 46. No. 3. P. 285–311.

11. Clarity and direction of neutrality policy: Report of the Federal Council in response to Postulate 22.3385 of the Foreign Policy Committee of the Council of States of 11 April 2022. Available at: <https://www.news.admin.ch/news/message/attachments/73618.pdf> (date of access: 10.04.2025) [in French].

12. Application for membership of Switzerland to the UN including a declaration on neutrality. *Confoederatio Helvetica. The federal authorities of the Swiss Confederation*. Available at: https://www.admin.ch/cp/f/3bd6b6e8_1@fwsrv.g.bfi.admin.ch.html (date of access: 10.04.2025) [in French].

13. Case: Sanctions imposed by Switzerland against other states. *Année politique suisse*. Available at: <https://anneepolitique.swiss/dossiers/1337-dossier-sanctions-prises-par-la-suisse-a-l-encontre-d-autres-etats?locale=fr> (date of access: 16.04.2025) [in French].

14. *Dreyer J., Jesse N.* Swiss neutrality examined: Model, exception or both? *Journal of Military and Strategic Studies*. 2014. Vol. 15. Iss. 3. P. 60–83.

15. Federal Popular Initiative ‘Safeguarding Swiss Neutrality (Neutrality Initiative)’. *Federal Chancellery*. Available at: <https://www.bk.admin.ch/ch/f/pore/vi/vis540t.html> (date of access: 11.04.2025) [in French].

16. Neutrality put to the test by the conflict in Iraq: Summary of Swiss practice of neutrality during the conflict in Iraq by the Federal Department of Foreign Affairs dated December 2, 2005. Available at: https://www.eda.admin.ch/dam/eda/fr/documents/aussenpolitik/voelkerrecht/neutralitaetspraxis-schweiz-irak-konflikt_FR.pdf (date of access: 16.04.2025) [in French].

17. *Marabello T.* Challenges to Swiss democracy: neutrality, Napoleon, & Nationalism. *Swiss American Historical Society Review*. 2023. Vol. 6. P. 44–64.

18. *McLin A.* The ICRC: An alibi for Swiss neutrality? *Duke Journal of Comparative International Law*. 1999. Vol. 9. P. 495–518.

19. Message from the Federal Council regarding the federal popular initiative “Safeguarding Swiss Neutrality (Neutrality Initiative)” of 27 November 2024. *All federal authorities*. Available at: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/fga/2024/3136/fr> (date of access: 11.04.2025) [in French].

20. Measures related to the situation in Ukraine. *State Secretariat for Economic Affairs*. Available at: https://www.seco.admin.ch/seco/fr/home/Aussenwirtschaftspolitik_Wirtschaftliche_Zusammenarbeit/Wirtschaftsbeziehungen/exportkontrollen-und-sanktionen/sanktionen-embargos/sanktionsmassnahmen/massnahmen-zur-vermeidung-der-umgehung-internationaler-sanktionen.html (date of access: 16.04.2025) [in French].

21. Neutrality. *Historical Dictionary of Switzerland*. Available at: <https://hls-dhs-dss.ch/fr/articles/016572/2010-11-09> (date of access: 12.04.2025) [in French].

22. NATO: Partnership for Peace. *Federal Department of Foreign Affairs*. Available at: <https://www.eda.admin.ch/eda/fr/dfae/politique-exterieure/organisations-internationales/otan.html> (date of access: 15.04.2025) [in French].

23. Bilateral Relations Switzerland–Kosovo. *Federal Department of Foreign Affairs*. Available at: <https://www.eda.admin.ch/countries/kosovo/fr/home/relations-bilaterales/bilaterale.html> (date of access: 15.04.2025) [in French].

24. Sanctions by Switzerland. *State Secretariat for the Economy*. Available at: https://www.seco.admin.ch/seco/fr/home/Aussenwirtschaftspolitik_Wirtschaftliche_Zusammenarbeit/Wirtschaftsbeziehungen/exportkontrollen-und-sanktionen/sanktionen-embargos/sanktionsmassnahmen.html (date of access: 16. 04.2025) [in French].

25. Popular vote of 10.06.2001 on the amendment of 06.10.2000 to the Federal Act on the Armed Forces and Military Administration. *Federal Chancellery*. Available at: <https://www.bk.admin.ch/ch/f/pore/va/20010610/index.html> (date of access: 12.04.2025) [in French].

Поступила в редакцию 11.05.2025
Received May 11, 2025

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

УДК 347

DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-10

Саркисян Вероника Варгановна,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
гражданского права, юридический
факультет, Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный
федеральный университет»,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88,
email: veronika.sarkisian@yandex.ru

Sarkisian, Veronika V.,

PhD in Law, Senior Lecturer
at the Department of Civil Law,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: veronika.sarkisian@yandex.ru

Тодоров Александр Сергеевич,
студент 4 курса, юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: todorov.todorov.todorov@yandex.ru

Todorov, Alexander S.,

4th year Student,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: todorov.todorov.todorov@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОМПЕНСАЦИИ ВРЕДА В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА



LEGAL MECHANISMS FOR COMPENSATION OF DAMAGE IN ARMED CONFLICT

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу правовых механизмов компенсации вреда, причиненного гражданскому населению в условиях современных вооруженных конфликтов, с акцентом на проблеме возмещения ущерба незарегистрированному жилому фонду в приграничных регионах. Авторы исследуют трансформацию характера военных действий и ее влияние на масштабы разрушений гражданской инфраструктуры, выявляя пробелы в действующем законодательстве РФ. На основе историко-правового анализа опыта СССР, Германии и Франции в послевоенные периоды, а также изучения современных нормативных актов и судебной практики предлагаются теоретически обоснованные подходы к решению проблемы компенсации ущерба для владельцев незарегистрированного жилья. Особое внимание уделено гражданско-правовым конструкциям (институт самовольной

ABSTRACT. The article analyzes legal mechanisms for compensating damage caused to civilians in modern armed conflicts, focusing on the problem of compensation for unregistered residential property in border regions. The authors examine the transformation of warfare and its impact on the scale of destruction of civilian infrastructure, identifying gaps in current Russian legislation. Based on a historical and legal analysis of the post-war experiences of the USSR, Germany, and France, as well as a study of modern regulatory acts and judicial practice, the article proposes theoretically grounded approaches to solving the compensation problem for owners of unregistered housing. Special attention is paid to civil law constructs (unauthorized construction, the concept of a unified real estate object, acquisitive prescription) that could be adapted to protect the rights of victims.

постройки, концепция единого объекта недвижимости, приобретательная давность), которые могут быть адаптированы для защиты прав пострадавших.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: возмещение вреда, компенсация, незарегистрированная недвижимость, государственная регистрация прав, восстановительные механизмы

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Саркисян, В. В. Правовые механизмы компенсации вреда в условиях вооруженного конфликта / В. В. Саркисян, А. С. Тодоров. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 82–91. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-10

Современные вооруженные конфликты демонстрируют трансформацию характера ведения боевых действий, выражающуюся в применении принципиально новых стратегических подходов, тактических приемов и расширении зоны поражения приграничных территорий. Данная специфика приобретает особую значимость в контексте защиты гражданского населения, поскольку приводит к систематическому разрушению жилого фонда на сопредельных участках. Указанные обстоятельства актуализируют необходимость совершенствования правовых механизмов компенсации причиненного ущерба.

Релевантность проблемы возмещения подобного вреда подтверждается статистическими данными о масштабах повреждений и/или уничтожения домов в период специальной военной операции (СВО): 38 тыс. домов и квартир в Белгородской области [5]; 48 тыс. – Курская область [23], а в Брянской области только за январь 2025 г. было повреждено 1876 домов [3].

Следует отметить, что приведенные учетные показатели не отражают полной картины фактических разрушений. Как свидетельствует анализ, значительная часть жилого фонда в приграничных сельских территориях, особенно в районах с низкой социальной мобильностью, где жилые дома передаются по наследству в течение нескольких поколений, не внесена в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН). Это связано преимущественно с недостаточной правовой грамотностью местного населения, не осведомленного о необходимости государственной регистрации прав.

KEYWORDS: damage compensation, indemnification, unregistered real estate, state registration of rights, recovery mechanisms

FOR CITATION:

*Sarkisian, V. V., Todorov, A. S. (2025) Legal Mechanisms for Compensation of Damage in Armed Conflict. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(2): 82–91 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-10*

Масштабы проблемы подтверждаются данными Росреестра, согласно которым в каждом субъекте РФ насчитывается от 1000 до 5000 незарегистрированных индивидуальных жилых домов, фактически используемых для постоянного проживания [7].

В свете изложенных обстоятельств возникает закономерный вопрос о правовых механизмах получения компенсации за повреждение или уничтожение здания в результате военных действий при отсутствии государственной регистрации права собственности на данный объект недвижимости. Проведенное исследование действующего законодательства позволяет констатировать, что на формально-юридическом уровне подобные случаи действительно не предусматривают прямых оснований для возмещения ущерба. Причины указанной правовой неопределенности многослойны и требуют комплексного осмысления.

Во-первых, следует указать на действие одного из фундаментальных начал российской регистрационной системы – принципа внесения [2], закрепленного в п. 2 ст. 8.1. ГК РФ [6]. Во-вторых, нормативные правовые акты, действующие в субъектах РФ, где введен режим КТО, устанавливают особые условия предоставления компенсаций, предполагающие в числе прочего наличие формализованного подтверждения права на имущество, что будет рассмотрено далее. В-третьих, значительное влияние на функционирование системы компенсационных выплат оказывает совокупность институциональных ограничений, охватывающих как объективные организационно-административные барьеры, так и дефицит бюджет-

ных ресурсов, выделяемых на цели социальной и имущественной поддержки пострадавших.

Таким образом, возникает правовая дилемма, требующая критической оценки с точки зрения конституционно-правовых ориентиров: соответствует ли подобная практика правоприменения принципу социального государства, изложенному в ст. 7 Конституции РФ [9]? Представляется, что отказ в предоставлении компенсации лицам, утратившим жилое помещение вследствие чрезвычайных обстоятельств, не зависящих от их воли, исключительно на основании отсутствия государственной регистрации вещного права ставит под сомнение реализацию гарантий, предусмотренных основным законом. В рамках настоящего исследования предпринимается попытка обосновать ряд теоретически выверенных гражданско-правовых конструкций, направленных на восполнение правового пробела и обеспечение компенсационных механизмов для пострадавших лиц.

Прежде чем приступить к анализу действующего законодательства РФ, регулирующего вопросы возмещения подобного вреда, представляется целесообразным обратиться к историко-правовому опыту СССР. Согласно архивным данным, в результате военной агрессии 1941–1945 гг. было уничтожено около 1,5 млн зданий и сооружений, вследствие чего 25 млн людей лишились жилища [19].

Для разрешения подобной ситуации Советом Народных Комиссаров СССР был принят ряд нормативных актов, которые регулировали порядок восстановления жилищного фонда. Данному вопросу было посвящено несколько Постановлений СНК СССР.

Первым из таких актов стало Постановление СНК СССР от 13 сентября 1941 г. [18], посвященное вопросам возведения временного и упрощенного жилья для пострадавших. В частности, пункт 1 данного документа обязывал наркоматы и ведомства организовать из местных стройматериалов строительство жилых помещений упрощенного типа – общежитий, барачков, казарм и пр. Пункт 6 устанавливал необходимость проведения лесозаготовительных работ с целью обеспечения населения строительным сырьем, а также изготовления предметов первой необходимости. Документ также закреплял и финансовые формы поддержки:

так, пункт 4 предписывал Цескомбанку предоставить долгосрочные кредиты на строительство индивидуального жилища в размере 50 % от стоимости жилья.

Другим значимым нормативным актом указанного периода является Постановление СНК СССР от 29 мая 1944 г. [17]. Данный акт институционализировал ряд мер, сходных с предусмотренными в постановлении 1941 г., включая выделение земельных участков под жилищное строительство и государственную поддержку заготовки древесины. Однако по сравнению с Постановлением СНК СССР 1941 г., носившим в значительной степени экстренный и минималистичный характер, в Постановлении СНК СССР 1944 г. предусматривалась реализация программ централизованного строительства объектов индивидуального жилищного фонда с повышенным уровнем благоустройства. Также в п. 4 устанавливалось освобождение в период 1944–1947 гг. от уплаты налога со строений и земельной ренты для индивидуальных застройщиков в отношении жилых домов, возводимых в населенных пунктах, освобожденных от немецкой оккупации. На примере данного акта прослеживается эволюция государственной жилищной политики: если на начальном этапе военного конфликта основной задачей было обеспечение выживания и скорейшее размещение эвакуированного населения, то к 1944 г. приоритетом становится восстановление довоенного уровня жизни.

Системный анализ правовых положений данных постановлений позволяет утверждать, что к 1944 г. Советское государство окончательно сформировало целостную и внутренне скоординированную модель компенсационно-восстановительных мер, в которой кумулятивно были интегрированы и развиты различные компенсационные механизмы.

Изложенные ранее меры показали высокую эффективность в исторической перспективе. Так, благодаря мобилизационному труду советского населения, а также систематической нормотворческой деятельности органов государственной власти уже к середине 1950-х гг. была восстановлена значительная часть разрушенного жилищного фонда [22].

В условиях послевоенного восстановления жилищного фонда правовые подходы Германии и Франции представляют собой значимые при-

меры выработки компенсаторных механизмов, ориентированных на защиту интересов лиц, утративших недвижимость в результате вооруженных конфликтов. Особую значимость приобретают случаи, когда право собственности не было формализовано посредством государственной регистрации, что требовало разработки гибких процедур доказывания и предоставления компенсации. В ФРГ важнейшим инструментом восполнения имущественных утрат граждан стал принятый в 1952 г. закон о выравнивании бремени (Lastenausgleichsgesetz, LAG) [27]. Закон предусматривал предоставление компенсаций, размер которых мог достигать 50 % от оценочной стоимости утраченного имущества, включая жилые дома. Важнейшим элементом данной модели стал отказ от формалистского критерия титульной регистрации в пользу многоуровневой и контекстуальной оценки фактического владения. В рамках доказывания права на возмещение ущерба предусматривалось использование обширного массива доказательственных средств: письменные свидетельства, кадастровые и налоговые документы, свидетельские показания, архивные материалы периода оккупации, а также записи в церковных, хозяйственных и муниципальных книгах. Наряду с LAG в Германии функционировали и иные восстановительные инициативы. Так, Программа реконструкции жилья 1948 г., реализованная преимущественно в Восточном Берлине, имела своей целью устранение масштабных разрушений жилого фонда и предоставление нового жилья гражданам, утратившим его в результате боевых действий и бомбардировок [26].

Во Франции с 1944 по 1945 г. был принят ряд нормативных актов, нацеленных на реституцию и компенсацию утраченного имущества (декрет от 16 октября 1944 г. предусматривал возвращение имущества, переданного в управление государственным структурам; декрет от 14 ноября 1944 г. распространялся на объекты, конфискованные режимом Виши или немецкой администрацией; а декрет № 47-770 от 21 апреля 1945 г. упрощал судебные процедуры по восстановлению имущественных прав) [28]. Особо значимым актом стал ордонанс (указ) от 21 апреля 1945 г. [29], направленный на аннулирование сделок, заключенных под давлением в условиях оккупации, в первую очередь в

отношении культурных ценностей. Кульминацией нормативного урегулирования послужил закон от 28 октября 1946 г., закрепивший право на полное возмещение материального ущерба, причиненного как недвижимому, так и движимому имуществу. Французская правовая система также проявила гибкость в части признания прав на имущество при отсутствии регистрации: в качестве допустимых доказательств принимались налоговые декларации, квитанции, фотографии, а также свидетельские показания, что демонстрирует преодоление традиционного формализма.

Анализ германского и французского правового опыта в послевоенный период позволяет констатировать высокую степень концептуальной зрелости и социальной направленности реализованных механизмов. Их системный и инклюзивный характер не только обеспечивал восстановление утраченного имущественного положения пострадавших, но и способствовал укреплению правовой легитимности и социальной интеграции в условиях посткризисной реконструкции.

С целью поиска решения сложившейся ситуации в современных российских реалиях и ответа на поставленный вопрос необходимо определить нормативную базу, на основе которой в настоящее время осуществляются компенсационные механизмы.

Как известно, СВО породила необходимость введения режима КТО на приграничных территориях, а именно в Брянской, Белгородской и Курской областях [10]. При этом в ч. 1 ст. 18 ФЗ «О противодействии терроризму» подчеркивается, что государство осуществляет компенсационные выплаты физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта [24]. Представляет научный интерес положение ч. 1.1 анализируемой статьи, закрепляющее возможность возмещения причиненного в результате террористического акта вреда, включая компенсацию морального ущерба, за счет средств самого террориста в соответствии с положениями ГК РФ. Однако практическая реализация данного механизма в условиях современной войны представляется крайне затруднительной, что обусловлено высокой степенью анонимности и дистанционности способов нанесения ущерба, а так-

же объективной сложностью идентификации конкретного правонарушителя.

Компенсационные механизмы для пострадавших от терактов предусмотрены Постановлением Правительства РФ № 1928, по которому выплаты за полную утрату имущества первой необходимости составляют 150 тыс. рублей на каждое физическое лицо. Также предусмотрена единовременная выплата в размере 15 тыс. рублей на человека [14]. Вместе с тем такие компенсационные способы доступны только при полной утрате или повреждении предметов первой необходимости. При этом возможность получения полного возмещения убытков сохраняется исключительно за счет лица, виновного в причинении вреда. Однако, как уже указывалось ранее, установление такового, особенно в условиях военного конфликта или трансграничной террористической деятельности, представляет собой практически неразрешимую задачу.

Также действует Постановление Правительства РФ № 1327, которое утвердило правила предоставления межбюджетных трансфертов из федерального бюджета региональным для реализации мер поддержки пострадавшим. Так, в ч. 6 данного документа установлено, что компенсационные меры реализуются лишь в отношении граждан, которые *являлись собственниками* утраченных/поврежденных жилых помещений на день совершения теракта. Более того, такие граждане должны иметь *документы, являющиеся основанием для государственной регистрации права собственности* [15]. Таким образом, физические лица, не зарегистрировавшие прав на свои дома и не имеющие документов-оснований для государственной регистрации (а их зачастую и нет), не могут получить компенсацию.

Однако перечисленные механизмы охватываются федеральным уровнем правового регулирования. Необходимо отметить, что большую роль в установлении компенсационных выплат играют нормативные акты субъектов РФ. Так, например, постановлением правительства Курской области № 635-пп [13] утвержден порядок выдачи жилищных сертификатов (далее – Порядок), которые предоставляются гражданам, пострадавшим от обстрелов и вынужденным переселяться. Сертификат позволяет оплатить покупку нового жилья с по-

мощью государственных средств. Категории граждан, которые имеют право на такой сертификат, следующие (ч. 5 Порядка): а) собственники; б) имеющие документы для госрегистрации недвижимости – *при условии регистрации права собственности на жилое помещение*; в) право которых на получение мер поддержки установлено судебным решением. Также ч. 19 Порядка установлены документы, которые необходимо предоставить органу местного самоуправления для получения выплаты, в числе которых есть выписка из ЕГРН. Здесь возникает такая же проблема, что и с получением денежной компенсации: при отсутствии зарегистрированного права собственности на недвижимое имущество невозможно получить жилищный сертификат.

Примечательно, что, в отличие от федерального законодательства, допускающего возможность предоставления компенсации при отсутствии государственной регистрации права собственности, но при наличии надлежащих правоустанавливающих документов, нормативные правовые акты субъектов РФ устанавливают более формализованный подход. Тем самым требования, предъявляемые к оформлению прав на имущество в целях получения региональной компенсации, приобретают значительно более формально-правовой характер, что может ограничивать доступ к мерам государственной поддержки для значительной части пострадавших, утративших документы в результате чрезвычайных ситуаций или военных действий.

На первый взгляд, может показаться, что публично-правовые механизмы защиты и восстановления нарушенных прав в подобных ситуациях оказываются неэффективными. В такой правовой конфигурации обращение к инструментарию частного права, например к институту страхования, представляется потенциальным компенсаторным механизмом. Так, в определении СК ВС РФ от 3 февраля 2025 г. № 305-ЭС24-19100 указано, что обстрелы приграничья не являются военными действиями и не освобождают страховщика от выплат [11]. При этом включение формулировок в правила страхования об исключении ответственности ввиду военных действий также не позволяет страховым отказывать в выплатах, что было отражено в другом судебном решении [20].

Такой подход судов следует поддержать: как было описано выше, введенный режим КТО направлен на ликвидацию последствий именно *террористических актов*, а не *вооруженных действий*, поэтому правило ст. 964 ГК, исключяющее ответственность страховщика при причинении вреда военными действиями, не должно действовать. Обстрелы, взрывы беспилотников и пр. рассматриваются законодателем именно как преступления, которые в зависимости от обстоятельств по-разному квалифицируются правоохранительными органами.

Однако страховые компании ввиду СВО вносят изменения в правила и договоры страхования [4] с целью минимизации собственных обязательств по выплате страхового возмещения. Например, ОАО «Ингосстрах» внесло в 2023 г. в перечень оснований для отказа в выплате «специальные военные операции» [8]. Несмотря на то, что судебная практика в настоящее время склоняется в сторону удовлетворения требований о выплате страхового возмещения, тенденция к нормативному сужению страхового покрытия и очевидная неготовность страховщиков заключать договоры, охватывающие риски, связанные с последствиями СВО, создают угрозу подрыва компенсаторной функции института страхования. В данном случае целесообразно ужесточать меры государственного контроля за страховыми компаниями и в некоторых случаях отказывать в судебной защите со ссылкой на злоупотребление правом (п. 2 ст. 10 ГК РФ).

Для решения сложившейся проблемы можно выделить несколько теоретико-практических подходов, которые позволят гражданам, не имеющим зарегистрированного права собственности, получить с помощью гражданско-правовых институтов положенные компенсации:

Одним из потенциальных механизмов правового реагирования на проблему утраты жилья вследствие вооруженных конфликтов может служить *институт самовольной постройки*. Так, базовой предпосылкой для реализации данного подхода выступает п. 3 ст. 222 ГК РФ, где предусмотрен механизм легализации самовольной постройки. Следует учитывать, что в сельской местности многие жилые дома передаются из поколения в поколение, постепенно видоизменяясь: к ним пристраиваются новые помещения, этажи, балконы и

иные элементы. Вместе с тем в отсутствие государственной регистрации указанные изменения расцениваются как самовольные, что препятствует их правовому признанию.

Однако закон предусматривает условия для признания построек: 1) лицо имеет права на постройку на земельном участке; 2) соответствие строения градостроительным требованиям на момент обращения в суд; 3) сохранение постройки не нарушает интересы третьих лиц. Представляется очевидным, что соблюдение данных критериев лицами, утратившими жилые постройки в результате разрушений, невозможно. Главной причиной для этого выступает непосредственно физическое разрушение дома, как полное, так и частичное. При полном уничтожении объекта отсутствует предмет, способный быть признанным недвижимым имуществом. При частичном разрушении постройка, как правило, оказывается в аварийном состоянии, не отвечающем требованиям законодательства, в том числе требованиям безопасности и пригодности для проживания.

В связи с этим целесообразно рассмотреть возможность трансформации существующего подхода. Во-первых, возможно распространение на условия признания самовольной постройки экспериментального правового режима, как уже сделано в сфере цифрового права [25]. В рамках специального правового порядка может быть предусмотрен механизм ретроспективного признания права собственности на самовольные постройки с применением юридических фикций, аналогичных фиктивным искам в римском преторском праве. Такие иски содержали формулы, в которых судье предписывалось абстрагироваться от реально существующих обстоятельств и рассматривать дело с допущением определенного воображаемого факта [21]. В данном случае суд для признания права собственности исходил бы из фикции: «...как если бы здание не было уничтожено...», исключая факт уничтожения постройки при доказывании ее законности и последующего признания.

Необходимо отметить, что данный подход труднореализуем и требует больших организационных затрат. Для принятия закона, который изменял бы действие ст. 222 ГК РФ, необходимо большое количество времени, чтобы проработать все нюансы и особенности при-

менения обновленной нормы на определенных территориях РФ.

Перейдем ко второму подходу, который представляется более реалистичным. Он основан на концепции *единого объекта недвижимости* [1], лежащей в основе немецкого вещного права. Исходя из данной теории, в мире недвижимых вещей все сводится к одной единственной вещи – земельному участку. Все, что находится на нем, является лишь его составной частью. В российской судебной практике имеются отголоски данного подхода, например, в так называемом «деле Разиевского» [16], в котором суд пришел к выводу, что незарегистрированное здание, возведенное на земельном участке, является составной частью земельного участка, поэтому отсутствие регистрации прав на него не является основанием для отказа в защите нарушенного права по негаторному иску. Следовательно, отсутствие регистрации прав на такое строение не лишает его владельца возможности судебной защиты, включая предъявление негаторного иска.

Применяя данный подход по аналогии к проблеме компенсации незарегистрированного дома на зарегистрированном земельном участке, можно сделать вывод: раз действующее право признает защиту незарегистрированного здания посредством негаторного иска, то оно должно признавать и возможность компенсации вреда, причиненного военными действиями, в связи с повреждением/разрушением данного объекта. С точки зрения концепции единого объекта снаряд, уничтоживший здание, наносит вред не автономной постройке, а земельному участку в целом, частью которого являлось строение.

Таким образом, применение данной теории снимает необходимость в предоставлении правоустанавливающих либо правоподтверждающих документов на разрушенный объект недвижимости. Для инициации процедуры компенсации достаточно представить правоустанавливающие документы на сам земельный участок. Учитывая наличие соответствующей судебной практики, подобный подход представляется обоснованным с правовой точки зрения и эффективным с точки зрения защиты интересов пострадавших.

Третий подход заключается в применении института *приобретательной давности*. Здесь

также уместно говорить о ретроспективности и фикции, аналогично первому подходу, поскольку для использования положения п. 1 ст. 234 ГК РФ объект должен физически существовать. Судебная практика выдвигает ряд требований к применению последствий, изложенных в данной статье, а именно: а) добросовестность; б) открытость владения; в) непрерывность; г) владение как своим собственным – владение не по договору [12].

С учетом особенностей сельской местности можно предположить, что данные условия будут соблюдаться гражданами в отношении построек. При этом может использоваться широкий спектр доказательств: свидетельские показания соседей, документы от главы поселения о факте проживания граждан по определенному адресу, фотографии или техническая документация на дом, которые могут быть использованы для соответствия указанным выше требованиям.

Данный подход имеет преимущество, поскольку может работать в синергии с предыдущим подходом: например, гражданин владел в течение 15 лет земельным участком открыто, непрерывно и добросовестно как своим собственным имуществом. После этого он мог зарегистрировать право собственности на данный участок и построить на нем дом, права на который не были зарегистрированы. Учитывая предыдущий подход, для права такой объект будет являться составной частью земельного участка, поэтому попадание снаряда в данный объект будет считаться повреждением вещи, права на которую зарегистрированы. Таким образом, гражданин сможет получить компенсацию, ведь он имеет документы, подтверждающие право собственности на земельный участок.

В заключение отметим, что проведенное исследование выявило существенные пробелы в правовом регулировании компенсации вреда, причиненного незарегистрированной недвижимостью в условиях вооруженных конфликтов. Анализ исторического опыта СССР и зарубежных практик показал эффективность гибких подходов, отказывающихся от строгого формализма в пользу защиты фактических прав пострадавших. В работе предложены конкретные механизмы решения проблемы, реализация которых позволит обеспечить справедливую компенсацию ущерба, укрепить доверие

граждан к государству и соблюсти принципы социальной справедливости, закрепленные в Конституции РФ.

Список использованных источников

1. Бевзенко Р. С. Введение в российское право недвижимости. М.: Статут, 2022. 408 с.
2. Бевзенко Р. С. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество: проблемы и пути решения // Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 4–30; № 6. С. 5–29; 2012. № 1. С. 4–34.
3. Брянский губернатор рассказал Путину о разрушенных ВСУ домах в регионе // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7498796> (дата обращения: 28.04.2025).
4. Будут ли страховщики платить гражданам в случае военных действий? // Агентство страховых новостей. URL: <https://www.asn-news.ru/news/84324> (дата обращения: 28.04.2025).
5. В Белгородской области свыше 38 тыс. домов и квартир повреждены ВСУ за время СВО // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/22395407> (дата обращения: 28.04.2025).
6. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 дек.
7. Законопроект № 633966-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/633966-8#bh_note (дата обращения: 28.04.2025).
8. Комплексные правила страхования имущества, гражданской ответственности и сопутствующих рисков // Ингосстрах. URL: https://cdn.ingos.ru/docs/pravila_complex_ksifl_2024.pdf (дата обращения: 28.04.2025).
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.
10. На территориях Белгородской, Брянской и Курской областей введен правовой режим КТО // Национальный антитеррористический комитет: официальный сайт. URL: <http://nac.gov.ru/kontrterroristicheskie-operacii/na-territoriyah-belgorodskoy-bryanskoy-i-kurskoy.html> (дата обращения: 28.04.2025).
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по делу № А40-266406/2023 от 03.02.2025 № 305-ЭС24-19100 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=846868#VxYHjoU4OVa1q5pH1> (дата обращения: 28.04.2025).
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100466 (дата обращения: 28.04.2025).
13. Постановление Правительства Курской области «О реализации в 2024 году мер социальной поддержки граждан, жилые помещения которых утрачены в результате обстрелов со стороны вооруженных формирований Украины, и граждан, проживающих в населенных пунктах, которые подверглись или подвергаются таким обстрелам, на территории Курской области» от 07.08.2024 № 635-пп // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4600202408120015?index=1> (дата обращения: 28.04.2025).
14. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение отдельных мер по ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, осуществления компенсационных выплат физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта, и возмещения вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями» от 28.12.2019 № 1928 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 1, ч. 2. Ст. 106.
15. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, бюджетам субъектов Российской Федерации в целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при выполнении полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по финансовому обеспечению реализации мер социальной поддержки граждан, жилые помещения которых утрачены и (или) повреждены в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также в результате террористических актов и (или) при пресечении террористических актов правомерными действиями» от 16.10.2019 № 1327 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 42, ч. 3. Ст. 5919.
16. Постановление Президиума ВАС РФ от 28.05.2013 №17085/12 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=359129#yxX4qoUfMMnAADYd> (дата обращения: 28.04.2025).
17. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР «О мероприятиях по восстановлению индивидуального жилищного фонда в освобожденных районах и усилению индивидуального жилищного строительства в городах и рабочих поселках СССР» от 29.05.1944 // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/246598-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-sssr-29-maya-1944-g-o-meropriyatiyah-po-vostanov>

leniyu-individualnogo-zhilischnogo-fonda-v-osvobozhdennyh-rayonah-i-usileniyu-individualnogo-zhilischnogo-stroitelstva-v-gorodah-i-rabochih-poselkah-sssr (дата обращения: 28.04.2025).

18. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения» от 13.09.1941 // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/246565-postanovlenie-soveta-narodnyh-komisarov-sssr-13-sentyabrya-1941-g-o-stroitelstve-zhilyh-pomescheniy-dlya-evakuirovannogo-naseleniya#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 28.04.2025).

19. Разрушенные войной города // ТВ Центр. URL: <https://www.tvc.ru/news/67098> (дата обращения: 28.04.2025).

20. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 19.02.2024 по делу № А40-152340/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/o7g2YDtox71O> (дата обращения: 28.04.2025).

21. Римское частное право: учебник / ред. И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский. М.: Кнорус, 2014. 592 с.

22. «Сталинское чудо»: как СССР восстановился после войны // Яндекс.Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/X2WejbFCWUxTebet> (дата обращения: 28.04.2025).

23. Стало известно, сколько курян лишились жилья после вторжения ВСУ // News.ru. URL: <https://news.ru/regions/stalo-izvestno-skolko-kuryan-lishilis-zhilya-poslevtorzheniya-vsu> (дата обращения: 28.04.2025).

24. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Парламентская газета. 2006. № 32.

25. Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 258-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738 (дата обращения: 28.04.2025).

26. *Diefendorf J. M.* Reconstruction law and building law in post-war Germany // *Planning Perspectives*. 2007. Vol. 1. № 2. P. 107–129.

27. Gesetz über den Lastenausgleich // Bundesamt für Justiz. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/lag/index.html> (дата обращения: 28.04.2025).

28. Overview of immovable property restitution/compensation regime – France (as of 13 december 2016) // Institute for Jewish Policy Research. URL: https://archive.jpr.org.uk/download?id=3264&utm_source (дата обращения: 28.04.2025).

29. *Perrot X.* The French model of restitution and compensation for cultural property looted between 1940–1945. An original legal and administrative model // *Agorha*. URL: https://agorha.inha.fr/detail/921?utm_source (дата обращения: 28.04.2025).

References

1. *Bevzenko R. S.* Introduction to Russian real estate law. Moscow: Statut, 2022. 408 p. [in Russ.].

2. *Bevzenko R. S.* State registration of rights to real estate: problems and solutions. *Bulletin of Civil Law*. 2011. No. 5. P. 4–30; No. 6. P. 5–29; 2012. No. 1. P. 4–34 [in Russ.].

3. Bryansk governor told Putin about houses in the region destroyed by the Armed Forces of Ukraine. *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/7498796> (date of access: 28.04.2025) [in Russ.].

4. Will insurers pay citizens in the event of military action? *Insurance News Agency*. Available at: <https://www.asn-news.ru/news/84324> (date of access: 28.04.2025) [in Russ.].

5. In the Belgorod Region, over 38 thousand houses and apartments were damaged by the Armed Forces of Ukraine during the special military operation. *TASS*. Available at: <https://tass.ru/proisshestviya/22395407> (date of access: 28.04.2025) [in Russ.].

6. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ. *Rossiyskaya Gazeta*. 1994. Dec. 8 [in Russ.].

7. Bill No. 633966-8 “On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”. *System of support of legislative activity*. Available at: https://sozd.duma.gov.ru/bill/633966-8#bh_note (date of access: 28.04.2025) [in Russ.].

8. Comprehensive rules for insurance of property, civil liability and related risks. *Ingosstrakh*. Available at: https://cdn.ingos.ru/docs/pravila_complex_ksifl_2024.pdf (date of access: 28.04.2025) [in Russ.].

9. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993). *Rossiyskaya Gazeta*. 1993. Dec. 25 [in Russ.].

10. Legal regime of counter-terrorism operation introduced in the territories of Belgorod, Bryansk and Kursk regions. *National Anti-Terrorist Committee: official website*. Available at: <http://nac.gov.ru/kontrterroristicheskie-operacii/na-territoriyah-belgorodskoy-bryanskoy-i-kurskoy.html> (date of access: 28.04.2025) [in Russ.].

11. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation in case No. А40-266406/2023 dated 03.02.2025 No. 305-ES24-19100. *ConsultantPlus*. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=846868#VxYHjoU4OVa1q5pH1> (date of access: 28.04.2025) [in Russ.].

12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10, Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 22 dated 29.04.2010 “On certain issues arising in judicial practice in resolving disputes related to the protection of property rights and other property rights”. *ConsultantPlus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100466 (date of access: 28.04.2025) [in Russ.].

13. Resolution of the Government of the Kursk Region / On the implementation in 2024 of social support measures for citizens whose residential premises were lost as a result of shelling by armed formations of Ukraine, and citizens living in settlements that were or are subject to such shelling, on the territory of the Kursk Region” dated 07.08.2024 No. 635-pp. *Official Internet portal of legal information*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4600202408120015?index=1> (date of access: 28.04.2025) [in Russ.].

14. Resolution of the Government of the Russian Federation “On approval of the Rules for the provision of other inter-budget transfers from the federal budget, the source of financial support for which are budgetary

allocations of the reserve fund of the Government of the Russian Federation, to the budgets of the constituent entities of the Russian Federation for financial support of certain measures to eliminate natural and man-made emergencies, making compensation payments to individuals and legal entities who suffered damage as a result of a terrorist act, and compensation for harm caused during the suppression of a terrorist act by lawful actions” dated 28.12.2019 No. 1928. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2020. No. 1. Part 2. Art. 106 [in Russ.].

15. Resolution of the Government of the Russian Federation “On approval of the Rules for the provision of other inter-budget transfers from the federal budget, the source of financial support for which is budgetary allocations from the reserve fund of the Government of the Russian Federation, to the budgets of the constituent entities of the Russian Federation for the purpose of co-financing the expenditure obligations of the constituent entities of the Russian Federation arising from the exercise of the powers of state authorities of the constituent entities of the Russian Federation to financially support the implementation of social support measures for citizens whose residential premises were lost and (or) damaged as a result of natural and man-made emergencies, as well as a result of terrorist acts and (or) when suppressing terrorist acts by lawful actions” dated 16.10.2019 No. 1327. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2019. No. 42. Part 3. Art. 5919 [in Russ.].

16. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 28.05.2013 No. 17085/12. *ConsultantPlus*. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=359129#yxX4qoUfMMnAADYd> (date of access: 28.04.2025) [in Russ.].

17. Resolution of the Council of People’s Commissars of the USSR “On measures to restore individual housing stock in liberated areas and strengthen individual housing construction in cities and workers’ settlements of the USSR” dated 29.05.1944. *Electronic library of historical documents*. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/246598-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-sssr-29-maya-1944-g-o-meropriyatiyah-po-vosstanovleniyu-individualnogo-zhilischnogo-fonda-v-osvobodzhennyh-rayonah-i-usileniyu-individualnogo-zhilischnogo-stroitelstva-v-gorodah-i-rabochih-poselkah-sssr> (date of access: 28.04.2025) [in Russ.].

18. Resolution of the Council of People’s Commissars of the USSR “On the construction of residential premises for the evacuated population” dated 13.09.1941. *Electronic library of*

historical documents. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/246565-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-sssr-13-sentyabrya-1941-g-o-stroitelstve-zhilyh-pomescheniy-dlya-evakuirovannogo-naseleniya#mode/inspect/page/1/zoom/4> (date of access: 28.04.2025) [in Russ.].

19. Cities destroyed by war. *TV Center*. Available at: <https://www.tvc.ru/news/67098> (date of access: 28.04.2025) [in Russ.].

20. Decision of the Arbitration Court of Moscow dated 19.02.2024 in case No. A40-152340/2023. *Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. Available at: <https://sudact.ru/arbitral/doc/o7g2YDtox71O> (date of access: 28.04.2025) [in Russ.].

21. *Novitsky I. B., Peretersky I. S. (Ed.). Roman private law: textbook*. Moscow: Knourus, 2014. 592 p. [in Russ.].

22. “Stalin’s miracle”: how the USSR recovered after the war. *Yandex.Dzen*. Available at: <https://dzen.ru/a/X2WejbFCWUxTe6et> (date of access: 28.04.2025) [in Russ.].

23. It became known how many Kursk residents lost their homes after the invasion of the Armed Forces of Ukraine. *News.ru*. Available at: <https://news.ru/regions/stalo-izvestno-skolko-kuryan-lishilis-zhilya-posle-vtorzheniya-vs-u> (date of access: 28.04.2025) [in Russ.].

24. Federal Law “On counteracting terrorism” dated 06.03.2006 No. 35-FZ. *Parlamentskaya Gazeta*. 2006. No. 32 [in Russ.].

25. Federal Law “On experimental legal regimes in the sphere of digital innovations in the Russian Federation” dated 31.07.2020 No. 258-FZ // *ConsultantPlus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738 (date of access: 28.04.2025) [in Russ.].

26. *Diefendorf J. M. Reconstruction law and building law in post-war Germany. Planning Perspectives*. 2007. Vol. 1. No. 2. P. 107–129.

27. Law on equalization of burdens. *Federal Office of Justice*. Available at: <https://www.gesetze-im-internet.de/lag/index.html> (date of access: 28.04.2025) [in Germ.].

28. Overview of immovable property restitution/compensation regime – France (as of 13 december 2016). *Institute for Jewish Policy Research*. Available at: https://archive.jpr.org.uk/download?id=3264&utm_source (date of access: 28.04.2025).

29. *Perrot X. The French model of restitution and compensation for cultural property looted between 1940–1945. An original legal and administrative model. Agorha*. Available at: https://agorha.inha.fr/detail/921?utm_source (date of access: 28.04.2025).

Поступила в редакцию 06.05.2025
Received May 06, 2025

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.34

DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-11

Кейдунова Елена Резовна,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и криминологии,
юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: t2i8g1r2@yandex.ru

Keydunova, Elena R.,
PhD in Law, Associate Professor
at the Department of Criminal Law
and Criminology,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: t2i8g1r2@yandex.ru

Витвицкая Светлана Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и публично-правовых
дисциплин, юридический факультет,
Донской государственной
технической университет,
344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1,
email: omar67@yandex.ru

Vitvitskaya, Svetlana S.,
PhD in Law, Associate Professor
at the Department of Criminal Law,
Faculty of Law, Don State Technical University,
1 Gagarin Square, Rostov-on-Don,
344003, Russian Federation,
email: omar67@yandex.ru

Мавренкова Елена Анатольевна,
кандидат психологических наук, доцент
кафедры административного права и
уголовно правовых дисциплин, факультет
«Экономика, управление и право», Ростовский
государственный университет путей
сообщения, 344038, г. Ростов-на-Дону,
пл. Ростовского Стрелкового
Полка Народного Ополчения, д. 2,
email: mea-1975@yandex.ru

Mavrenkova, Elena A.,
PhD in Psychology, Associate Professor
at the Department of Administrative Law
and Criminal Law Disciplines, Faculty
of Economics, Management and Law,
Rostov State Transport University,
2 Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo
Opolcheniya Square, Rostov-on-Don,
344038, Russian Federation,
email: mea-1975@yandex.ru

ПРЕСТУПНЫЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ОБЪЕКТЫ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ: КЛАССИФИКАЦИЯ И КВАЛИФИКАЦИЯ



CRIMINAL ENCROACHMENTS ON NUCLEAR POWER FACILITIES: CLASSIFICATION AND QUALIFICATION

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу преступных посягательств на объекты атомной энергетики, которые могут причинить крупный экономический ущерб и стать причиной радиоактивного загрязнения окружающей среды, радиационного облучения, гибели, заболеваний людей и животных. Цель исследования

ABSTRACT. The article is devoted to the analysis of criminal encroachments on nuclear power facilities, which can cause major economic damage and cause radioactive pollution of the environment, radiation exposure, death, diseases of humans and animals. The purpose of the study is to create a scientifically based classification of criminal

состоит в создании научно обоснованной классификации преступных посягательств на объекты атомной энергетики и решении ряда спорных вопросов квалификации соответствующих общественно опасных деяний. Методологическую основу исследования образует диалектический метод познания. В ходе исследования использовались конкретно-социологический, формально-логический и системно-структурный методы. Эмпирический материал был получен путем контент-анализа средств массовой информации, а также изучения материалов уголовных дел о преступлениях, связанных с посягательствами на объекты атомной энергосистемы. Теоретическая значимость исследования заключается в создании многоуровневой классификации криминальных посягательств на объекты атомной инфраструктуры, что вносит определенный вклад в развитие теории противодействия технологическому терроризму. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования представленных рекомендаций для совершенствования практики квалификации соответствующих преступлений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: объекты атомной энергетики, ядерный терроризм, военные преступления, киберпреступления, классификация, квалификация

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Кейдунова, Е. Р. Преступные посягательства на объекты атомной энергетики: классификация и квалификация / Е. Р. Кейдунова, С. С. Витвицкая, Е. А. Мавренкова. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 92–100. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-11

Атомная энергетика имеет фундаментальное значение для обеспечения национальной безопасности. Она позволяет диверсифицировать источники энергии, способствует созданию самодостаточной энергетической инфраструктуры, является залогом развития экономики и роста благосостояния населения. Однако следует учитывать, что разрушение, повреждение или нарушение нормального функционирования различных компонентов атомной энергосистемы могут стать причиной радиоактивного загрязнения окружающей среды, радиационного облучения, гибели, заболеваний, возникновения генетических мутаций у людей и животных.

Результаты научных исследований свидетельствуют, что атомные электростанции и другие объекты атомной инфраструктуры потенциально уязвимы как для стихийных бедствий и геофизических катастроф (землетрясений,

encroachments on nuclear power facilities and to resolve a number of controversial issues of qualification of relevant socially dangerous acts. The methodological basis of the research is formed by the dialectical method of cognition. In the course of the study, specific sociological, formal-logical and systemic-structural methods were used. Empirical material was obtained through content analysis of mass media, as well as the study of materials from criminal cases of crimes related to encroachments on nuclear power system facilities. The theoretical significance of the study lies in the creation of a multi-level classification of criminal attacks on nuclear infrastructure facilities, which makes a certain contribution to the development of the theory of countering technological terrorism. The practical significance of the study lies in the possibility of using the presented recommendations to improve the practice of qualifying relevant crimes.

KEYWORDS: nuclear power facilities; nuclear terrorism, war crimes, cybercrimes, classification; qualification

FOR CITATION:

Keydunova, E. R., Vitvitskaya, S. S., Mavrenkova, E. A. (2025) Criminal Encroachments on Nuclear Power Facilities: Classification and Qualification. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(2): 92–100 [in Russ.]. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-11

тропических циклонов, речных наводнений и цунами), так и для разнообразных преступных посягательств. Специалисты утверждают, что ядерной безопасности в настоящее время угрожают не столько природные катаклизмы, сколько криминальные посягательства [5]. Однако относительно видов этих преступлений единства мнений до сих пор не достигнуто. Чаще всего преступные посягательства классифицируют по субъекту (на внутренние и внешние), по форме вины (умышленные и неосторожные). Умышленные преступления нередко подразделяют на военные, террористические, диверсионные, кибернетические.

На наш взгляд, правильнее было бы выделять посягательства на физическую и информационную безопасность объектов атомной энергетики. Эти подгруппы можно подразделить на неосторожные и умышленные преступления. Последние, в свою очередь, делятся

на виды в зависимости от цели преступления (военные, террористические, диверсионные, кибернетические).

Особую тревогу вызывает то, что объекты атомной энергетики становятся предпочтительными целями во время военного конфликта. Повреждение реактора АЭС или систем, обеспечивающих безопасное и надежное функционирование станции, уничтожение линий электропередачи и распределительных станций, поражение хранилищ отработанного ядерного топлива могут не только причинить крупный материальный ущерб, но и привести к радиоактивному заражению и разрушению всей экосистемы.

Новейшая история знает массу примеров авиаударов, артобстрелов и атак дронов на объекты атомной энергетики:

– Ирак, сентябрь 1980 г. – нанесение иранскими ВВС авиаудара по ядерному комплексу Аль-Тувайта, в результате чего был поврежден ядерный реактор;

– Ирак, июнь 1981 г. – бомбардировки израильскими ВВС ядерного исследовательского центра «Осирак»;

– Иран, 1984–1987 гг. – нанесение авиаударов иракскими ВВС по атомной станции в Бушере;

– Ирак, 1991 г. – ВВС США разбомбили три ядерных реактора и экспериментальную установку по обогащению в Ираке;

– Израиль, 1991 г. – ракетные обстрелы ВВС Ирака ядерного комплекса в Димоне;

– Сирия, 2007 г. – нанесение израильскими ВВС авиаудара по строящемуся сирийскому реактору в провинции Дейр-эз-Зор и его уничтожение.

В России начиная с 2022 г. крылатые ракеты и беспилотники-камикадзе Вооруженных сил Украины систематически атакуют атомные электростанции, трансформаторные подстанции и места захоронения ядерных отходов. Так, в 2023 г. при атаках на Курскую АЭС дроны повредили стены склада ядерных отходов [8]. В 2024 г. восемь беспилотных летательных аппаратов атаковали Нововоронежскую атомную станцию [13]. В августе 2024 г. Запорожскую атомную электростанцию (ЗАЭС) атаковал ударный дрон вооруженных сил Украины, в результате чего на объекте охладительных систем произошло возгорание. В этом же месяце

украинские дроны трижды атаковали Курскую АЭС, из строя была выведена трансформаторная подстанция [15]. В октябре 2024 г. ВСУ попытались атаковать Курскую АЭС французской авиабомбой. Затем в направлении станции выпустили четыре ракеты и реактивную «Паляницу». Российские ПВО сбили все цели, но недалеко от станции начался мощный пожар. Глава «Росатома» Алексей Лихачев заявил, что особо уязвима для военных атак Курская АЭС, построенная еще в 1960-х гг. Ее реактор РБМК-1000 не имеет защитной оболочки (контеймента), удерживающей пар в случае разгерметизации. Поэтому даже не очень мощное взрывное устройство может нанести непоправимый вред. Гендиректор МАГАТЭ Рафаэль Гросси подтвердил, что в Курской области возникла опасность ядерного инцидента, и подчеркнул, что АЭС не могут являться легитимной целью в вооруженных конфликтах [11].

АЭС нередко становятся объектами и для террористических актов и диверсий. Вот несколько примеров:

– Аргентина, март 1973 г. – захват Народно-революционной армией атомной электростанции Атуча;

– ЮАР, январь 1982 г. – взрыв объектов строящейся атомной электростанции Кеберг вооруженным крылом АНК, причинивший ущерб в 500 млн реалов и задержавший ввод станции в эксплуатацию на 18 месяцев;

– США, сентябрь 2001 г. – Комиссия США по расследованию терактов 11 сентября 2001 г. заявила, что атомные электростанции первоначально были потенциальными целями исламских террористов.

В России попытки совершения диверсионных актов на объектах атомной инфраструктуры фиксируются начиная с 2022 г. Западные спецслужбы готовят украинские диверсионно-террористические группы для атак на объекты атомной энергетики на территории России. Директор Службы внешней разведки РФ Сергей Нарышкин на 53-м заседании Совета руководителей органов безопасности и специальных служб государств – участников СНГ заявил, что были попытки нанести ущерб Запорожской, Калининградской, Курской, Ленинградской, Смоленской и другим АЭС. Так, в августе 2023 г. ФСБ задержала группировку с Украины, которую готовили в Британии. Пре-

ступникам поручалось провести взрывы на объектах инфраструктуры Смоленской и Курской АЭС. Директор ФСБ России Александр Бортников сообщил, что было обезврежено более 20 взрывных устройств, размещенных на опорах линий электропередачи атомных электростанций, в результате преступных действий был остановлен второй блок Курской АЭС [2].

Угрозу для ядерной безопасности представляют и кибернетические атаки на информационные и автоматизированные системы, которые могут использоваться на АЭС и других ядерных объектах, предназначенных для производства ядерного топлива, хранения, транспортировки ядерных материалов и радиоактивных отходов.

К посягательствам на объекты критической инфраструктуры атомной отрасли следует отнести [6]:

- несанкционированное вмешательство в работу информационных и автоматизированных систем АЭС и других ядерных объектов с помощью вредоносного ПО, что может привести к перехвату управления устройством, уничтожению информации на серверах и рабочих станциях, внесению изменений в функционирование объекта с выводением его из строя;

- проникновение в корпоративные сети АЭС и других объектов атомной энергетики и похищение документов, составляющих государственную или коммерческую тайну, с их дальнейшим использованием или вымоганием выкупа за отказ от использования;

- насыщение сетевого оборудования большим количеством внешних запросов; перехват управления системы в сети SCADA через украденные аккаунты, отправку команд на отключение систем бесперебойного питания, которые уже были реконфигурированы.

История знает множество примеров кибератак на объекты атомной энергетики. Вот некоторые из них:

- Литва, 1992 г. – преступная группировка, желая отомстить за своего члена, осужденного к смертной казни, подкупила программиста, обслуживающего систему управления Игналинской АЭС. Последний внес вредоносный код в программу управления процессом перезагрузки ядерного топлива;

- Индия, 1998 г. – преступники внесли вредоносную программу и угрожали вывести из

строю систему управления реактором Центра ядерных исследований им. Хоми Баба;

- США, Алабама, 2006 г. – главная система безопасности АЭС «Браунс Ферри» оказалась перегруженной сетевым трафиком, что едва не привело к опасной аварии;

- Иран, 2010 г. – вирус Stuxnet, разработанный спецслужбами США и Израиля, заразил около 30 тыс. компьютерных систем промышленных объектов, вывел из строя более 1,3 тыс. центрифуг по обогащению урана;

- Южная Корея, 2014 г. – преступники внесли вредоносную программу во внутреннюю сеть оператора Hydro and Nuclear Power Co Ltd и, завладев технической информацией по двум реакторам АЭС KHNP, внутренними инструкциями и данными о сотрудниках, стали требовать выкуп;

- Германия, 2016 году – преступники заразили вирусами W32.Ramnit и Conficker 18 съемных носителей информации в компьютерной системе блока «Б» АЭС «Гундремминген».

Что касается России, то преступники систематически пытаются атаковать информационную инфраструктуру российских АЭС. При этом на объекты атомной энергетики, расположенные в Центральной России (Калининская, Смоленская, Курская АЭС), приходится почти треть от всех заблокированных кибератак. Об этом информировали общественность генеральный директор «Росатома» Алексей Лихачев и другие официальные лица [10]. В 2024 г. замглавы Минцифры РФ Александр Шойтов заявил, что кибератаки стали более точечными и сложными; преступники активно пользуются инструментами киберразведки и социальной инженерии. Порядка 40 % кибератак связано с вредоносным ПО, фишингом и DDoS-атаками на сетевое оборудование, сайты и серверы [20].

В прессе любые вышеперечисленные атаки на АЭС оцениваются как терроризм. В юридической литературе деяния, имеющие целью уничтожение или повреждение АЭС и других объектов атомной инфраструктуры, относят к разновидностям ядерного терроризма [21], технологического терроризма [17]; к преступлениям против атомной безопасности [7]; криминальным угрозам ядерной безопасности [9].

На наш взгляд, вышеперечисленные термины имеют криминологическое содержание и могут использоваться в документах уголовно-

политического характера. С точки зрения уголовного права умышленные преступные посяательства на объекты атомной энергетики, в том числе АЭС, могут быть квалифицированы различно в зависимости от признаков конкретного преступного деяния.

Так, к террористическим актам согласно ч. 3 ст. 205 УК РФ может быть отнесено только посятельство на объекты использования атомной энергии, совершенное в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений.

Состав террористического акта можно усмотреть в действиях сторонников «адыгейского сепаратизма», которые посредством «энергетической партизанской войны», т. е. совершения взрывов на объектах энергетической инфраструктуры, стремятся оказать воздействие на органы власти и добиться создания суверенного исламского государства – «Имарата Кавказ» (на территории всего Северного Кавказа) или «Великой Черкесии» (на территории Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Абхазии, Краснодарского и Ставропольского краев). Террористы неоднократно подрывали опоры линий электропередачи в Ингушетии и Дагестане. В 2024 г. стало известно, что преступники для достижения наибольшего общественного резонанса планируют террористические акты даже в Якутии и Хакасии [16]. Деяния членов соответствующих организованных сообществ подлежат уголовно-правовой оценке по ч. 3 ст. 205 УК РФ и по другим уголовно-правовым нормам, нацеленным на противодействие терроризму (ст. 205.1–205.5 УК РФ).

Если цель, указанная в ст. 205 УК РФ, отсутствует, то состава террористического акта нет. Совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение объектов атомной энергетики, может быть квалифицировано как диверсия при наличии цели подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации либо нанесения вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды (п. «а» ч. 3 ст. 281 УК РФ).

Так, в мае 2023 г. ФСБ предотвратила диверсии украинских спецслужб на Ленинградской и Калининской АЭС. Диверсанты, прошедшие

специальную подготовку на Украине, незаконно пересекли российскую границу и попытались подорвать более 30 опор высоковольтных линий электропередач атомных электростанций с целью остановки ядерных реакторов и нарушения штатного режима работы АЭС. ФСБ задержала двоих украинских диверсантов и двоих российских пособников, обеспечивших этих преступников средствами связи и автотранспортом с поддельными номерами. Против членов группы возбудили уголовное дело по статьям «Диверсия» и «Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств» [19].

На наш взгляд, квалификация содеянного по п. «а» ч. 3 ст. 281, ст. 222.1 УК РФ является неполной. Диверсантов необходимо дополнительно привлечь к уголовной ответственности по ст. 281.2 УК РФ за прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности, в том числе приобретение знаний, практических умений и навыков в ходе занятий по физической и психологической подготовке, при изучении способов совершения указанных преступлений, правил обращения с оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми, отравляющими, а также иными веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих.

Действия российских пособников, обеспечивших диверсантов средствами связи и автотранспортом с поддельными номерами, надлежит квалифицировать по ч. 3 ст. 281.1 УК РФ «Содействие диверсионной деятельности». Действия лиц, организовавших совершение диверсий, руководивших их совершением, а равно организовавших финансирование диверсии, охватываются ч. 4 ст. 281.1 УК РФ. Организацию, руководство и участие в диверсионном сообществе следует дополнительно квалифицировать по ст. 281.3 УК РФ.

Большую сложность представляет уголовно-правовая оценка посятельств на АЭС и другие объекты атомной инфраструктуры, совершаемых вооруженными силами другого государства.

Ряд политиков и официальных государственных деятелей оценивает атаки Вооруженных сил Украины на АЭС как факт ядерного терроризма. Об этом не раз говорили пред-

ставители госкорпорации «Росатом». Схожую формулировку использовала и пресс-секретарь Министерства иностранных дел РФ Мария Захарова. По ее словам, власти Украины перешли к ядерному терроризму после того, как «под руководством коллективного Запада уничтожили свою страну, угробили народ Украины, подорвали мировую энергетическую и продовольственную безопасность» [12].

Часть ученых-юристов полагает, что подобные деяния можно квалифицировать как террористический акт. Например, Е. И. Бойнов пишет, что формулировкой «иные действия» в ст. 205 УК РФ охватывается и радиоактивное заражение местности как последствие аварии при нарушении технологического процесса производства объекта или радиоактивное заражение местности как последствие взрыва на объекте ЯПК. Ядерный терроризм отличается от обычного наличием цели нанесения ущерба экономической системе России [1].

Со сказанным сложно согласиться. Во-первых, согласно букве закона составы террористического акта и диверсии надлежит разграничивать по объекту преступного посягательства и специальной цели. Во-вторых, не будем забывать, что субъект и террористического акта, и диверсии – общий, а не специальный (военнослужащий, являющийся гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях).

Военные атаки на АЭС и другие элементы атомной инфраструктуры не признаются ядерным терроризмом и Международной конвенцией о борьбе с актами ядерного терроризма (МКБАЯТ), открытой для подписания в 2005 г. и вступившей в силу в 2007 г. В преамбуле данной конвенции указывается, что ее положения об установлении уголовной ответственности за повреждение ядерных объектов не распространяются на действия вооруженных сил во время вооруженного конфликта, поскольку они регулируются другими нормами международного гуманитарного права.

Нормы международного гуманитарного права (Четвертая Женевская конвенция, принятая 12 августа 1949 г. [4], и Дополнительный Протокол 1 к Женевским конвенциям, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. [3]) запрещают нападения на «гражданское насе-

ление и гражданские объекты» во всех случаях любого вооруженного конфликта. Статья 52 Дополнительного Протокола указывает на то, что гражданскими объектами являются все те объекты, которые не являются военными объектами; военные объекты ограничиваются теми объектами, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество. Статья 2 Конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г. гласит, что подписавшие стороны связаны конвенцией как во время войны, вооруженных конфликтов, когда война не была объявлена, так и при оккупации территории другой страны.

АЭС и другие элементы атомной энергосистемы являются разновидностями гражданских объектов и не могут признаваться легитимной целью в ходе вооруженного конфликта. Об этом неоднократно говорил глава МАГАТЭ Рафаэль Гросси.

С позиций международного права нападения на объекты атомной инфраструктуры во время вооруженного конфликта квалифицируются как военные преступления. В соответствии с Римским статутом Международного уголовного суда понятием «военные преступления» охватываются действия, нарушающие законы и обычаи ведения военных действий, выражающиеся в форме противоправных действий со стороны военнослужащих по отношению к мирному населению, а также путем использования запрещенных видов оружия и т. д. Статья 8 Статута к военным преступлениям относит серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в международных вооруженных конфликтах в установленных рамках международного права, а именно умышленные нападения на гражданские объекты, т. е. объекты, которые не являются военными целями (ii); умышленное совершение нападения, когда известно, что такое нападение явится причиной случайной гибели или увечья гражданских лиц или ущерба гражданским объектам или обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей природной среде, который будет явно несоизмерим с конкретным и

непосредственно ожидаемым общим военным превосходством (iv) [14]. Сказанное означает, что военные атаки на объекты ядерной энергетики в отечественном уголовном праве могут оцениваться по ст. 356 УК РФ «Применение запрещенных средств и методов ведения войны».

Как уже отмечалось, опасной криминологической тенденцией является осуществление различных кибернетических атак на объекты ядерной безопасности. В периодической печати к ним относят киберсаботаж, кибершпионаж, кибертерроризм, кибервымогательство и др. С точки зрения уголовного права кибернетические атаки на информационную инфраструктуру АЭС и других элементов атомной энергосистемы следует квалифицировать по специальным уголовно-правовым нормам. В частности, ст. 274.1 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации» предусматривает ответственность за деяния, повлекшие причинение вреда критической информационной инфраструктуре Российской Федерации: создание, распространение и (или) использование вредоносных компьютерных программ, заведомо предназначенных для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ч. 1), неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации (ч. 2), и нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации (ч. 3).

Совершение кибератак на критическую информационную инфраструктуру объектов атомной энергетики может сочетаться с совершением посягательств на государственную безопасность РФ. В этих случаях содеянное требует квалификации по правилам совокупности преступлений. В случае совершения кибератак и завладения сведениями, составляющими государственную тайну, иностранным гражданином или лицом без гражданства содеянное квалифицируется по ст. 274.1 и ст. 276 УК РФ «Шпионаж». Если подобные деяния совершены гражданином РФ, квалификация осуществляется ст. 274.1 и ст. 275 УК РФ. Пред-

ставляется, что правомерно было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ, гражданину России, который с помощью интернет-мессенджера вступил в украинское киберподразделение и осуществлял компьютерные атаки с применением вредоносного программного обеспечения на объекты критической информационной инфраструктуры страны [18].

Выводы:

1. Безопасности объектов атомной энергетики в настоящее время угрожают не столько природные катаклизмы, сколько криминальные посягательства. Преступные посягательства на объекты атомной энергетики разнообразны и чрезвычайно опасны. Они способны не только причинить крупный экономический ущерб, но и повлечь за собой радиоактивное загрязнение окружающей среды, радиационное облучение, заболевания и гибель животных и людей, возникновение генетических мутаций у последующих поколений.

2. Преступные посягательства можно классифицировать по предмету (физическая и информационная безопасность объектов атомной энергетики); по форме вины (умышленные и неосторожные); по субъекту (внутренние и внешние); по цели (военные, террористические, диверсионные).

3. В юридической литературе деяния, имеющие целью уничтожение или повреждение АЭС и других объектов атомной энергосистемы, относят к разновидностям технологического терроризма, ядерного терроризма, к преступлениям против атомной (ядерной) безопасности. Эти термины имеют криминологическое содержание и могут использоваться в документах уголовно-политического характера. С точки зрения уголовного права умышленные преступные посягательства на физическую безопасность объектов атомной энергетики могут быть квалифицированы различно в зависимости от признаков конкретного преступного деяния: как террористический акт (ч. 3 ст. 205 УК РФ), диверсия (п. «а» ч. 3 ст. 281 УК РФ), применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК РФ). Преступные посягательства на информационную безопасность объектов атомной энергетики квалифицируются по ст. 274.1 УК РФ как неправомерное воздействие на критическую

информационную инфраструктуру Российской Федерации. Совершение кибератак на критическую информационную инфраструктуру объектов атомной энергетики может сочетаться с совершением посягательств на государственную безопасность Российской Федерации. В этих случаях содеянное требует квалификации по правилам совокупности преступлений в зависимости от признаков специального субъекта: по ст. 276 УК РФ «Шпионаж» или ст. 275 УК РФ «Государственная измена».

Список использованных источников

1. *Бойнов Е. И.* Правовое обеспечение правоохранительных органов при выполнении ими задач по противодействию ядерному терроризму // Вестник Российского университета кооперации. 2014. № 4. С. 58–61.
2. В ФСБ назвали число обезвреженных на опорах ЛЭП Смоленской и Курской АЭС устройств // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2023/10/11/21478741.shtml?ysclid=m24p54sp65140733917> (дата обращения: 15.03.2025).
3. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901755843?ysclid=m2t4iengbl193136122> (дата обращения: 15.03.2025).
4. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны // Организация Объединенных наций: официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml (дата обращения: 15.03.2025).
5. *Золотухин И. Н., Бобыло А. М.* Ядерная безопасность в Юго-Восточной Азии: вызовы и направления сотрудничества // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 137–147.
6. *Лукацкий А. В.* Кибербезопасность ядерных объектов // Индекс безопасности. 2015. Т. 21, № 4. С. 117–130.
7. *Медведев Е. В.* Атомная безопасность как объект уголовно-правовой охраны // Государство и право: теория и практика: материалы I Международной науч. конф. (Челябинск, апрель 2011 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 181–182.
8. МИД: атаковавший Курскую АЭС дрон врезался в стену склада ядерных отходов // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230427/aes-1868183099.html?ysclid=m2t2gjs069356547679> (дата обращения: 15.03.2025).
9. *Парамузова О. Г.* Ядерная безопасность в условиях современного международного правопорядка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 389 с.
10. Патрушев рассказал о кибератаках на объекты атомной энергетики в России // Известия. URL: <https://iz.ru/1241750/2021-10-27/patrushev-rasskazal-o-kiberatakakh-na-obekty-atomnoi-energetiki-v-rossii> (дата обращения: 15.03.2025).
11. Попытка ВСУ атаковать Курскую АЭС: что известно, обстановка на станции, реакция МАГАТЭ // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2024/10/03/vsu-snova-popytalis-atakovat-kurskuyu-aes-po-stantsii-vypustili-chetyre-rakety-i-reaktivnyu-dron/?ysclid=m2t2q5m0xq173905113> (дата обращения: 15.03.2025).
12. После атаки на Запорожскую АЭС Москва обвинила Киев в «ядерном терроризме» // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6891290?ysclid=m2t4ooh6iy797015323e> (дата обращения: 15.03.2025).
13. *Пятаков С.* На Нововоронежской АЭС сообщили о последствиях атаки беспилотников ВСУ // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230427/aes-1868183099.html?ysclid=m2t2gjs069356547679> (дата обращения: 15.03.2025).
14. Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // <https://docs.cntd.ru/document/901750575?ysclid=m2bmpx0ik378382195> (дата обращения: 15.03.2025).
15. Росатом рассказал о последствиях атаки на Запорожскую АЭС // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/08/2024/66b92c1f9a7947324deecc66?ysclid=m2t2nrtsis431108306> (дата обращения: 15.03.2025).
16. Северокавказские сепаратисты готовят крупные теракты на энергетических объектах // Версия. URL: <https://versia.ru/severokavkazskie-separatisty-gotovyat-krupnye-terakty-na-yenergeticheskix-obektax?ysclid=m1t2z84zcv374565039> (дата обращения: 15.03.2025).
17. Терроризм в современном мире / под ред. В. Л. Шульца. М.: Наука, 2011. 606 с.
18. ФСБ задержала россиянина, вступившего подразделение украинских хакеров // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/19158723> (дата обращения: 15.03.2025).
19. ФСБ предотвратила теракты украинских спецслужб на российских АЭС // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230525/ataka-1873996570.html?ysclid=m2t450b62i625737730> (дата обращения: 15.03.2025).
20. Хакеры используют DDoS-атаки в качестве прикрытия, заявило Минцифры // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240215/khakery-1927516189.html?ysclid=m2sspc7zsw859288439> (дата обращения: 15.03.2025).
21. *Чайкина Е. А., Троякова Ю. К.* К вопросу о понятии «ядерный терроризм» // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 6. С. 28–32.

References

1. *Boynov E. I.* Legal support for law enforcement agencies in the performance of tasks to counter nuclear terrorism. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*. 2014. No. 4. P. 58–61 [in Russ].
2. The FSS named the number of devices neutralized on the power transmission line supports of the Smolensk and Kursk NPPs. *Gazeta.ru*. Available at: <https://www.gazeta.ru/army/news/2023/10/11/21478741.shtml?ysclid=m24p54sp65140733917> (date of access: 15.03.2025) [in Russ].
3. Additional Protocol I to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the victims of international

- armed conflicts, of 8 June 1977. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901755843?ysclid=m2t4iengbl193136122> (date of access: 15.03.2025) [in Russ].
4. Geneva Convention relative to the protection of civilian persons in time of war of 12 August 1949. *United Nations: official website*. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml (date of access: 15.03.2025) [in Russ].
5. Zolotukhin I. N., Bobylo A. M. Nuclear security in Southeast Asia: challenges and areas of cooperation. *Oikumena. Regional Studies*. 2020. No. 4. P. 137–147 [in Russ].
6. Lukatsky A. V. Cybersecurity of nuclear facilities. *Security Index*. 2015. Vol. 21. No. 4. P. 117–130 [in Russ].
7. Medvedev E. V. Nuclear security as an object of criminal law protection. State and Law: Theory and Practice: Proceedings of the I International Scientific Conference (Chelyabinsk, April 2011). Chelyabinsk: Dva Komsomoltsa Publ., 2011. P. 181–182 [in Russ].
8. Ministry of Foreign Affairs: the drone that attacked Kursk NPP crashed into the wall of a nuclear waste warehouse. *RIA Novosti*. Available at: <https://ria.ru/20230427/aes-1868183099.html?ysclid=m2t2gjs069356547679> (date of access: 15.03.2025) [in Russ].
9. Paramuzova O. G. Nuclear security in the context of the modern international legal order. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, 2006. 389 p. [in Russ].
10. Patrushev spoke about cyber attacks on nuclear power facilities in Russia. *Izvestia*. Available at: <https://iz.ru/1241750/2021-10-27/patrushev-rasskazal-o-kiberatakakh-na-obekty-atomnoi-energetiki-v-rossii> (date of access: 15.03.2025) [in Russ].
11. Attempt of the Ukrainian Armed Forces to attack the Kursk NPP: what is known, the situation at the station, the IAEA response. *Lenta.ru*. Available at: <https://lenta.ru/news/2024/10/03/vsu-snova-popytalis-atakovat-kurskuyu-aes-po-stantsii-vypustili-chetyre-rakety-i-reaktivnyy-dron/?ysclid=m2t2q5m0xq173905113> (date of access: 15.03.2025) [in Russ].
12. After the attack on the Zaporizhzhya NPP, Moscow accused Kiev of "nuclear terrorism". *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6891290?ysclid=m2t4o0h6iy797015323e> (date of access: 15.03.2025) [in Russ].
13. Pyatakov S. The Novovoronezh NPP reported the consequences of the attack by Ukrainian Armed Forces drones. *RIA Novosti*. Available at: <https://ria.ru/20230427/aes-1868183099.html?ysclid=m2t2gjs069356547679> (date of access: 15.03.2025) [in Russ].
14. Rome Statute of the International Criminal Court of July 17, 1998. <https://docs.cntd.ru/document/901750575?ysclid=m2bmpx0ik378382195> (date of access: 15.03.2025) [in Russ].
15. Rosatom spoke about the consequences of the attack on the Zaporizhzhya NPP. *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/12/08/2024/66b92c1f9a7947324deecc66?ysclid=m2t2nrtsis431108306> (date of access: 15.03.2025) [in Russ].
16. North Caucasian separatists are preparing major terrorist attacks on energy facilities. *Versiya*. Available at: <https://versia.ru/severokavkazskie-separatisty-gotovyat-krupnye-terakty-na-yenergeticheskix-obektax?ysclid=m1t2z84zcv374565039> (date of access: 15.03.2025) [in Russ].
17. Shultz V. L. (Ed.) Terrorism in the modern world. Moscow: Nauka, 2011. 606 p. [in Russ].
18. FSS detained a Russian who joined a unit of Ukrainian hackers. *TASS*. Available at: <https://tass.ru/proisshestiya/19158723> (date of access: 15.03.2025) [in Russ].
19. FSS prevented terrorist attacks by Ukrainian special services at Russian nuclear power plants. *RIA Novosti*. Available at: <https://ria.ru/20230525/ataka-1873996570.html?ysclid=m2t450b62i625737730> (date of access: 15.03.2025) [in Russ].
20. Hackers use DDoS attacks as a cover, the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media said. *RIA Novosti*. Available at: <https://ria.ru/20240215/khakery-1927516189.html?ysclid=m2sspc7zsw859288439> (date of access: 15.03.2025) [in Russ].
21. Chaikina E. A., Troyakova Yu. K. On the concept of "nuclear terrorism". Modern scientific research and innovation. 2017. No. 6. P. 28–32 [in Russ].

Поступила в редакцию 23.04.2025
Received April 23, 2025

Небратенко Геннадий Геннадиевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственно-правовых
дисциплин, Академия управления
МВД России, 125993, г. Москва, ул. Зои
и Александра Космодемьянских, д. 8;
профессор кафедры теории и истории
государства и права,
Южно-Российский институт управления –
филиал РАНХиГС, 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 70/54,
email: gennady@nebratenko.ru

Трубкина Ольга Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминалистики,
Восточно-Сибирский институт
МВД России, 664071, г. Иркутск,
ул. Лермонтова, д. 110,
email: 1234q@mail.ru

Харченко Дмитрий Анатольевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры организации судебной
и правоохранительной деятельности,
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета
правосудия имени В. М. Лебедева,
664074, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23 А,
email: 300su@mail.ru

Nebratenko, Gennady G.,
Doctor of Law, Professor, Professor of the
Department of State and Legal Disciplines,
Academy of Management of the MIA of Russia,
8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Str.,
Moscow, 125993, Russian Federation;
Professor of the Department of Theory and
History of State and Law, South-Russian Institute
of Management of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
70/54 Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation
email: gennady@nebratenko.ru

Trubkina, Olga V.,
PhD in Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminalistics,
East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
110 Lermontov Str., Irkutsk,
664071, Russian Federation,
email: 1234q@mail.ru

Kharchenko, Dmitry A.,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department
of Organization of Judicial and Law Enforcement
Activities, East Siberian branch of the Lebedev
Russian State University of Justice,
23 A Ivan Franko Str., Irkutsk,
664074, Russian Federation,
email: 300su@mail.ru

ТАКТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗОБЛАЧЕНИЯ ЛЖИ В ПОКАЗАНИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОСТОЯНИИ ФРУСТРАЦИИ



TACTICAL AND PSYCHOLOGICAL FEATURES OF EXPOSING LIES IN THE TESTIMONY OF MINORS IN A STATE OF FRUSTRATION

АННОТАЦИЯ. В статье в результате проведенного анализа правовой доктрины правоприменительной практики, данных официальной статистики и эмпирического материала представляется портрет несовершеннолетних преступников, находящихся в состоянии фрустрации. Фрустрация как острое состояние «рас-

ABSTRACT. The article, based on an analysis of scientific literature, law enforcement practice, official statistics and empirical material, presents a portrait of juvenile offenders in a state of frustration. Frustration, as an acute state of “disruption of plans”, if it develops in minors over a long period of time, becomes a forensically significant property of their

стройства планов» в случае ее формирования у несовершеннолетних в течение длительного времени становится криминалистически значимым свойством их личности, определяющим характер преступных действий, оказывая дезорганизирующее влияние на психику, сознание и поведение. Фрустрация несовершеннолетних при наличии ее признаков входит в обязательный предмет доказывания, выявляясь посредством широкого изучения свойств их личности следователем, истребования характеризующего материала, производства допросов близких лиц, педагогов. Исследованием устанавливается существенность влияния эмоционального напряжения детей и подростков на характер противодействия раскрытию и расследованию преступлений, в том числе при производстве следственных действий с их участием. Представлены тактические и психологические рекомендации диагностирования и преодоления ложных показаний несовершеннолетних, находящихся в состоянии фрустрации. Особый дифференцированный подход к выявлению, оценке и устранению ложных показаний несовершеннолетних, находящихся в состоянии фрустрации, обеспечиваемый целесообразными, адекватными следственной ситуации рекомендациями, позволит решать задачи правосудия более эффективно.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: несовершеннолетний, фрустрация, ложь, допрос, установление контакта, тактические приемы, психология

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Небрatenko, Г. Г. Тактические и психологические особенности разоблачения лжи в показаниях несовершеннолетних, находящихся в состоянии фрустрации / Г. Г. Небрatenko, О.В. Трубкина, Д.А. Харченко. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 101–110. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-12

Введение. Актуальность научной статьи предопределяется назревшей практической необходимостью тщательного всестороннего изучения личности несовершеннолетних, испытывающих состояние фрустрации, установления ее форм, фрустрационного формирования умысла, содержания всех звеньев способа совершения преступления, его зависимости от внешних и внутренних фрустраторов, характера противодействия расследованию в целом и в процессе производства допросов в частности, а также представления рекомендаций по выявлению, оценке и устранению ложных показаний. Кроме того, актуальность статьи определяется тем, что имеющиеся в арсенале правоохранителей рекомендации, касающиеся тактики допроса несовершеннолетних, в определенной мере устарели в связи

с глубинными изменениями в современных социальных условиях личностных характеристик несовершеннолетних. Борьба с преступностью несовершеннолетних как один из способов профилактики последней, несмотря на постоянное исследование учеными, сегодня находится на одном из главенствующих мест, является одной из приоритетных задач государства. Как верно указывает В. Славкович, преступность несовершеннолетних – это проблема, с которой сталкивались бесчисленные поколения, но в последнее время она приобретает все более жестокие масштабы, подобно эпидемии [18, с. 103]. 2018–2027 годы объявлены в Российской Федерации десятилетием детства [12], и до 2025 г. руководством страны предполагалось достижение показателей четкого снижения уровня противоправ-

KEYWORDS: minor, frustration, lies, interrogation, establishing contact, tactical techniques, psychology

FOR CITATION:

Nebratenko, G. G., Trubkina, O. V., Kharchenko D. A. (2025) Tactical and Psychological Features of Exposing Lies in the Testimony of Minors in a State of Frustration. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 12(2): 101–110 [in Russ.]. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-12

с глубинными изменениями в современных социальных условиях личностных характеристик несовершеннолетних.

Борьба с преступностью несовершеннолетних как один из способов профилактики последней, несмотря на постоянное исследование учеными, сегодня находится на одном из главенствующих мест, является одной из приоритетных задач государства. Как верно указывает В. Славкович, преступность несовершеннолетних – это проблема, с которой сталкивались бесчисленные поколения, но в последнее время она приобретает все более жестокие масштабы, подобно эпидемии [18, с. 103]. 2018–2027 годы объявлены в Российской Федерации десятилетием детства [12], и до 2025 г. руководством страны предполагалось достижение показателей четкого снижения уровня противоправ-

ного поведения и иных антиобщественных проявлений со стороны несовершеннолетних [9]. Тем не менее статистические официальные данные свидетельствуют о том, что регистрируемая на территории России преступность несовершеннолетних, несмотря на ее снижение за последние пять лет (примерно на 20 %), остается на стабильно высоком уровне. В 2020 г. 33 575 преступлений совершено несовершеннолетними или при их соучастии, в 2021 г. – 29 126, в 2022 г. – 30 469, в 2023 г. – 27 325, в 2024 г. – 26 398 [10].

Раскрытие и расследование преступлений, совершенных несовершеннолетними, направлено в первую очередь на реализацию воспитательных задач, что обеспечивается положениями главы 50 УПК РФ, требования которой предполагают достаточно обширный перечень изъятий, обеспечивающих соблюдение правовых гарантий детей и подростков. Данное обстоятельство, учитывая возрастные и психологические особенности несовершеннолетних, вполне оправданно, что находит отражение в постоянном расширении законодателем данной главы Кодекса и более серьезном подходе сотрудников правоохранительных органов к работе с ними. Мы согласны с Т. Н. Михайловой, указывающей на острую необходимость использования ювенальных технологий в отношении несовершеннолетних: «...ошибки, совершенные в ранние периоды жизни человека, выступают проявлением последствий несформированной психики и низкого уровня способностей к пониманию и осознанию противоправного характера девиантного поведения [6, с. 157]».

Безусловно, особый правовой подход и соответствующая защита соблюдаются при проведении любых процессуальных действий с участием несовершеннолетних, и в частности самого распространенного, информативного и важного из них – допроса. Расширенный предмет доказывания в преступлениях несовершеннолетних предопределяет большее количество допросов, проводимых при расследовании уголовных дел, так как выявление необходимой информации, как отражающей событие преступления, так и характеризующей личность, зачастую обеспечивается истребованием вербальной информации у представителей несовершеннолетнего, его родственников, педаго-

гов, друзей и знакомых. Такие допросы сложны по своей структуре и многоэлементны, так как их предмет расширен, а тактика определена не просто отношением к событию преступления, но и взаимосвязью с несовершеннолетним, особым психологическим подходом, серьезностью и тщательностью подготовки.

Однако наибольшую криминалистическую ценность все-таки представляет допрос самого несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в тех ситуациях, когда он производится в условиях бесконфликтной ситуации и хорошего коммуникативного контакта со следователем. Мы согласны с А. И. Миллюсом, указывающим на то, что «получение криминалистически значимой информации от первого лица заметно ускоряет и углубляет процесс расследования при том условии, что данная информация дана правдиво и в совокупности сочетается с иными доказательствами» [5, с. 111].

Любой допрос в психологическом и тактическом аспектах является проблемным, диктуя следователю «необходимость понимания и внедрения в психологию допрашиваемого субъекта, а также воздействия на него» [17, с. 228]. Данное обстоятельство особо актуально при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, либо при осуществлении допросов детей и подростков иного процессуального статуса, находящихся в состоянии фрустрации, т. е. испытывающих длительное и стойкое психологическое напряжение, обусловленное невозможностью удовлетворения желаемых целей. Выявленная нами типичность и проблемность таких ситуаций предопределяет острую необходимость совершенствования тактических и психологических рекомендаций по производству допросов, проводимых с участием несовершеннолетних данной категории.

Взаимосвязь базовых потребностей и структуры жизненных стремлений несовершеннолетних является объектом исследования психологов и криминологов достаточно длительное время. Так, зависимости девиантного поведения несовершеннолетних от фрустрации посвящали свои исследования Ю. М. Антонян, Е. Г. Дозорцева, О. А. Ефремова, Ю. А. Зайцев, Е. В. Змановская, Е. В. Кучинская, Э. В. Леус, А. Е. Личко, В. Д. Макушкин, Н. Г. Назарова, В. В. Насекин, Д. С. Ошевский,

В. Ф. Пирожков, В. Ю. Рыбников, Л. М. Семенов, П. И. Сидоров, А. Г. Соловьев, К. В. Сыроковашина, С.А. Терехина, Г. Г. Шиханцов, В. Е. Эминов, В. В. Юстицкий и др. Во всех современных центрах практической психологии специалисты уделяют пристальное внимание прямой взаимосвязи неуверенности, тревожности, фрустрации и депрессии несовершеннолетних с уровнем их агрессии, раздражительности и импульсивности. Психологические портреты несовершеннолетних группы повышенного риска, в том числе содержащихся в воспитательных учреждениях, всегда составляются с учетом наличия стадии фрустрации, которая в подавляющем большинстве случаев оценивается как значительная. Обращение к термину «фрустрация» или к понятиям, по сути отражающим ее содержание, типично в исследованиях мотивов и причинности преступлений несовершеннолетних, чаще криминологического направления [1]. Однако сущность и содержание фрустрации несовершеннолетних в контексте ее криминалистически значимого отражения в следах преступления различных видов учеными несколько недооценивается, недостаточно используется возможность достижений современной юридической психологии в решении тактических задач устранения конфликтных ситуаций.

Таким образом научная новизна, которой характеризуется данная научная статья, предопределяется рассмотрением в авторской интерпретации особенностей разоблачения лжи в показаниях несовершеннолетних, находящихся в состоянии фрустрации. Практическая значимость проведенного исследования не вызывает сомнения, поскольку оно адресовано сотрудникам органов предварительного расследования, часто сталкивающимся в своей профессиональной деятельности с необходимостью производства вербальных следственных действий с участием несовершеннолетних, находящихся в состоянии фрустрации.

Психологический портрет несовершеннолетних преступников, находящихся в состоянии фрустрации, влияние последней на механизм преступной деятельности и характер противодействия. Бесспорно, что, «фрустрация, или своеобразное состояние невозможности удовлетворения желаемых потребностей, вызывает психическое напряжение у челове-

ка любого возраста, но несовершеннолетние в связи со слабой сформированностью волевых личностных качеств по преодолению проблем, низкой жизнестойкостью ощущают ее тяжелее; представляя свое будущее в мрачных тонах и излишне идеализируя недостижимые материальные блага, становятся аффективнее в достижении желаемого и агрессивнее в любых конфликтах» [15, с. 32].

Особенностями фрустрации детей и подростков, совершающих противоправные деяния, являются ее существенность и значимость, яркая выраженность эмоционально-психологического напряжения, массовость фрустраторов, причем «препятствиями на пути к удовлетворению потребностей могут быть как внешние, так и внутренние индивидуальные причины... первичные и вторичные потребности; внутренние и внешние; базовые (витальные, биологические, физиологические) и высшие (психологические, духовные). Выражаются они в виде намерений, влечений, стремлений, побуждений, желаний. При неудовлетворенности подобных побуждений, когда определенная нереализованная потребность уже начинает беспокоить и вызывать отрицательные эмоциональные реакции, возникает состояние фрустрации» [2, с. 24].

По сути, фрустрация несовершеннолетних в виде длительных переживаний, отсутствия тормозных реакций, дефектов их психологического состояния сама по себе предопределяет механизм преступления и характер противодействия раскрытию и расследованию, которое наиболее ярко и даже демонстративно проявляется при общении с сотрудниками правоохранительных органов, в частности при осуществлении допросов. Безусловная прямая зависимость фрустрации и агрессивности, когда «фрустрация порождает агрессию, а агрессия есть следствие фрустрирующей ситуации» [2, с. 25], предопределяет сложность установления коммуникативного контакта, формирование и развитие конфликтной ситуации со строгим соперничеством.

Допрос несовершеннолетнего, в случае как бесконфликтной, так и конфликтной ситуации всех разновидностей, кардинально отличается от допроса взрослого лица, требуя от следователя приложения максимальных усилий к его подготовке и проведению, являясь по своей

сути не только следственным действием, но и своеобразной формой общения, носящей психологический и педагогический характер. Однако наибольшую сложность однозначно представляет допрос несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в состоянии фрустрации. Получение действительно правдивой и полной информации в результате допроса несовершеннолетнего в состоянии фрустрации зависит не только от готовности ее предоставления допрашиваемым, но и от умения следователя ее истребовать должным образом, адекватно психологической характеристике и следственной ситуации. Оно сопряжено с трудностями и зачастую проблемами, решение которых предполагает тщательную подготовку к допросу и умение реализации тактических приемов в его рабочей стадии. Однако в первую очередь результативность допроса зависит от верной диагностики правдивости показаний и стремления несовершеннолетнего сотрудничать со следователем.

Согласно проведенному нами исследованию, которое осуществлялось посредством изучения правоприменительной практики в виде уголовных дел, приговоров и материала, характеризующего личности несовершеннолетних, свидетельствующего о наличии фрустрации, было выявлено типичное двойное ее проявление при истребовании у них информации следователем:

- отказ от дачи показаний (около 85 %);
- активная дача показаний и пояснений, дальнейшее их подтверждение на очных ставках, при проверке и уточнении показаний на месте (около 15 %).

Причем в обеих ситуациях общение со следователем практически всегда сопровождалось демонстративной агрессивностью и негативным отношением как к правоохранительным органам в целом, так и к следователю в частности, явной антисоциальной направленностью допрашиваемого.

Нельзя утверждать, что реализация задач допроса несовершеннолетнего в состоянии фрустрации всегда сложнее, чем общение с уравновешенным и менее напряженным ребенком. Во втором из выявленных нами видов дачи показаний следователю достаточно их систематизировать, зафиксировать и соотнести с иными доказательствами, что, соответственно,

не представляет особой сложности. Хотя достаточно часто несовершеннолетние в состоянии фрустрации меняют показания либо отказываются от их дачи в суде, заявляя, что при производстве предварительного расследования к ним применялось физическое и психическое насилие. Типичность таких ситуаций объективно диктует следователю необходимость более тщательного поиска иных доказательств вины.

Безусловно, несовершеннолетний, не испытывающий фрустрации, может давать ложные либо частично ложные показания, создавая видимость передачи им достоверной информации, активно давать показания и пояснения, убеждать в своей правоте. Причинами и, соответственно, мотивами дачи ложных показаний такими несовершеннолетними, помимо типичных, направленных на стремление избежать уголовной ответственности либо ее смягчить, являются: боязнь наказания со стороны родителей или педагогов; опасение причинения неприятностей близким; нежелание выглядеть «слабым» в группе товарищей; чувство ложного товарищества при совершении преступления группой лиц; стремление подражать авторитетному человеку. Такие допросы требуют применения адекватных тактических и психологических приемов, и достаточно часто следователь успешно устанавливает коммуникативный контакт с детьми и кардинально преобразует ситуацию в бесконфликтную сторону.

Однако такие мотивы нетипичны для несовершеннолетних в состоянии фрустрации. Их ложь крайне редко приобретает форму изворотливости, гибкости, замысловатости и хитрости. Отказываясь от дачи показаний, несовершеннолетние в состоянии фрустрации более руководствуются в своей лжи агрессивными безапелляционными побуждениями, их показания крайне редко вуалируются. Несовершеннолетние в состоянии фрустрации чаще других сверстников совершают преступления против жизни и здоровья либо корыстно-насильственные, причем, согласно материалам уголовных дел, характеризующих личности виновных, фрустрация вызывает агрессию у тех лиц, которые уже усвоили привычку реагировать на раздражители либо аверсивные стимулы импульсивно и резко.

Несовершеннолетние в состоянии фрустрации выражают своим поведением постоянную

готовность к агрессивным действиям как при совершении преступления, так и при общении со следователем во время допроса. Причем чем интенсивнее фрустрация, тем более выражена агрессия, и, так как следователь также является своеобразным фрустратором, препятствующим достижению их целей, негативное отношение и злоба будут в подавляющем большинстве случаев сопровождать коммуникацию.

Так, несовершеннолетний Д., проживающий в неблагополучной семье, испытывающий стойкую фрустрацию на протяжении многих лет, неоднократно заявлял о ненависти к сверстникам из семей с достаточным материальным достатком. Осознавая невозможность преодолеть препятствия к удовлетворению материальных потребностей, Д. получал удовольствие и достигал эмоционального равновесия посредством причинения телесных повреждений более обеспеченным сверстникам в частых драках, уничижительном отношении и демонстрации физического превосходства. Д. состоял на профилактическом учете в подразделении по делам несовершеннолетних ОВД за употребление спиртных напитков, которое также являлось своеобразной компенсацией фрустрации, и систематическое совершение хулиганских действий. Систематическое деструктивное проявление Д. агрессии привело к совершению в соучастии с совершеннолетним лицом разбоя. Примечательно, что, причиняя телесные повреждения, Д. действовал с неоправданной жестокостью, нанося множественные значительной силы удары по голове уже потерявшему сознание потерпевшему, находясь в дневное время в центре города и сопровождая свои действия громкими криками и нецензурной бранью. Во время задержания сотрудниками полиции Д. оказывал активное сопротивление. При проведении предварительного расследования Д. давал показания достаточно охотно, подтверждая их на очных ставках, проверке показаний на месте, демонстративно высказывая пренебрежительное отношение к потерпевшему. В отношении следователя Д. вел себя вызывающе, дерзко. В суде Д. отказался от дачи показаний, что не явилось препятствием для вынесения приговора [7].

Тактические и психологические рекомендации истребования информации у несовершеннолетних в состоянии фрустрации.

При существовании вероятности дачи ложных показаний несовершеннолетним и наличии у него первичных признаков фрустрации следователь должен более тщательно готовиться к допросу, предвидя разные варианты его развития, разрабатывая несколько вариантов плана и несколько перечней выясняемых вопросов, с обязательным учетом необходимости оберегать допрашиваемого от психотравмирующих ситуаций, тщательной оценкой формулировок вопросов. Современная практика следственных подразделений показывает, что в связи с ограниченностью времени изучению личности подозреваемых (обвиняемых) не уделяется достаточного внимания [14, с. 143], что, безусловно, сказывается отрицательно на эффективности следственных действий.

Залогом результативности допроса несовершеннолетнего в состоянии фрустрации является его тщательная подготовка, которая, по верному заключению А. В. Варданяна и А. А. Говорова, состоит из нескольких направлений: изучение материалов уголовного дела, личности допрашиваемого и использование различных форм специальных знаний [3, с. 132]. Каждое направление должно носить углубленный характер с тщательной оценкой степени эмоционального напряжения ребенка в контексте не только его индивидуальных характеристик, но и отражения психологических проблем в следах преступления.

Кроме традиционных, стабильных и апробированных практической деятельностью элементов подготовки следователя к допросу несовершеннолетних лиц, при работе с исследуемым типом детей и подростков необходимо осуществлять дополнительные. Так, относительно коммуникативной агрессивности таких несовершеннолетних стоит не только готовиться к ее нейтрализации, но и принять меры к уменьшению степени напряжения. Допрос несовершеннолетнего в состоянии фрустрации целесообразнее проводить в кабинете следователя, осуществляя фиксацию хода следственного действия с помощью видеозаписи, что подчеркнет важность происходящего, поможет в устранении высокомерности и заносчивости допрашиваемого, исключит восприятие допроса в качестве увещательной беседы. Время допроса таких несовершеннолетних должно выбираться с учетом отсутствия посторонних

лиц, желательно устранять конфликтную ситуацию с помощью имеющегося арсенала уличающих доказательств, информации о личностных качествах, детального анализа фрустрации.

Выявить признаки и установить формы фрустрации, фрустраторы, содержание, степень и характер проявления возможно в результате исследования, по сути, типичных при изучении личности несовершеннолетних элементов: социально-демографических данных, психофизиологических свойств, характера трудовой (учебной) деятельности и удовлетворения ею, отношения несовершеннолетнего к коллективу (трудовому, учебному) и коллектива к нему, условий жизни и воспитания, отношений в семье. Кроме того, особое внимание необходимо уделять характеру проведения досуга, кругу друзей, знакомых взрослых лиц, их характеристике (хотя бы поверхностной), медицинским документам, отражающим состояние здоровья несовершеннолетнего.

Выводы о наличии, характере и степени фрустрации несовершеннолетнего могут быть получены в результате следующих действий:

- *Тщательное изучение материалов уголовного дела, особенно протоколов осмотра места происшествия и допросов лиц, в которых могут быть отражены признаки фрустрации.* Так, несовершеннолетний М. совершил разбой и убийство. Наглядные признаки фрустрации М. отразились в следах на месте происшествия, например в излишнем повреждении предметов обстановки квартиры посредством ударов молотком, повреждениях на теле погибшей – черепно-мозговой травме в форме ушиба головного мозга тяжелой степени (размозжение вещества мозга в лобной и теменной области слева), с переломами костей свода черепа (вдавленный локально-конструкционный перелом лобной кости слева, вдавленный локально-конструкционный перелом левой теменной кости); в состоянии М., характеризовавшемся алкогольным опьянением в момент совершения преступления и синдромом зависимости от алкоголя, при смешанном расстройстве личности; в мотиве убийства М. женщины-инвалида, выраженном в хищении самогона и двух мобильных телефонов стоимостью менее 1000 рублей, металлического браслета стоимостью 250 рублей, кулона на цепочке стоимостью 150 рублей, денег в сумме 800 рублей. Безусловные

признаки фрустрации были выявлены в результате допросов многочисленных свидетелей: М. всегда носит при себе предметы, используемые в качестве оружия: арматуру, нож, молоток; в состоянии алкогольного опьянения агрессивен, высказывает ненависть к лицам, материально обеспеченным. В несовершеннолетнем возрасте М. неоднократно привлекался к уголовной ответственности, по месту жительства, месту учебы характеризуется отрицательно; к нему применялись принудительные меры воспитательного воздействия, но, как видно, безуспешно [8].

- *Анализ внешнего вида и одежды.* При всей индивидуальности личности возможно выделить характерные внешние черты таких детей и подростков. Одним из проявлений существенной фрустрации является самоповреждение, или селфхарм, – умышленное или, чаще, неосознаваемое нанесение повреждений на свое тело в виде расчесывания шрамов, несущественных порезов, расцарапывания кожи, в основном возле ногтей; кроме того, эмоционально нестабильные дети часто забывают о личной гигиене. Демонстративно настроенные подростки проявляют бунтарство и в одежде, стремясь выглядеть нестандартно, а также привлекая внимание необычными стрижками, окрашиванием волос, татуировками.

- *Анализ поведения несовершеннолетнего.* В первую очередь это эмоциональная восприимчивость, ранимость, импульсивность, неудовлетворенность, дискомфорт, конфликтность, готовность проявить негативные чувства при незначительном возбуждении, доминантность, оппозиционная манера поведения при отсутствии социальной кооперации, а также хлопанье дверями, попытка причинить телесные повреждения следователю, присутствующим на допросе лицам, разорвать документы, сопровождающие вербальную агрессию. Относительно выражения лица таких несовершеннолетних необходимо отметить крайнее проявление эмоций: либо агрессивное, с вызовом, либо усталое и напряженное; им присуща закрытая поза и определенная сторбленность, избегание прямого контакта глазами с собеседником.

Безусловно, результаты наблюдения следователя за несовершеннолетним должны подтверждаться специалистом-психологом, который поможет квалифицированно оценить как

вербальные, так и паравербальные (акустические) признаки фрустрации. Целесообразно использование специальных психологических знаний при непрерывном сопровождении уголовного дела одним либо несколькими специалистами-психологами: при подготовке и производстве следственных действий, изучении документов, характеризующих личность несовершеннолетнего, его близких лиц и соучастников, составлении психологического портрета с признаками фрустрации и ее интенсивности, выявлении фрустраторов, их природы, характера, сопутствующих субъектов, возможности и способов нейтрализации. Психологи, присутствуя при допросе, могут обратить внимание следователя на наличие признаков заученности текста, понятий, выражений и категорий, несвойственных для определенного возраста и указывающих на оказание влияния на показания несовершеннолетнего кого-то из взрослых лиц [16, с. 122].

Определив ложность показаний и установив их причину, следователь должен соотнести их содержание с выявленными следами преступления, заключениями экспертиз, иными показаниями, детализировать сообразно механизму преступления и всем его элементам. Кроме того, при тщательном изучении личности несовершеннолетнего следует установить наиболее приемлемую и адекватную линию поведения для психологического контакта, реализации тактических приемов при целесообразном психологическом воздействии. Весь арсенал диагностических методов, от наблюдения, оценки и формулирования выводов во время бесед и вопросов до тщательного анализа всех материалов уголовного дела, характеристик, автобиографии несовершеннолетнего и иных лиц, необходим при формировании образа субъекта противодействия для последующих попыток его преодоления [11, с. 138]. В связи с этим мы согласны с В. С. Кряжевым и Д. А. Степаненко, считающими, что «при всем многообразии тактических приемов важным является своевременность применения того или иного коммуникативного поведенческого акта, который составляет основу тактического приема» [4, с. 128]. Как правильно указывает С. И. Усачев, «грамотно спланированный и организованный допрос может сыграть ключевую роль для дальнейшего хода предварительного расследо-

вания, повлияет на формирование этапа планирования и позволит сформулировать качественные следственные версии» [13, с. 145].

Подростки в состоянии фрустрации, характеризующиеся отрицательно, употребляющие спиртные напитки или наркотические средства, состоящие на различных учетах как неблагополучные, практически не поддаются эмоциональному воздействию, воспринимая его проявления агрессивно; более целесообразными приемами устранения ложных показаний при допросах в таких ситуациях являются приемы логического воздействия и демонстрации отсутствия соответствия их показаний действительности. Наиболее действенными из них являются предъявление видеозаписи пребывания лица на месте преступления, имеющих доказательств и получение признания путем обвинения других участников группы в случае внутренних конфликтных ситуаций при использовании реальных противоречий между лицами.

Основные выводы. Таким образом, изменение установки несовершеннолетнего в состоянии фрустрации на дачу ложных показаний и вероятность их устранения зависят от формы и степени психологического напряжения. Причем при серьезной подготовке следователя и психологов ложь может быть устранена не только логическим воздействием и демонстрацией отсутствия соответствия показаний действительности, но и приемами эмоционального воздействия. В любом случае, при совершении самых различных антиобщественных деяний такие дети и подростки остро нуждаются в сочувствии, зачастую принимают его с благодарностью и, при достижении уважения к следователю и установлении должного психологического контакта, вполне реально идут на контакт и дают правдивые показания.

Следователю в таких ситуациях необходимо действовать как психологу, осуществляя совместный с ребенком поиск возможностей для улучшения его психического состояния и устранения фрустрации. Рекомендуется помочь научиться оценивать себя как личность, находить положительные стороны жизни, достойные авторитеты, планировать реалистичные цели и задачи, ставить учебные цели, соответствующие их возрасту и способностям, устанавливать верные приоритеты, что позво-

лит избежать перегрузки, уменьшить фрустрацию и решить задачи расследования.

Список использованных источников

1. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминологическое исследование. М.: Норма, 2010. 368 с.

2. Валиуллина Е. В. Психическое состояние фрустрации // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 1-9. С. 24–26.

3. Варданыан А. В., Говоров А. А. Общие положения допроса подозреваемых, обвиняемых по делам о нецелевом расходовании бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1. С. 127–136.

4. Кряжев В. С., Степаненко Д. А. Некоторые тактические и организационные особенности допроса потерпевших и свидетелей при расследовании преступлений террористической и экстремистской направленности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 1. С. 124–134.

5. Миллюс А. И. Особенности тактики допроса подозреваемого (обвиняемого) при расследовании преступлений, связанных с хищениями нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1. С. 109–117.

6. Михайлова Т. Н. Возраст несовершеннолетнего лица в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном аспектах // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 4. С. 155–163.

7. Приговор Ангарского городского суда от 8 мая 2020 г. по делу № 1-185/2020 // Архив Ангарского городского суда (Иркутская область).

8. Приговор Казачинско-Ленского районного суда от 30 июля 2021 г. по делу № 1-52/2020 // Архив Казачинско-Ленского районного суда (Иркутская область).

9. Распоряжение Правительства Российской Федерации «О Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» от 29.05.2015 № 996-п // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402 (дата обращения: 05.02.2025).

10. Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/2> (дата обращения: 05.02.2025).

11. Трубкина О. В., Третьякова Е. И. Противодействие расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними: сущность и особенности преодоления // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1. С. 130–140.

12. Указ Президента Российской Федерации «Об объявлении в Российской Федерации десятилетия детства» от 29.05.2017 № 240 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_288278 (дата обращения: 05.02.2025).

13. Усачев С. И. Некоторые тактические особенности проведения допроса представителя потерпевшего при расследовании мошенничества в сфере автострахования // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1. С. 140–146.

14. Хайруллова Э. Т. Применение психологических приемов в тактике допроса подозреваемых и обвиняемых // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 4. С. 138–145.

15. Харченко Д. А. К вопросу о способе совершения преступлений против личности несовершеннолетними, находящимися в состоянии фрустрации // Глаголь правосудия. 2024. № 1. С. 30–33.

16. Шаевич А. А., Герих А. В. Значение и организационные проблемы участия психолога в расследовании и профилактике преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 4. С. 118–125.

17. Шишмарева Е. В., Таюрская Е. А., Третьякова Е. И. Тактические особенности допроса подозреваемых, обвиняемых женщин в условиях конфликтной ситуации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 4. С. 227–238.

18. Slavkovich V. School shootings perpetrated by the minors and extended juvenile jurisdiction (Скулшутинг. Особенности ювенальной юрисдикции) // Вестник юридического факультета ЮФУ. 2023. Т. 10, № 4. С. 103–119.

References

1. Antonyan Y. M., Eminov V. E. The identity of the criminal. Criminological and psychological research. Moscow: Norma Publ., 2010. 368 p. [in Russ.].

2. Valiullina E. V. The mental state of frustration. *Modern Trends in the Development of Science and Technology*. 2017. No. 1-9. P. 24–26 [in Russ.].

3. Vardanyan A. V., Govorov A. A. General provisions of interrogation of suspects, accused in cases of misuse of budgetary funds and funds of state extra-budgetary funds. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. No. 1. P. 127–136 [in Russ.].

4. Kryazhev V. S., Stepanenko D. A. Some tactical and organizational features of the interrogation of victims and witnesses in the investigation of crimes of terrorist and extremist orientation. *Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2024. No. 1. P. 124–134 [in Russ.].

5. Milius A. I. Peculiarities of tactics of interrogation of a suspect (accused) in the investigation of crimes related to the theft of oil and petroleum products during their storage and transportation. *Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2021. No. 1. P. 109–117 [in Russ.].

6. Mikhailova T. N. The age of a minor in criminal law and criminal procedure aspects. *Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2024. No. 4. P. 155–163 [in Russ.].

7. The verdict of the Angarsk City Court dated May 8, 2020 in case No. 1-185/2020. *Archive of the Angarsk City Court (Irkutsk region)* [in Russ.].

8. The verdict of the Kazachinsk-Lena District Court dated July 30, 2021 in Case no. 1-52/2020. *Archive of the Kazachinsk-Lena District Court (Irkutsk region)* [in Russ.].
9. Decree of the Government of the Russian Federation “Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025” dated 29.05.2015 No. 996-r. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402 (date of access: 05.02.2025) [in Russ.].
10. The state of crime. *Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official website*. Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/2/> (date of access: 05.02.2025) [in Russ.].
11. *Trubkina O. V., Tretyakova E. I.* Countering the investigation of crimes committed by minors: the essence and features of overcoming. *Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2021. No. 1. P. 130–140 [in Russ.].
12. Decree of the President of the Russian Federation “On the declaration of the Decade of Childhood in the Russian Federation” dated 29.05.2017 No. 240. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_288278 (date of access: 05.02.2025) [in Russ.].
13. *Usachev S. I.* Some tactical features of the interrogation of the victim’s representative during the investigation of fraud in the field of auto insurance. *Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2021. № 1. P. 140–146 [in Russ.].
14. *Khairullova E. T.* The use of psychological techniques in the tactics of interrogation of suspects and accused. *Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2021. No. 4. P. 138–145 [in Russ.].
15. *Kharchenko D. A.* On the issue of the method of committing crimes against the person by minors in a state of frustration. *Verb of Justice*. 2024. No. 1. P. 30–33 [in Russ.].
16. *Shaevich A. A., Gerikh A. V.* The significance and organizational problems of the psychologist’s participation in the investigation and prevention of crimes committed by minors. *Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2020. No. 4. P. 118–125 [in Russ.].
17. *Shishmareva E. V., Tayurskaya E. A., Tretyakova E. I.* Tactical features of interrogation of suspects, accused women in a conflict situation. *Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2022. No. 4. P. 227–238 [in Russ.].
18. *Slavkovich V.* School shootings perpetrated by the minors and extended juvenile jurisdiction. *Bulletin of the Law Faculty, Southern Federal University*. 2023. Vol. 10. No. 4. P. 103–119.

Поступила в редакцию 02.03.2025

Received March 02, 2025

Цыганенко Сергей Станиславович,
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовного процесса
и криминалистики, юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: zeross@rambler.ru

Джагарян Наталья Владимировна,
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры конституционализма, юридический
факультет, Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: nvdzhagaryan@sfedu.ru

Блохин Юрий Иванович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых
дисциплин, юридический факультет,
Ростовский филиал
Российской таможенной академии,
344002, г. Ростов-на-Дону,
пр-т Буденновский, д. 20,
email: prisons@mail.ru

Tsyganenko, Sergey S.,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal
Procedure and Criminalistics,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: zeross@rambler.ru

Dzhagaryan, Natalia V.,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department
of Constitutionalism,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: nvdzhagaryan@sfedu.ru

Blokhin, Yuri I.,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law Disciplines,
Law Faculty, Rostov Branch
of the Russian Customs Academy,
20 Budennovsky Ave., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: prisons@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ



SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND PRACTICE OF DETENTION

АННОТАЦИЯ. Заключение под стражу является мерой пресечения, применяемой на период предварительного следствия и судебного разбирательства. В литературе по уголовно-процессуальной тематике достаточно полно разработаны вопросы об основаниях избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, основаниях ее изменения или отмены, чего нельзя сказать о ее исполнении. В настоящей статье поднимается проблема отраслевой принадлежности правового регулирования процесса содержания под стражей. Неопределенность отраслевой принадлежности сказывается на качестве подготовки специалистов в рассма-

ABSTRACT. Detention is a preventive measure applied during the preliminary investigation and trial. The literature on criminal procedure topics has developed quite fully the issues of the grounds for choosing a preventive measure in the form of detention, the grounds for changing or canceling it. The same cannot be said about its execution. This article raises the problem of the sectoral affiliation of the legal regulation of the detention process. The uncertainty of the sectoral affiliation affects the quality of training of specialists in the area under consideration and, in turn, the validity of the imposed restrictions on rights. During detention, suspects and accused persons are significantly limited in their rights,

триваемой сфере и, в свою очередь, на обоснованности налагаемых правоограничений. Во время содержания под стражей подозреваемые и обвиняемые существенно ограничены в своих правах, но такие правоограничения должны иметь обоснованные пределы и объемы.

В работе подвергаются критическому анализу некоторые правоограничения, применяемые в отношении лиц, заключенных под стражу, и делается вывод о том, что единственным обоснованием наличия ограничений прав и свобод заключенных под стражу лиц может являться обеспечение интересов отправления правосудия и безопасности как самого подозреваемого или обвиняемого, так и иных лиц. В статье ставится под сомнение обоснованность некоторых существующих правоограничений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: заключение под стражу, содержание под стражей, заключенные под стражу, интересы правосудия, обеспечение безопасности, карцер

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Цыганенко, С. С. Некоторые проблемы правового регулирования и практики содержания под стражей / С. С. Цыганенко, Н. В. Джагарян, Ю. И. Блохин. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 111–118. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-13

Введение. Заключение под стражу является самой суровой мерой пресечения, которая применяется в случаях, когда имеются достаточные основания полагать, что «обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью или может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу» (ст. 97 УПК РФ).

Агентство правовой информации опубликовало данные за 2023 г., согласно которым на стадии предварительного расследования судами было удовлетворено 88 % ходатайств об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу. В результате только в 2023 г. под стражу было помещено 82 480 человек [15].

Оставляя за рамками нашего внимания вопросы обоснованности избрания заключения под стражу [8–11; 17], в настоящей статье рассмотрим правовое регулирование и практику содержания под стражей.

Основная часть. Если проблемные вопросы оснований избрания, изменения или отмены

but such restrictions must have reasonable limits and scope. This article critically analyzes some restrictions on rights from the point of view of their compliance with the criteria for the legality of restrictions on rights and freedoms – their legal nature, pursuit of a socially useful goal and necessity for achieving the goal. The article concludes that the only justification for restrictions on the rights and freedoms of persons in custody can be to ensure the interests of the administration of justice and the safety of both the suspect or accused and other persons. The article questions the validity of some legal restrictions.

KEYWORDS: detention, custody, persons in custody, interests of justice, ensuring security, punishment cell

FOR CITATION:

Tsyganenko, S. S., Dzhagaryan, N. V., Blokhin, Yu. I. (2025) Some Problems of Legal Regulation and Practice of Detention. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 12(2): 111–118 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-13

меры пресечения в виде заключения под стражу получили достаточное освещение и разработку, то сфере исполнения указанной меры пресечения уделяется недостаточно внимания в научной литературе. По нашему убеждению, связано это в первую очередь с отраслевой неопределенностью законодательства, регламентирующего содержание под стражей. Правовая регламентация такой весьма ответственной сферы деятельности государства, как содержание под стражей, осталась без отраслевой определенности – она не входит в предмет правового регулирования ни уголовно-процессуального законодательства, ни уголовно-исполнительного [9, с. 52].

Указанная отраслевая неопределенность сферы содержания под стражей в первую очередь влияет на подготовку специалистов. Достаточно сказать, что даже в главном ведомственном учебном заведении – Академии ФСИН России – в учебных планах нет отдельной дисциплины, посвященной содержанию под стражей [16]. Однако при содержании под стражей существенно увеличивается объем правоограничений, налагаемых на заключенных. Но эти ограничения не абсолютны.

Например, за обвиняемыми, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, остается гарантированное Конституцией РФ избирательное право. Из этого следует, что им необходимо обеспечить, в частности, доступ к агитационным материалам в полном объеме, что часто упускается из виду в некоторых следственных изоляторах.

В практике содержания под стражей возникают и другие вопросы, выходящие за пределы чисто пенитенциарной сферы (организация быта, медицинского обслуживания, решение гражданско-правовых вопросов и т. п.), на которые нельзя полностью распространять правила, установленные при исполнении лишения свободы. Многие вопросы находятся в зависимости от усмотрения сотрудников места содержания под стражей. Из этого следует, что объем и пределы таких ограничений в нормативных правовых актах должны быть обоснованы, а в правоприменительной деятельности (особенно при отсутствии правового регулирования) – правильно применены в соответствии с целями избрания меры пресечения и правового статуса заключенных под стражу, которые не являются признанными виновными в совершении преступления.

Проблема отраслевой принадлежности норм, регулирующих содержание под стражей, поднимается уже давно [2; 3; 7; 18; 19]. И ее нельзя считать решенной до сих пор. В научной литературе до настоящего времени не сформировалось более или менее однозначной позиции. Например, И. В. Караваев относит их к предмету регулирования уголовно-исполнительного законодательства, требующему расширения предмета его регулирования [9, с. 52]. О. В. Баландюк же, напротив, относит их к уголовно-процессуальному законодательству [4, с. 472]. В. Н. Андреев настаивает на необходимости выделения отдельной отрасли права – стражного права [3].

Указанные проблемы не могли не отразиться на подготовке компетентных специалистов в такой сложной и комплексной сфере деятельности государства.

Как уже было отмечено, права и свободы лиц, заключенных под стражу, существенно ограничены, но эти ограничения должны быть обоснованы. Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина

могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Пленум Верховного Суда РФ в п. 5 своего постановления № 21 от 27.06.2013 конкретизирует это положение: «...любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе; преследовать социально значимую, законную цель (например, обеспечение общественной безопасности, защиту морали, нравственности, прав и законных интересов других лиц); являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели)» [13]. В этом же постановлении Верховный Суд РФ подчеркивает: «Несоблюдение одного из этих критериев ограничения представляет собой нарушение прав и свобод человека, которые подлежат судебной защите в установленном законом порядке» [13]. Из этого со всей очевидностью следует, что любое ограничение прав и свобод, в том числе при содержании под стражей, должно одновременно отвечать критериям законности, обоснованности и необходимости.

Правоограничения, налагаемые на подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, не могут обосновываться карой за совершенное преступление, так как содержание под стражей не является уголовным наказанием [10, с. 382; 12, с. 34]. Для определения степени и объема правоограничений важно определиться с их целевой установкой. Очевидно, что они должны быть подчинены целям избрания меры пресечения, но не только. В. Н. Андреев пишет: «Изоляция и сопутствующие ей правоограничения лиц, заключенных под стражу, связаны с достижением целей предварительного расследования и судебного разбирательства... Что касается иных правоограничений, то они определяются... также требованиями безопасности и поддержания режима в местах содержания под стражей» [2, с. 10]. Таким образом, В. Н. Андреев указывает на три цели правоограничений: обеспечение интересов отправления правосудия; обеспечение безопасности; поддержание должного порядка. Соглашаясь с первыми двумя целями, выскажем возражение относи-

тельно правоограничений, обоснованных поддержанием режима. В постановке такой цели видится логическая ошибка.

Действующее законодательство не раскрывает понятия режима. Применяя аналогию с режимом в исправительном учреждении (ч. 1 ст. 82 УИК РФ), под режимом в местах содержания под стражей можно понимать порядок как исполнения меры пресечения в виде заключения под стражу, так и пребывания под стражей. Такой порядок фактически устанавливается путем наделения субъектов правоотношений определенными обязанностями и запретами, представляющими собой правоограничения. Но эти правоограничения, как уже было сказано, должны иметь целевую установку. В противном случае мы приходим к абсурдному по своей сути выводу о том, что есть правоограничения, направленные на соблюдение самих правоограничений.

По нашему убеждению, возложение дополнительных обязанностей и установление запретов для заключенных под стражу может быть обосновано исключительно необходимостью обеспечения интересов правосудия и безопасности (исключение потенциальной угрозы безопасности как заключенного под стражу, так и иных лиц от самого заключенного под стражу). Иные ограничения, и уж тем более обусловленные соображениями «потому что здесь установлен режим», должны признаваться необоснованными.

Изучение правового регулирования содержания под стражей позволяет выразить сомнения в обоснованности некоторых правоограничений, не направленных на изоляцию в интересах отправления правосудия и безопасности.

Так, свидания заключенных под стражу с родственниками и иными лицами вполне справедливо разрешаются с согласия лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело (в данной статье оставляем за скобками возможность злоупотребления таким лицом или органом своими полномочиями, действительность гарантий от злоупотребления). Представляется, что следователь или суд разрешит свидание, если посчитает, что такое свидание не помешает производству по делу. Однако даже если следователь или суд считают, что свидание с тем или иным лицом никак

не препятствует производству по уголовному делу, Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – Федеральный закон № 103-ФЗ) в ст. 18 ограничивает их количество двумя свиданиями в месяц. Целевая установка такого ограничения остается неясной.

Другое ограничение, не обусловленное обеспечением интересов правосудия и безопасности, вытекает из порядка содержания заключенного под стражу в карцере, установленного Правилами внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (далее – ПВР СИЗО УИС) [14]. Так, содержание в карцере применяется в качестве взыскания, что предполагает больший объем правоограничений. В соответствии со ст. 40 Федерального закона № 103-ФЗ содержание в карцере одиночное. В период содержания в карцере подозреваемым и обвиняемым запрещаются переписка, свидания (кроме свиданий с защитником и проведения с ними бесед членами общественной наблюдательной комиссии), а также приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, получение посылок и передач, пользование настольными играми, просмотр телепередач.

И хотя нельзя налагать ограничения, не предусмотренные в федеральном законе (по умолчанию), ч. 5 ст. 40 Федерального закона № 103-ФЗ специально оговаривает: «Иные ограничения, не предусмотренные настоящей статьей, в отношении подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в карцере, не допускаются». Несмотря на такой конкретизированный запрет, ПВР СИЗО УИС в п. 389 устанавливает дополнительное ограничение: «При водворении в карцер подозреваемым и обвиняемым выдается закрепленный за карцером комплект одежды (за исключением нательного и нижнего белья) и обуви в соответствии с нормами вещевого довольствия». Хотя ПВР СИЗО УИС не устанавливают этого специально, лица, водворенные в карцер, принудительно облачаются в одежду и обувь, закрепленную за карцером. И это не самого эстетического вида одежда и обувь установленного образца, которая выдается отбывающим лишение свободы. На чем основано такое правоограничение? Во-первых, трудно себе представить обоснование в виде

обеспечения интересов правосудия или безопасности. Во-вторых, данная норма противоречит Федеральному закону № 103-ФЗ.

Возможные оппоненты могут привести обоснование в виде необходимости отличать заключенных под стражу, водворенных в карцер, от иных подозреваемых или обвиняемых. По этому поводу можно привести позицию на тот момент начальника ГУФСИН РФ по Ростовской области С. Ю. Смирнова. Так, в рамках одной из рабочих встреч, на которой присутствовал в том числе и один из авторов данной статьи, С. Ю. Смирнов отметил, что несовершеннолетние, содержащиеся в ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН РФ по Ростовской области, принудительно переодеваются в одежду установленного образца, сотрудники же не могут сослаться на норму закона. Находившийся на встрече начальник управления следственных изоляторов Ростовской области объяснил такое переодевание необходимостью отличать несовершеннолетних среди массы других обвиняемых. На это С. Ю. Смирнов резонно возразил: «Вы еще их краской на лбу отметьте». Повторимся: никакие соображения, кроме обеспечения интересов правосудия и безопасности, не могут служить обоснованием для дополнительных запретов и обязанностей, тем более – не предусмотренных нормами федерального законодательства.

Еще одним спорным моментом является метод, к которому прибегает законодатель при закреплении перечня предметов, оборот которых допускается заключенным под стражу. Согласно ст. 16 Федерального закона № 103-ФЗ ПВР СИЗО УИС устанавливают, помимо прочего, перечень и количество продуктов питания, предметов первой необходимости, обуви, одежды и других промышленных товаров, которые подозреваемые и обвиняемые могут иметь при себе, хранить, получать в посылках, передачах и приобретать по безналичному расчету (далее – Перечень). Приложение № 1 к ПВР СИЗО УИС содержит исчерпывающий перечень таких вещей и продуктов питания. Очевидно, что продукты питания, предметы первой необходимости, другие товары, не вошедшие в Перечень, считаются запрещенными. А это могут быть самые полезные в быту вещи, владение которыми не создает никакой угрозы ни для отправления правосудия, ни для безопасности. Например, до принятия действующи-

щих ПВР СИЗО УИС в 2022 г. заключенные под стражу не могли приобрести беруши или маску для сна.

Исходя из целевой установки запретов и обязанностей совершенно необходимо в этом вопросе прибегнуть к ограничивающему правовому режиму – вместо перечня разрешенных предметов, продуктов питания и вещей закрепить перечень запрещенных вещей и продуктов питания, в который включить исчерпывающий их перечень, владение которыми создает угрозу для безопасности и (или) обеспечения интересов отправления правосудия. Тем более что именно такой правовой режим установлен в отношении осужденных к лишению свободы (ч. 8 ст. 82 УИК РФ, Приложение № 3 к Правилам внутреннего распорядка исправительных учреждений). При том что под стражей, в отличие от исправительных учреждений, содержатся лица, не признанные виновными.

Отметим также пробел в регулировании весьма чувствительного вопроса для подозреваемых и обвиняемых сфере экстренной связи со своим защитником.

Статья 18 Федерального закона № 103-ФЗ предусматривает, что заключенному под стражей обеспечиваются свидания с адвокатом, которые проводятся в условиях конфиденциальности. В следственном изоляторе при наличии технической возможности и помещений такие свидания могут организовываться путем использования систем видео-конференц-связи. Свидание посредством видео-конференц-связи предоставляется по заявлению обвиняемого и при наличии согласия защитника. Экстренно же связаться в иных случаях или хотя бы для того, чтобы испросить такое согласие защитника на видео-конференц-связь, можно было бы посредством телефонной связи. Однако все телефонные переговоры, безотносительно адресата, возможны только с согласия лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело (п. 6 ч. 2 ст. 17 Федерального закона № 103-ФЗ).

Считаем необходимым нормативно урегулировать вопрос о телефонной связи с защитником и сделать исключения (в части получения согласия) для телефонных переговоров с защитником.

Менее остро стоит вопрос с обеспечением восьмичасового непрерывного сна заключен-

ных под стражу, тем не менее отметим и эту коллизию. Так, согласно п. 10 ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 103-ФЗ подозреваемым и обвиняемым предоставляется восьмичасовой непрерывный сон. Однако расправить и лечь в расправленную постель заключенный под стражу может только после отбоя, что вытекает из п. 9.12.3 ПВР СИЗО УИС, запрещающего расправлять постель до отбоя. При этом время от отбоя до подъема составляет ровно восемь часов, таким образом, заключенный под стражу может расправлять постель во время, отведенное для его непрерывного сна. Хотя это ограничение и незначительное, но оно не является необходимым, можно обойтись и без него, разрешив расправлять постель во время, отведенное распорядком дня на подготовку ко сну. Тем более что такая коллизия создает конфликт между обязанностью соблюдать распорядок дня и запретом на расправку постели до отбоя. Практике известны случаи привлечения к дисциплинарной ответственности за то, что обвиняемый после отбоя не находился в постели. В то же время обвиняемый объяснял такое свое поведение тем, что он находился в процессе расправки постели. В любом случае такое противоречие создает условия для злоупотребления сотрудниками полномочиями на применение взыскания за несоблюдение распорядка дня, что способно создать препятствия к получению досрочного освобождения в будущем.

Гораздо больше проблем возникает в правоприменительной практике при содержании под стражей. При этом правоприменительная практика может существенно различаться в разных регионах, что уже говорит о возможном риске необоснованного ограничения прав и свобод [6, с. 62], так как законодательство о содержании под стражей относится к ведению федерации и не может быть различным в разных субъектах. Следовательно, единое правовое поле должно предопределять и единую практику правоприменения. Однако это не так.

Например, в некоторых СИЗО г. Москвы распространена практика предоставления свидания с защитником только при получении разрешения следователя. Такая практика противоречит положению Федерального закона № 103-ФЗ, согласно которому запрещается требование к адвокату предъявить иные документы, кроме ордера и удостоверения (ст. 18). Тем не

менее такая практика есть, и пришлось даже обращаться в суд для признания таких требований незаконными [1].

В следственном изоляторе г. Екатеринбурга системным является изъятие ранее выданных и оставшихся неиспользованными сухих пайков после возвращения заключенных под стражу с судебного заседания. При обжаловании врио начальника СИЗО в официальном ответе не смог аргументировать такое изъятие ни законностью, ни обоснованностью или необходимостью [5]. Изъятие сухих пайков врио начальника СИЗО-1 ГУФСИН РФ по Свердловской области объяснил, во-первых, тем, что сухие пайки не входят в Перечень (что не соответствует действительности), во-вторых, тем, что заключенным под стражу выдается горячее питание. Сам факт указания на несколько причин уже сам по себе свидетельствует о том, что сотрудники сами не понимают до конца причину изъятия сухих пайков, по сути, перешедших в личную собственность. Потому что для изъятия достаточно было бы того, что данные предметы не входят в Перечень. Этот аргумент нельзя признать обоснованным хотя бы потому, что сотрудники ранее сами же и выдали заключенным под стражу сухие пайки, что уже должно свидетельствовать о том, что продукты питания, входящие в него, все-таки разрешены для хранения. Что же до ссылки на то, что прибывшим после суда обвиняемым выдается горячее питание (что само по себе не является фактом, особенно если заключенные под стражу доставлены в СИЗО после ужина), не доказывает необходимости изъятия у них тех продуктов, которые они не съели во время, отведенное для приема пищи. Тем более что обвиняемые в день участия в судебных заседаниях, как правило, остаются без завтрака и возвращаются обратно уже после ужина.

Выводы. Исходя из того факта, что мера пресечения не является наказанием, а ограничения прав и свобод лиц, заключенных под стражу, обусловлены исключительно необходимостью обеспечения интересов отправления правосудия и безопасности, необходимо пересмотреть предусмотренные правоограничения на предмет их обоснованности и необходимости. В частности, предлагается:

1. Устранить ограничение на количество свиданий с близкими и иными лицами, обще-

ние с которыми не препятствует отправлению правосудия.

2. Поскольку карательная составляющая дисциплинарного взыскания в виде водворения в карцер достаточно регламентирована в Федеральном законе № 103-ФЗ, исключить из ПВР СИЗО УИС не предусмотренную законом карательную составляющую в виде выдачи специальной одежды и обуви.

3. В Федеральном законе № 103-ФЗ и ПВР СИЗО УИС перейти от разрешительного к ограничивающему режиму в установлении перечня предметов и продуктов питания, владение которыми запрещено для лиц, содержащихся под стражей.

4. В ПВР СИЗО УИС исключить запрет на расправку постели до отбоя и предусмотреть расправку постели во время, отведенное расписанием дня для подготовки ко сну.

5. Повышать уровень правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы с тем, чтобы в обращении с заключенными под стражу не допускали ограничений, не направленных на обеспечение интересов правосудия и безопасности.

Фактически при содержании под стражей возникает гораздо больше конфликтных ситуаций, чем отмечено в статье. Но мы намеренно оставляем за рамками нашего внимания откровенные нарушения сотрудниками, а указали лишь некоторые, обусловленные «ложно понятыми интересами службы». Указанное обстоятельство предопределяет необходимость дальнейшего приложения усилий в направлении повышения правовой культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Список использованных источников

1. Адвокатам начали запрещать общение с обвиняемыми // Независимая газета. 2025. 12 февр. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-02-12/3_9191_lawyers.html (дата обращения: 28.02.2025).

2. Андреев В. Н. Содержание под стражей в СССР и России (порядок и условия). М.: Спарк, 2000. 198 с.

3. Андреев В. Н. Содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений // Публичное и частное право. 2010. Вып. 3. С. 158–187.

4. Баландюк О. В. Правовая природа и отраслевая принадлежность деятельности по исполнению меры пресечения в виде заключения под стражу (постановка проблемы) // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской Академии МВД России. 2016. № 2. С. 470–472.

5. Блохин Ю. Сухие пайки вне закона? URL: <https://rutube.ru/video/a17ae1d677afdfb06ea991fab51d07c4> (дата обращения: 05.03.2025).

6. Блохин Ю. И. Особенности правового регулирования исполнения лишения свободы в механизме достижения целей наказания // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2024. № 2. С. 58–65.

7. Евграфов А. П., Даньшина Л. И., Малиновкин С. М. Правовое положение лиц, содержащихся под стражей в порядке применения меры пресечения. М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1981. 48 с.

8. Золотарь Е. В. Актуальные вопросы применения заключения под стражу в качестве меры пресечения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 144 с.

9. Караваев И. В. Отраслевая принадлежность норм, регламентирующих процесс исполнения меры пресечения в виде заключения под стражу // Институт ресоциализации осужденных: состояние, проблемы и перспективы развития: сб. материалов Всероссийской науч.-практ. конф. Киров: Киров. ин-т повышения квалификации работников ФСИН России, 2017. С. 49–53.

10. Караева А. А. О некоторых вопросах соблюдения прав личности при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Государство и право: теория и практика. 2023. № 7. С. 381–384.

11. Комментарий к Положению о предварительном заключении под стражу / под ред. В. А. Кирина. М.: Юридическая литература, 1971. 80 с.

12. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М.: Наука, 1989. 254 с.

13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод» от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» от 27.06.2013 № 21 // Российская газета. 2013. 5 июля.

14. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» от 04.07.2022 № 110 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/404953247> (дата обращения: 28.02.2025).

15. Применение мер пресечения // Агентство правовой информации. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/13/s/14> (дата обращения: 28.02.2025).

16. Реализуемые образовательные программы высшего образования // Академия ФСИН России: официальный сайт. URL: <https://apu.fsin.gov.ru/sveden/education/vo/op-vo> (дата обращения: 28.02.2025).

17. Симагина Н. А. Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу: зарубежный опыт // Вестник Кузбасского института. 2019. № 4. С. 126–133.

18. Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права: Проблемы Особенной части. М.: Юридическая литература, 1985. 255 с.

19. Стручков Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1970. 271 с.

References

1. Lawyers are now prohibited from communicating with the accused. *Nezavisimaya Gazeta*. 2025. Feb. 12. Available at: https://www.ng.ru/politics/2025-02-12/3_9191_lawyers.html (date of access: 28.02.2025) [in Russ.].

2. Andreev V. N. Detention in custody in the USSR and Russia (procedure and conditions). Moscow: Spark Publ., 2000. 198 p. [in Russ.].

3. Andreev V. N. Detention in custody of suspects and accused of committing crimes. *Public and Private Law*. 2010. Iss. 3. P. 158–187 [in Russ.].

4. Balandyuk O. V. Legal nature and sectoral affiliation of activities on the execution of a preventive measure in the form of detention (problem statement). *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016. No. 2. P. 470–472 [in Russ.].

5. Blokhin Yu. Dry rations illegal? Available at: <https://rutube.ru/video/a17ae1d677afdfb06ea991fab51d07c4> (date of access: 05.03.2025) [in Russ.].

6. Blokhin Yu. I. Features of legal regulation of the execution of deprivation of liberty in the mechanism for achieving the goals of punishment. *Academic Bulletin of the Rostov branch of the Russian Customs Academy*. 2024. No. 2. P. 58–65 [in Russ.].

7. Evgrafov A. P., Danshina L. I., Malinovkin S. M. Legal status of persons held in custody as a preventive measure. Moscow: Publishing house of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1981. 48 p. [in Russ.].

8. Zolotarev E. V. Current issues of applying detention as a preventive measure: a thesis for the degree of PhD in Law. Moscow, 2006. 144 p. [in Russ.].

9. Karavaev I. V. Sectoral affiliation of the rules regulating the process of executing a preventive measure in the form of detention. *Institute for the Resocialization of Convicts: Status, Problems and Development Prospects: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Kirov: Kirov Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2017. P. 49–53 [in Russ.].

10. Karaeva A. A. On some issues of observing individual rights when choosing a preventive measure in the form of detention. *State and Law: Theory and Practice*. 2023. No. 7. P. 381–384 [in Russ.].

11. Kirin V. A. (Ed.) Commentary on the Regulation on pre-trial detention. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 1971. 80 p. [in Russ.].

12. Petrukhin I. L. Personal inviolability and coercion in criminal proceedings. Moscow: Nauka Publ., 1989. 254 p. [in Russ.].

13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On the Application by Courts of General Jurisdiction of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950 and the Protocols thereto” dated 27.06.2013 No. 21. *Rossiyskaya Gazeta*. 2013. July 5 [in Russ.].

14. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation “On approval of the Internal Regulations of pre-trial detention facilities of the penal system, the Internal Regulations of correctional institutions and the Internal Regulations of correctional centers of the penal system” dated 04.07.2022 No. 110. *Garant*. Available at: <https://base.garant.ru/404953247> (date of access: 28.02.2025) [in Russ.].

15. Application of preventive measures. Legal Information Agency. Available at: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/13/s/14> (date of access: 28.02.2025) [in Russ.].

16. Implemented educational programs of higher education. *Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia: official website*. Available at: <https://apu.fsin.gov.ru/sveden/education/vo/op-vo> (date of access: 28.02.2025) [in Russ.].

17. Simagina N. A. Circumstances taken into account when choosing a preventive measure in the form of detention: foreign experience. *Bulletin of the Kuzbass Institute*. 2019. No. 4. P. 126–133 [in Russ.].

18. Struchkov N. A. Course in correctional labor law: Problems of the Special Part. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 1985. 255 p. [in Russ.].

19. Struchkov N. A. Soviet correctional labor policy and its role in the fight against crime. Saratov: Publishing house of Saratov University, 1970. 271 p. [in Russ.].

Поступила в редакцию 09.04.2025

Received April 09, 2025

УДК 342.9

DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-14

Андреева Елена Михайловна,
доктор юридических наук, доцент,
доцент кафедры правовой охраны
окружающей среды, Санкт-Петербургский
государственный университет,
199106, г. Санкт-Петербург, 22-я линия
Васильевского о-ва, д. 7,
email: elenaandreeva09@mail.ru

Andreeva, Elena M.,
Doctor of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Environmental Protection
of St. Petersburg University,
7 22nd Line of Vasilievsky Island, St. Petersburg,
199106, Russian Federation,
email: elenaandreeva09@mail.ru

ПРОБЛЕМАТИКА НАДЛЕЖАЩЕГО СУБЪЕКТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО Ч. 1 СТ. 8.8 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ



THE ISSUE OF THE PROPER SUBJECT OF LIABILITY UNDER PART 1 OF ARTICLE 8.8 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION

АННОТАЦИЯ. В настоящей публикации анализируется один из элементов состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), а именно субъекты ответственности. Как показал мониторинг судебной практики, по данному вопросу у юрисдикционных органов нет единства. Основной момент, который затрагивается в правоприменении, это распределение ответственности между собственником и землепользователем за нецелевое использование земель. Автором проведена попытка выделить те факторы, которые могут оказать воздействие на определение подлежащего ответственности лица. При этом исследование показало, что земельное и административное законодательство в этой части корректировок не требует, спорные вопросы могут быть обобщены и сняты в обзоре судебной практики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: земельный участок, целевое назначение земель, вид разрешенного использования, выбор, категория земель, территориальная зона, зонирование территорий, градостроительный регламент, ст. 8.8 КоАП РФ

ABSTRACT. This publication analyzes one of the elements of the administrative offense provided for in Part 1 of Article 8.8 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, namely, the subjects of liability. As the monitoring of judicial practice has shown, there is no unity among jurisdictional bodies on this issue. The main point that is affected in law enforcement is the distribution of liability between the owner and the land user for the improper use of land. The author has attempted to highlight those factors that can affect the determination of the person subject to liability. At the same time, the study has shown that land and administrative legislation in this part does not require adjustments; controversial issues can be summarized and removed in the review of judicial practice.

KEYWORDS: land parcel, intended purpose of land, type of permitted use, choice, land category, territorial zone, zoning of territory, urban planning regulations, Article 8.8 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Андреева, Е. М. Проблематика надлежащего субъекта ответственности по ч. 1 ст. 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях / Е. М. Андреева. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 119–124. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-14

FOR CITATION:

Andreeva, E. M. (2025) The Issue of the Proper Subject of Liability under Part 1 of Article 8.8 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU.* 12(2): 119–124 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-14

Введение. Кодекс об административных правонарушениях предусматривает ответственность за использование земельных участков не по целевому назначению. Такой элемент данного состава, как субъект ответственности, в самой ч. 1 ст. 8.8 Кодекса не прописан. Буквальное толкование статьи приводит к выводу, что субъектом может являться любое лицо, которое использует земельный участок ненадлежащим образом. Однако в качестве такого лица могут выступать собственники, землевладельцы, землепользователи, обладатели сервитута и даже незаконно занимающие земельные ресурсы лица. Поэтому на практике очень остро встает вопрос о том, все ли из перечисленных участников земельных правоотношений могут отвечать за нецелевое использование земельных участков. Неверное определение субъекта ответственности влечет необоснованное административное наказание, в связи с чем могут быть нарушены права отдельных лиц. Одновременно страдает доверие к юрисдикционным органам и их репутация.

В процессе административного производства по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ часто поднималась проблематика выявления надлежащего субъекта ответственности в случае, если земельные участки эксплуатировались не самими собственниками, а иными лицами на основании договора аренды или на ином праве. Например, в некоторых случаях за использование арендованного земельного участка не по целевому назначению в качестве виновного лица административным органом и судами привлекались к ответственности непосредственно арендаторы, а в других – собственники земельного участка.

Автор проанализировал сложившуюся практику, аргументы сторон, доктрину и произвел попытку обосновать подходы к определению надлежащего субъекта ответственности за рассматриваемое правонарушение.

Анализ практики по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ. Как уже было сказано, практика по вопросу

субъекта ответственности неоднозначна. При условном присутствии иных элементов состава (объективной стороны, вины и пр.) суды и юрисдикционные органы при схожих обстоятельствах принимают диаметрально противоположные решения в выборе правонарушителя. Например, в одном из дел судом не был принят во внимание аргумент собственника земельного участка о том, что участок находится в аренде. Суд сослался на положения ст. 42 ЗК РФ, ст. 209, 210 ГК РФ, согласно которым собственник земельного участка обязан контролировать его целевое использование, и посчитал обоснованным привлечение к ответственности именно его [7]. Аналогичным образом Сакский районный суд посчитал законным привлечение к административной ответственности собственника земельного участка, несмотря на нахождение земли в аренде. В решении отмечено, что «в материалах дела отсутствуют и К. Н. не предоставлены какие-либо доказательства о принятии истребываемых мер, направленных на получение необходимых документов, подтверждающих изменение (дополнение) вида разрешенного использования земельного участка в соответствии с целями фактического использования. Имея возможность для соблюдения действующего земельного законодательства и недопущения использования земельного участка не в соответствии с видом разрешенного использования, К. Н. не предпринял всех необходимых мер для предотвращения правонарушения. Доказательства объективной невозможности исполнения действующего законодательства К. Н. не представлены» [11]. Подобное решение вынесено по делу № 12-15/2022, рассмотренному Московским районным судом г. Калининграда [9].

В других делах, наоборот, суды посчитали обоснованным привлечение к административной ответственности арендатора земельного участка. Например, Кузьминский районный суд г. Москвы, подтвердив нецелевое использование земельного участка, также со ссылкой на

ст. 42 ЗК РФ признал обоснованными действия органа земельного надзора по привлечению к ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ арендатора земельного участка [8]. Предгорный районный суд также, несмотря на апелляционное обжалование арендатора кроме прочего к тому, что он только временно пользуется земельным участком, посчитал надлежащим субъектом ответственности арендатора [10].

Анализ законодательства и обобщение существенных факторов. По всей видимости, первое обстоятельство, которое следует указать для правильного определения ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ, – обязанное лицо за целевое использование земель. Очевидно, что если у субъекта нет такой обязанности, то и отвечать за ее исполнение, в том числе и в административном порядке, он не может. Толкование нормативных правовых актов показывает, что обязанность по использованию земельного участка по целевому назначению в равной степени распространяется как на собственников земельных участков, так и на иных землепользователей. Так, согласно ст. 42 ЗК РФ собственники земельных участков и лица, не являющиеся собственниками земельных участков, обязаны использовать земельные участки в соответствии с их целевым назначением. Поэтому субъектами ответственности по рассматриваемой статье КоАП также могут выступать любые эксплуатанты. Вместе с тем интересным является вопрос о том, можно ли признать в качестве таковых лиц, осуществивших самозахват земельных участков. К сожалению, судебной практики по такому случаю нам найти не удалось. Можно только предположить, что такие лица не имеют прав на земельный участок, а значит, и обязанностей по отношению к нему – тоже, следовательно, ответственность за нецелевое использование земли в таком случае должен нести собственник. Однако прямо такой вывод не следует из КоАП и ЗК РФ. Более того, поскольку правовой институт целевого использования земель преследует публичные интересы, направленные на каждого жителя соответствующей территории, как то обеспечение комфортной среды проживания, сохранение природы, создание условий для реализации творческого и предпринимательского потенциала, данная обязанность также является публичной и адресована к каждому. В

этой части целеполагание института правового режима земель укладывается в доктринальное понимание публичного интереса, который, по мнению Ю. А. Тихомирова, преследует интересы социума, удовлетворение которого является условием его развития и существования, который признан государством и обеспечен правом [12, с. 496]. Круг очерченных целей института также соответствует пониманию публичного интереса, определенному Верховным Судом РФ в п. 75 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25, а также в работах ученых [1–3, 13]. Мы склоняемся ко второму обстоятельству, поэтому полагаем, что «бесстатусный» землепользователь также должен отвечать.

Второй важной предпосылкой является объективный перечень субъектов административной ответственности, предусмотренных законодательством об административных правонарушениях. В частности, нужно учитывать возраст наступления ответственности, который составляет 16 лет (ст. 2.3 КоАП РФ), а также некоторые другие установления. Аналогичным образом можно рассмотреть возможность привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.8. КоАП РФ государственных органов исполнительной власти и представительных органов местного самоуправления. Являясь собственниками земель, хотя и со специальным правовым статусом, они также несут обязанность по целевому использованию земель. Так, в одном из Обзоров судебной практики ВС РФ признал правомерным привлечение к административной ответственности администрации муниципального района как собственника земель за бездействие по отношению к несанкционированным свалкам. Дело не касалось целевого использования земли, однако пример в данном случае показательный [4].

Третье обстоятельство, которое следует учитывать при выборе надлежащего субъекта административной ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ, – это наличие в действиях собственника либо землепользователя вины. Как мы уже решили, по общему правилу административную ответственность за нецелевое использование будет нести непосредственно лицо, осуществляющее эксплуатацию земельного участка, поскольку именно его действия противоречат закону. Тем не менее при наличии

вины самого собственника земельного участка в нецелевом использовании к ответственности надлежит привлекать именно его. Например, это может быть случай, когда собственник не интересовался своим земельным участком и допустил его самозахват, либо когда собственник не поставил землепользователя в известность о видах разрешенного использования земельного участка, либо когда в договоре аренды собственник прописал ВРИ земельного участка, не соответствующий территориальной зоне или правоустанавливающим документам, и обязал арендатора использовать участок таким образом. Приведем пример из судебной практики. По одному из дел арендатор был привлечен к административной ответственности за то, что использовал земельный участок в противоречие ВРИ, установленным в ЕГРН. В реестре участок числился с целевым назначением «для размещения производственных и административных зданий, строений, сооружений коммунального хозяйства», однако согласно договору аренды был предоставлен для «эксплуатации административно-производственных зданий станции технического обслуживания автомобилей, в том числе и для их мойки». Суд первой и кассационной инстанций признал законными действия административного органа [6]. Суд апелляционной инстанции и Верховный Суд РФ отменили постановление о привлечении к административной ответственности как необоснованное. Суды указали, что согласно ст. 615 ГК РФ арендатор обязан пользоваться арендованным имуществом в соответствии с условиями договора. Земельный участок использовался в соответствии с целями, указанными в договоре аренды. Также ВС РФ со ссылкой на постановление КС РФ № 46-П от 2020 г. заметил, что если в статусе собственника земельного участка лицо не лишено законной возможности инициировать изменение одного вида разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства на другой, то арендующее землю лицо в такой возможности ограничено [5].

В таких и иных случаях, когда присутствует вина самого собственника, административному органу ее нужно оценить и принять по внимание при определении ответственного лица. Представляется, что в таких случаях субъектом административной ответственности может

быть признан собственник либо собственник и землепользователь одновременно.

Заключение. В рамках настоящей статьи мы заострили внимание только на одном не-большом вопросе применения, а именно на субъекте ответственности, по ч. 1 статьи 8.8 КоАП РФ. Акцент был сделан на выявлении тех факторов, которые нужно учитывать при определении надлежащего виновного лица. Нормативную основу исследования составили ст. 42 ЗК РФ и 2.2, 2.3 КоАП РФ. В результате мы сформулировали свою позицию по данной проблематике. Так, при распределении ответственности за нецелевое использование земли между собственником и арендатором (землепользователем, землевладельцем) следует исходить из оценки следующих обстоятельств: на ком лежит обязанность по целевому использованию земель, степень вины собственника и землепользователя, а также является ли лицо субъектом ответственности в принципе исходя из административного законодательства. При этом по общему правилу субъектом ответственности будет непосредственный «эксплуатант» земельного участка.

Можно также сделать вывод, что, несмотря на некоторые противоречивые моменты правоприменения, административное и земельное законодательство каких-либо корректировок в этой части не требует. По нашему мнению, в рамках обзора судебной практики либо в постановлении Пленума Верховный Суд РФ мог бы рассмотреть данный вопрос и дать однозначное толкование норм земельного и административного законодательства по комментируемой проблематике.

Список использованных источников

1. Васильева М. И. Публичные интересы в экологическом праве. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 424 с.
2. Краснова И. О. Квалификация публичных интересов при разрешении судами споров об изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд // Экологическое право. 2020. № 2. С. 14–19.
3. Милосердов Н. А. Публичные интересы в праве: понятие и содержание // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 10. С. 202–211.
4. Обзор судебной практики по делам, связанным с обращением с твердыми коммунальными отходами (утв. Президиумом ВС РФ 13.12.2023) // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464348/ (дата обращения: 08.02.2025).

5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40-232562/2019 от 03.03.2020. Определение ВС РФ № 305-ЭС20-14274 от 19.01.2021 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=351267#v15bDZUuS2w4d9Fn2> (дата обращения: 07.01.2025).

6. Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-232562/19 от 05.12.2019, Постановление Арбитражного суда Московского округа № Ф05-6931/2020 от 05.06.2020 // КонсультантПлюс. URL: <https://client.consultant.ru/site/list/?id=1022422403> (дата обращения 7.01.2024).

7. Решение Выборгского районного суда Санкт-Петербурга по делу № 12-397/2021 от 12.08.2021 // Сайт Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга. URL: https://vbr--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=805931709&case_uid=6241122e-b922-4855-8b83-58a308a191fb&delo_id=1502001 (дата обращения: 07.01.2024).

8. Решение Кузьминского районного суда г. Москвы по делу № 12-1259/2022 от 27.02.2022 // Сайт Кузьминского районного суда г. Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/kuzminskij/services/cases/appeal-admin/details/d1c4afc0-9b06-11ec-add9-c5db008f1f22?formType=fullForm&caseNumber=&participant=&uid=&year=&caseDateFrom=&caseDateTo=&caseFinalDateFrom=&caseFinalDateTo=&publishingState=&baseDecision=&codex=8.8&judge=%D0%92%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BE%D0%B2+%D0%9C.%D0%9E.&hearingRangeDateFrom=&hearingRangeDateTo=&sessionRoom=&sessionRangeTimeFrom=&sessionRangeTimeTo=&docsDateFrom=&docsDateTo=&documentStatus=&documentType> (дата обращения: 07.01.2024).

9. Решение Московского районного суда г. Калининграда по делу № 12-15/2022 от 10.03.2022 // Сайт Московского районного суда г. Калининграда. URL: https://moskovsky--kln.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=r&delo_id=1502001&case_type=0&new=0&adm1_parts__NAMESS=%D1%E8%EC%E0%ED%EE%E2%E8%F7&adm1_case__CASE_NUMBERSS=&adm1_case__JUDICIAL_UIDSS=&delo_table=adm1_case&adm1_case__ENTRY_DATE1D=&adm1_case__ENTRY_DATE2D=&adm1_case__PR_NUMBERSS=&ADM1_CASE__JUDGE=&adm1_case__RESULT_DATE1D=&adm1_case__RESULT_DATE2D=&ADM1_CASE__RESULT=&ADM1_CASE__BUILDING_ID=&ADM1_CASE__COURT_STRUCT=&ADM1_EVENT__EVENT_NAME=&adm1_event__EVENT_DATEDD=&ADM1_PARTS__PARTS_TYPE=&adm1_parts__LAW_ARTICLESS=&adm1_parts__INN_STRSS=&adm1_parts__KPP_STRSS=&adm1_parts__OGRN_STRSS=&adm1_parts__OGRNIP_STRSS=&adm1_document__PUBL_DATE1D=&adm1_document__PUBL_DATE2D=&ADM1_CASE__VALIDITY_DATE1D=&ADM1_CASE__VALIDITY_DATE2D=&Submit=%CD%E0%E9%F2%E8# (дата обращения: 07.01.2024).

10. Решение Предгорного районного суда Ставропольского края по делу № 12-356/2021 от 13.10.2021 // АКТОФАКТ. URL: <https://actofact.ru/case->

26RS0030-12-356-2021-2021-09-16-1-1 (дата обращения: 07.01.2024).

11. Решение Сакского районного суда Республики Крым по делу № 12-154/2023 от 27.12.2023 // КонсультантПлюс. URL: <https://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&service=aa2&base=AOUG&n=8476460#7v26gMUcDN7GEfYx> (дата обращения 7.01.2024)

12. Тихомиров Ю. А. Публичное право. М.: БЕК, 1995. 496 с.

13. Шиткина И. С., Гурьянов А. В. Толкование категорий «публичный порядок» и «публичный элемент» в третейском разбирательстве // Предпринимательское право. 2024. № 2. С. 31–39.

References

1. *Vasileva M. I.* Public interests in environmental law. Moscow: Publishing house of Moscow University, 2003. 424 p. [in Russ.]

2. *Krasnova I. O.* Qualification of public interests in resolving disputes by courts on the seizure of land plots for state or municipal needs. *Environmental Law*. 2020. No. 2. P. 14–19 [in Russ.].

3. *Miloserdov N. A.* Public interests in law: concept and content]. *Actual Problems of Russian Law*. 2021. No. 10. P. 202–211 [in Russ.].

4. Review of judicial practice in cases related to solid municipal waste management (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 13.12.2023). *ConsultantPlus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464348 (date of access: 08.02.2025).

5. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal in case No. А40-232562/2019 dated 03.03.2020. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES20-14274 dated 19.01.2021. *ConsultantPlus*. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=351267#v15bDZUuS2w4d9Fn2> (date of access: 07.01.2025) [in Russ.].

6. Decision of the Arbitration Court of Moscow in case No. А40-232562/19 dated 05.12.2019, Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District No. F05-6931/2020 dated 05.06.2020. *ConsultantPlus*. Available at: <https://client.consultant.ru/site/list/?id=1022422403> (date of access: 01.07.2024) [in Russ.].

7. Decision of the Vyborg District Court of St. Petersburg in case No. 12-397/2021 dated 12.08.2021. *Website of the Vyborg District Court of St. Petersburg*. Available at: https://vbr--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=805931709&case_uid=6241122e-b922-4855-8b83-58a308a191fb&delo_id=1502001 (date of access: 24.01.2025) [in Russ.].

8. Decision of the Kuzminsky District Court of Moscow in case No. 12-1259/2022 dated 27.02.2022. *Website of the Kuzminsky District Court of Moscow*. Available at: <https://mos-gorsud.ru/rs/kuzminskij/services/cases/appeal-admin/details/d1c4afc0-9b06-11ec-add9-c5db008f1f22?formType=fullForm&caseNumber=&participant=&uid=&year=&caseDateFrom=&caseDateTo=&caseFinalDateFrom=&caseFinalDateTo=&publishingState=&baseDecision=&codex=8.8&>

judge=%D0%92%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BE%D0%B2+%D0%9C.%D0%9E.&hearingRangeDateFrom=&hearingRangeDateTo=&sessionRoom=&sessionRangeTimeFrom=&sessionRangeTimeTo=&docsDateFrom=&docsDateTo=&documentStatus=&documentType (date of access: 07.01.2025) [in Russ.].

9. Decision of the Moscow District Court of Kaliningrad in case No. 12-15/2022 dated 10.03.2022. *Website of the Moscow District Court of Kaliningrad*. Available at: [ARTICLESS=&adm1_parts__INN_STRSS=&adm1_parts__KPP_STRSS=&adm1_parts__OGRN_STRSS=&adm1_parts__OGRNIP_STRSS=&adm1_document__PUBL_DATE1D=&adm1_document__PUBL_DATE2D=&ADM1_CASE__VALIDITY_DATE1D=&ADM1_CASE__VALIDITY_DATE2D=&Submit=%CD%E0%E9%F2%E8# \(date of access: 07.01.2025\) \[in Russ.\].](https://moskovsky--kln.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=r&delo_id=1502001&case_type=0&new=0&adm1_parts__NAMESS=%D1%E8%EC%E0%ED%EE%E2%E8%F7&adm1_case__CASE_NUMBERSS=&adm1_case__JUDICIAL_UIDSS=&delo_table=adm1_case&adm1_case__ENTRY_DATE1D=&adm1_case__ENTRY_DATE2D=&adm1_case__PR_NUMBERS S = &ADM1_CASE__JUDGE=&adm1_case__RESULT_DATE1D=&adm1_case__RESULT_DATE2D = &ADM1_CASE__RESULT=&ADM1_CASE__BUILDING_ID=&ADM1_CASE__COURT_STRUCT=&ADM1_EVENT__EVENT_NAME=&adm1_event__EVENT_DATEDD=&ADM1_PARTS__PARTS_TYPE = &adm1_parts__LAW_</p>
</div>
<div data-bbox=)

10. Decision of the Predgorny District Court of the Stavropol Territory in case No. 12-356/2021 dated 13.10.2021. *ACTOFACT*. Available at: <https://actofact.ru/case-26RS0030-12-356-2021-2021-09-16-1-1/> (date of access: 07.01.2025) [in Russ.].

11. Decision of the Saksy District Court of the Republic of Crimea in case No. 12-154/2023 dated 27.12.2023. *ConsultantPlus*. Available at: <https://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&service=aa2&base=AOUG&n=8476460#7v26gMUcDN7GEfYx> (date of access: 30.01.2025) [in Russ.].

12. *Tikhomirov Yu. A.* Public law. Moscow: BEK Publ., 1995. 496 p. [in Russ.].

13. *Shitkina I. S., Guryanov A. V.* Interpretation of the categories “public order” and “public element” in arbitration proceedings. *Business Law*. 2024. No. 2. P. 31–39 [in Russ.].

Поступила в редакцию 15.02.2025

Received February 15, 2025

УДК 340

DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-15

Бойко Александр Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-правовых
дисциплин, Южно-Российский институт
управления – филиал РАНХиГС,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 70/54,
email: bai-53@mail.ru

Boyko, Alexander I.,
Doctor of Law, Professor,
Professor at the Department of Criminal Law
Disciplines, South-Russian Institute
of Management of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
70/54 Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: bai-53@mail.ru

**КРИМИНАЛИСТЫ РОССИИ И СТРАН СНГ ПАМЯТНО
САЛЮТУЮТ ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ:
Всероссийская научная конференция с международным
участием «Память и уголовное право», посвященная
80-летию Победы советского народа
в Великой Отечественной войне**



**FORENSIC EXPERTS FROM RUSSIA AND THE CIS COUNTRIES
SALUTE THE ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY:
All-Russian Scientific Conference with International
Participation «Memory and Criminal Law», Dedicated
to the 80th Anniversary of the Victory of the Soviet People
in the Great Patriotic War**

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Бойко, А. И. Криминалисты России и стран СНГ памятно салютуют юбилею Великой Победы: Всероссийская научная конференция с международным участием «Память и уголовное право», посвященная 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне / А. И. Бойко. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 125–132. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-15

FOR CITATION:

Boyko, A. I. (2025) Forensic Experts from Russia and the CIS Countries Salute the Anniversary of the Great Victory: All-Russian Scientific Conference with International Participation “Memory and criminal law”, Dedicated to the 80th Anniversary of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(2): 125–132 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-15

*– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя...*

М. Ю. Лермонтов

Восемнадцатого апреля 2025 года в Южно-Российском институте управления Президентской академии совместно с Законодательным собранием Ростовской области и Южным окружным военным судом профессорско-преподавательским составом кафедры уголовно-правовых дисциплин и при информационной поддержке научно-практического журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» была проведена Всероссийская научная конференция с международным участием «Память и уголовное право», посвященная 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Тематика конференции была подсказана идентичным названием небольшой книжки, изданной автором настоящего очерка ровно 20 лет назад [1] – в то время, когда политическому классу России и большинству ее жителей будущее страны представлялось практически безоблачным, лишенным традиционных угроз со стороны правящего истеблишмента Запада. Как же все благодушно ждали и надеялись на встречное благородство, ведь: а) последний «руководитель» СССР для собственной выгоды обменял (передал в качестве личного дара, т. е. «предал», «продал») на титул «почетного гражданина ФРГ» признанную ООН и дружественную для Советского Союза страну, члена Варшавского договора (ГДР); б) его конкурент в борьбе за власть и первый «президент» обновленной России возглавил декабрьскую сходку 1991 г. глав славянских государств в Беловежской пуще для юридического оформления распада СССР вопреки результатам общесоюзного референдума того же года, о чем сразу же, как и положено преданному слуге, доложил в Вашингтон, а позже стал потешать западный бомонд на светских раутах и при перелетах такими выходками, от которых гражданам России до сих пор нестерпимо стыдно; в) в самом начале текущего века наконец-то настоящий, а не ряженный политический лидер Отечества хитро проверил «на вшивость» англосаксов, запросив их мнение о возможности вхождения РФ в состав НАТО, но получил ожидаемый

отказ. Все говорило о том, что преемница Советского Союза рассматривалась правящими элитами на Западе как второсортная страна, которой уготована роль их колонии.

Конечно, мы сами создавали почву для подобной иллюзии. Но было еще одно важное обстоятельство: взамен постепенной утраты колониальной дани от стран Африки, Азии и Латинской Америки Европа всю вторую половину XX столетия сохраняла высокие стандарты жизни своего населения, буквально нежилась благодаря поставкам дешевых российских энергоносителей и сырья, отчего стала проявлять склонность к духовному авангардизму на грани непотребства, а еще занялась поисками извращений в части строительства однополых семей и реконструкции человеческого тела – при попустительстве, а может быть, и покровительстве тамошней реформистской церкви. Но в атмосфере сытости и благодушия наши «североатлантические партнеры», как их ласково называет В. В. Путин, проявили встречную беспечность – посчитали, что на них «Боженька заснул», надежды на обеспечение собственной обороноспособности переложили на США, «прозевали» гигантский рывок в этой сфере нашей страны¹. И приступили к очередной попытке реализации многовековой мечты о захвате и разделе России – посредством продвижения НАТО на восток, размещения на наших границах новейших типов вооружений и бактериологических лабораторий, скупки коллаборационистов из числа правительственных чиновников, формирования за счет фонда Сороса и USAID внутри РФ пятой колонны для очернения отечественной истории и разложения многовекового национального домостроя, пересмотра причин, хода и итогов последней мировой войны и фактического вклада различных стран в общую победу, даже развязали вооруженный конфликт между единоутробными славянскими народами. Но самонадеянно просчитались.

События последнего десятилетия в очередной раз учат нас, что и в современном технологизированном, достигшем высоких стандар-

¹ Огромное, пока не оцененное должным образом, достижение действующего Президента РФ и его сподвижников, а одновременно – унижительный приговор для спецслужб и аналитиков западных стран, беспечно и снисходительно наблюдавших за трансформационными процессами в нашей стране, неосновательно списавших ее в обоз мировой истории.

тов жизни, формально исповедующем высокие идеалы мире нужно «держат порох сухим», что «Россия может надеяться только на двух союзников – свою армию и флот» (Александр III), а потому нужно чтить славные баталии наших предков и не позволять искажений военной истории прошлого, что если «время есть движущее подобие вечности» (Платон), то его настоящей мерой для людей является память, благодаря которой этносы сохраняют свою идентичность и даже существование.

Наша страна и другие республики бывшего Советского Союза, а ныне независимые государства ассоциируют 2025 год прежде всего с юбилеем великой и жертвенной Победы над фашизмом. На Западе же не могут понять величия весны 1945 года и попрекают нас за парады, за «бряцание оружием», за чрезмерное, как им кажется, внимание к последней мировой войне, местам захоронений, ветеранам и т. д.

Даже если это искренняя и без задней мысли позиция, им не дано понять нас уже по причине гигантского разрыва в количестве жертв и материальных разрушений между странами (например, СССР потерял около 27 млн жителей, а отсиживающиеся за океаном США – около 10 тыс., или в 27 тыс. раз меньше). Наша Родина внесла основной вклад в победу над немецким национализмом и японским милитаризмом, жертвуя своими людьми и после изгнания гитлеровцев за границы СССР. Большинство стран Европы «легло под Гитлера» почти без сопротивления, надеясь на жертвенное освобождение их народов красноармейцами, что и случилось: «Безвозвратные потери Красной армии при освобождении европейских стран составили около миллиона человек. А всего участвовали в освобождении 16 стран Европы около 9 миллионов советских граждан...» [3, с. 5]. В знак «благодарности» потомки сносят памятники своим освободителям и переписывают историю. Нельзя этого не запомнить.

Специалисты психологии и других областей гуманитарного знания давно обратили внимание на то аксиоматичное обстоятельство, что память народа отбирает на хранение и для пользования будущими поколениями преимущественно трагические страницы своего существования, которые помечены огромными жертвами. Священная война середины прошлого века никогда не будет забыта нашими людьми

– вопреки предательской, преступной или даже безмозглой управленческой деятельности горбачевых и яковлевых, ельциных и козыревых, бакатинных и чубайсов и иже с ними. Не будет забыта благодаря рожденной в глубинке страны акции «Бессмертный полк», бескорыстному волонтерству, «Поисковому движению России», деятельности Российского военно-исторического общества, заботе о ветеранах той страшной войны и участниках нынешней СВО, строительству новых и уходу за старыми памятниками, обелисками и мемориалами, объявлению 9 Мая общегосударственным праздником, и мы никогда не разменяем этот день на 8 мая европейцев. Наш «глубинный» народ помнит и никогда не простит болтовни соросовских либералов и членов «глубинного» правительства Ельцина конца прошлого века о том, что жертвы Великой Отечественной войны были напрасными, что нужно было сдать на милость гитлеровцев, которые сделали бы из нас цивилизованных людей. В газовых камерах, естественно.

Особо следует заявить о несомненной состоятельности обсуждения феномена памяти именно в уголовном праве. Поскольку основным назначением нашей отрасли является функция охраны важнейших благ и ценностей, она вместе с нравственностью и религией выступает неким консервантом общежития, защитником жизненного уклада, корнями уходящего в прошлое, поддержкой памяти о нем. Это значит еще, что криминалистам профессионально претит крайний авангардизм, митинговые экзальтации, политическое прожектерство, необузданные социальные фантазии, чем прославились «пенные выскочки демократии», которые в 90-х гг. прошлого века создали «дымовую завесу» для банального разворовывания страны и уничтожения народа, для дел, ставящих под угрозу само существование нации. Их усилиями образовалась «разруха в головах», благодатная почва для ликвидации этических норм и решения вопросов личного обогащения за счет народного достояния – все в русле служения, попутно служа антироссийским геополитическим интересам [4, с. 5, 10].

Так бывало и прежде. Разумеется, шлюзы для массовых психозов открываются меньшинством: в 1917 г. – российской интеллигенцией, помимо хандры некстати заболевшей «умственной чесоткой и нравственным ожирением»

[4, с. 511]; в 1991 г. – будущим офисным планктоном, проглотившим вирус протестантского эгоизма, оформленного под притягательную идею господства прав и свобод отдельно взятого человека над потребностями и ожиданиями остальных людей, а ныне публично навязывающим инертному большинству инновации в области половых отношений. Сблизить полюса общества, обеспечить гражданский мир и условия для народного единства, так необходимого в период СВО, должны управленцы, в первую очередь – юристы, представляющие публичные отрасли юриспруденции. В том числе посредством реализации уголовной ответственности за террористические и экстремистские преступления, публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска Национальной гвардии Российской Федерации (ст. 207³ УК РФ), уничтожение или повреждение, а равно нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей (ст. 243, 243¹), уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России (ст. 243⁴).

На что рассчитывали и к чему стремились организаторы конференции? *Первое*. Поскольку весна настоящего года законно ожидалась обильной на политические чествования юбилея Победы и научные симпозиумы гуманитариев, надо было не потеряться в этом многоголосье, сохранить преимущественно отраслевую заданность докладов и сообщений. *Во-вторых*, следовало внешне

чередовать и внутренне дезодорировать специализированные уголовно-правовые споры и разговоры духовно-нравственными установками и обращением к историческому опыту предков. *И третье*. 80 лет назад Победа добыта потом и кровью всех народов огромной страны под названием «СССР», и потому было некорректно, неправильно и даже кощунственно встречать юбилей по национальным квартирам. Была изначальная уверенность в том, что наши коллеги из стран СНГ испытывают тот же трепет перед подвигом фронта и тыла, что они найдут время и желание для общего прочувствованного обязывающего разговора, преодолению появившихся за годы независимости мелочные соседские обиды и раздражения, которые ничто по сравнению гигантским жертвенным и общим прошлым.

И эта уверенность оправдалась. На конференцию заявили как активные участники, т. е. докладчики, 55 ученых: 16 из пяти стран СНГ и 41 специалист из семи федеральных округов России. Приличный результат для провинциального вуза. Коллег из стран СНГ мы просили найти возможность упомянуть в своих докладах сведения о военном и трудовом вкладе их тогдашних союзных республик в общую победу, о приеме на постой в военные годы вынужденных переселенцев из западных областей СССР, о заботе о ветеранах и мемориальных комплексах в наше время, о наличии в национальном уголовном законодательстве положений об ответственности за посягательства на память о Великой Отечественной войне. И они откликнулись на призыв должным образом, совместив во время выступлений национальный колорит с самоотверженностью всего советского народа, жертвенное военное время с благодарным настоящим.

Разумеется, в сугубо информационном очерке невозможно даже в кратком виде представить сведения обо всех докладах, прозвучавших хотя бы в рамках пленарного заседания. Несомненно, самым запоминающимся событием конференции стал напористый и одновременно изящный, содержательный по фактам и убедительный по аргументам, побудительный по выводному знанию доклад **А. Г. Звягинцева** об исторической памяти, уроках Нюрнбергского процесса и современном политическом дискурсе о геноциде и военных преступлениях. Одно представление многосторонней подвиж-

нической жизни, должностей, статусов и регалий Александра Григорьевича может занять не одну страницу текста: писатель и историк, драматург, киносценарист и режиссер, государственный советник юстиции 1-го класса (2000), заместитель генерального прокурора России (2000–2016), вице-президент Международной ассоциации прокуроров (с 2015), президент Академии Нюрнбергских принципов, первый заместитель президента Академии российской словесности РФ, секретарь Союза писателей РФ, вице-президент Союза криминалистов и криминологов России, заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель директора по международному сотрудничеству Института государства и права Российской академии наук. Он является настоящим *золотником* просветительства, транслирующим обывателям знания о юридическом промысле в очень привлекательной культурной оправе, и к тому же он многие годы занимается охраной памяти о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне и освещением ее юридических итогов, где особо нужны пронзительность, искренность, изящество. Видеть и слушать таковые публичные выступления – истинное удовольствие.

Заместитель председателя Следственного комитета РФ, ведущий научный сотрудник Центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, генерал-полковник **Александр Вячеславович Федоров** – неистовый труженик теоретической и практикующей юриспруденции, искренне болеющий за судьбу страны, инициативно и самоотверженно бросающийся на самые сложные участки противодействия преступности, последние годы занимается анализом и популяризацией значения малоисследованного даже в нашей стране Хабаровского процесса над японскими военными преступниками 1949 г. – единственного национального суда над международными преступниками Второй мировой войны, которые впервые на планете применили бактериологическое оружие. Этому фрагменту военно-исторической памяти и было посвящено его выступление.

Директор государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укре-

пления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук и доцент **Игорь Анатольевич Мороз** не только возглавил целую делегацию своего учреждения на конференции, но и выступил с очень редким докладом о положительном влиянии национальных СМИ на формирование коллективной памяти о Великой Отечественной войне посредством публикаций о судебном процессе по обвинению В. Катрюка в совершении геноцида против многострадального белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.

Большую честь ростовской публике, присутствовавшей в зале, и гостям эфира оказал известнейший юрист-международник страны и мира, директор Юридического института Российского университета дружбы народов, заведующий кафедрой международного права РУДН, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ, автор более чем 750 научных работ, посвященных международно-правовой защите прав человека, международному гуманитарному, экологическому, морскому праву, праву мирного разрешения международных споров и европейскому праву **Аслан Хусейнович Абашидзе**. Его доклад – «Вклад России и ее ученых в становление и развитие международного гуманитарного права», – помимо исторической новизны и ценности сообщенных фактов, стал примером благородства в области генеалогии юридической мысли.

Вне всякого сомнения, украсил конференцию своим как всегда интеллигентным и духовно насыщенным докладом **Алексей Игоревич Овчинников** – наш коллега по институту, в миру еще и заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, главный редактор журнала «Вестник Юридического факультета Южного федерального университета», доктор юридических наук, профессор, а с недавнего времени – проректор по научной работе Донской духовной семинарии, иерей. Его выступление было посвящено многовековой связи христианства и русской правовой культуры, что заложило основы государственно-правовой идентичности России. Приятно сообщить,

что организаторы конференции предварили доклад Алексея Игоревича знаменитой военно-патриотической песней «Прощание славянки» в исполнении Митрополичьего хора Донской епархии, на фоне завершающегося строительством храма Георгия Победоносца – главного православного воинского храма Южного военного округа, расположенного в Западном микрорайоне Ростова-на-Дону. Как известно, данный марш написан трубачом Василием Агапкиным более ста лет назад, а позже это произведение стало самым узнаваемым за границами нашей страны музыкальным символом Российской империи, Советского Союза и нынешней Российской Федерации.

Носительница чистейшего русского языка, на протяжении многих лет сверкающая заразительными выступлениями по эксклюзивным темам, доктор юридических наук, ординарный профессор кафедры уголовного права и процесса Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина **Лейла Чынтургановна Сыдыкова** одарила слушателей и зрителей докладом по очень привлекательной, полностью отвечающей общей повестке дня, но еще и тянущейся к этническим корням своего народа теме – «Героический эпос “Манас” и память о ратных подвигах советских людей в годы Великой Отечественной войны в сознании народов Кыргызстана», причем с запоминающимися красивыми презентациями.

Столицу Ставрополя, Краснодарский университет МВД России и Северо-Кавказский федеральный округ представил на форуме **Алексей Григорьевич Кибальник** – профессор Ставропольского филиала названного вуза, доктор юридических наук, профессор, известная личность в науке уголовного и международного уголовного права, очень активный мобильный исследователь, откликающийся на любые научные собрания и дискуссии и запоминающимся образом участвующий в них. Его выступление было посвящено «одноразовым» судам с неоднозначной репутацией, называлось «Практика международных трибуналов по Югославии и Руанде по делам о военных преступлениях и преступлениях против человечности» и вызвало неподдельный интерес и вопросы слушателей.

Из самого центра Азии, где, как утверждает талантливый корреспондент Центрального

телевидения России Роберт Францев, «бьется сердце континента», дистанционно обратилась к коллегам с докладом на тему «Вклад населения Узбекской ССР в общую Победу и положения современного республиканского УК, направленные на защиту народной памяти о ратном подвиге предков в 1941–1945 годах» **Кумри-ниса Раимкуловна Абдурасулова** из Ташкента, Республика Узбекистан. Ныне она является профессором кафедры уголовного права, криминологии и противодействия коррупции Ташкентского государственного юридического университета, членом научно-консультативного совета Верховного Суда Республики Узбекистан, преподает и в других вузах своей страны, разумеется, обладательница ученой степени доктора юридических наук и ученого звания профессора. Ее сообщение было очень информативным и сопровождалось множеством презентаций.

Завершил пленарную сессию конференции представитель столичного кампуса, или головного вуза нашего института, профессор Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления РАНХиГС, доктор юридических наук, профессор **Владимир Солтанович Джатиев** – потомок гордого племени алан из нынешней Северной Осетии. Он посчитал полезным и нужным для живущих напомнить о подвижнической жизни доктора юридических наук, профессора, ветерана Великой Отечественной войны и антифашиста, декана юридического факультета Ленинградского госуниверситета Николая Сергеевича Алексева и об основных положениях его известнейшего фолианта о преступной стороне прошедшей войны, который называется «*Злодеяния и возмездие: Преступления против человечества*» и впервые был опубликован в издательстве «Юридическая литература» в 1986 году.

В завершение организаторы конференции подтвердили свои обязательства по изданию тематического сборника и попросили докладчиков не задерживать представление рукописей, а также по публикации трех лучших статей, отобранных в конкурсном порядке, в ваковском журнале «Северо-Кавказский юридический вестник».

Итогом работы конференции стало Обращение ее участников к коллегам из России и стран СНГ, которое публикуется ниже.

ОБРАЩЕНИЕ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Участники Всероссийской научной конференции с международным участием на тему «Память и уголовное право», посвященной 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, состоявшейся на базе Южно-Российского института управления Президентской академии в Ростове-на-Дону 18 апреля 2025 г., в процессе которой выступили с докладами и сообщениями ученые различных вузов и академических учреждений из семи федеральных округов России и 16 представителей уголовно-правовой науки из пяти стран СНГ, в преддверии Дня единых действий в память о геноциде советского народа нацистами и их пособниками

заявляют, что

в мире возрождается идеология нацизма и расовой исключительности, растут реваншистские настроения, чреватые новой мировой войной, которая станет для человечества самоуничтожительной и последней; юридические итоги Второй мировой войны не подлежат пересмотру, ибо многие годы они служили и еще могут послужить миру и безопасности всех народов планеты; 80-летие победного завершения войны странами антигитлеровской коалиции является важной датой для повышения миротворческой активности ученых и правозащитников, а равно бдительности политиков;

поддерживают

усилия политических лидеров и правительств своих стран по строительству многополярного мира в противовес прежней гегемонии и неокOLONIALным порядкам так называемых «цивилизованных народов»; объединительные процессы между независимыми государствами – бывшими союзными республиками в составе СССР, имеющими многовековой опыт взаимовыгодного культурного строительства и экономических обменов; стремления стран третьего мира к полному суверенитету и освобождению от финансовой кабалы международных банков; практику Республики Беларусь по привлечению к уголовной ответственности виновных в геноциде их народа в годы Великой Отечественной войны;

считают, что

Вторая мировая война, развязанная милитаристской Германией при попустительстве западных элит, законно воспринимается в странах бывшего СССР Отечественной или Священной в силу критичности ситуации (выживание населения и сохранение государственности) и огромных жертв наших народов, а также Освободительной для Европы и Дальнего Востока; основной вклад в общую Победу стран антигитлеровской коалиции внес Советский Союз; потомки победителей обязаны чтить память своих предков, в том числе посредством военных парадов и праздничных манифестаций граждан с приглашением ветеранов и лидеров других государств;

призывают коллег

к активности по разъяснению справедливости и огромной исторической важности Ялтинской мирной конференции руководителей СССР, США и Великобритании 1945 г., приговоров Нюрнбергского и Токийского международных трибуналов, Хабаровского процесса 1949 г.; к углубленной разработке феномена памяти и определения ее значимости для сохранения национальной идентичности, суверенности и надежной эволюции этносов; к опоре на исторические факты о войне 1941–1945 гг., максимальной объективности, самостоятельности и принципиальности в распространении знаний и собственных оценок драматических событий прошлого века; к признанию геноцида советского народа в годы войны;

обязуются

быть активными исследователями, проповедниками и защитниками исторической памяти о Великой Отечественной войне; поддерживать миротворческие усилия политического руководства своих стран; разделять идеи бескорыстного волонтерства в отношении защитников Родины и народного движения «Бессмертный полк»; откликаться благодарственными словами и оказанием помощи активистам «Поискового движения России», занимающимся поиском останков воинов и мирных граждан, погибших в годы войны, и их перезахоронением; своими публикациями

и выступлениями предупреждать попытки реабилитации нацизма и героизации нацистских преступников;

разделяют

предложение докладчика конференции, являющегося и правоведом, и священнослужителем Русской православной церкви, о введении в уголовное или административное законодательство России нормы об ответственности за «склонение женщины к искусственному прерыванию беременности путем уговоров, предложений, подкупа, обмана либо выдвижения ультимативных требований», поскольку Россия находится в кризисе рождаемости, что может привести к исчезновению народа как носителя исторической памяти и основы самого Российского государства.

Обращение принято по итогам его обсуждения участниками конференции с поручением оргкомитету распространить настоящий текст в максимально доступной публичной среде.

Оргкомитет

Председатель оргкомитета конференции профессор А. И. Бойко

Список использованных источников

1. Бойко А. И. Память и уголовное право: лекция для юриста, политика и обывателя. Ростов н/Д: Логос, 2005. 63 с.
2. Витте С. Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911. М.: Мысль, 1991. 718 с.
3. Звягинцев А. Геноцид: явление прошлого или трагическая данность настоящего? // Человек и закон. 2025. № 2. С. 4–11.
4. Подберезкин А. А. Русский путь. М.: РАУ-Университет, 1999. 592 с.

References

1. Boyko A. I. Memory and criminal law: a lecture for a lawyer, politician and ordinary person. Rostov-on-Don: Logos Publ., 2005. 63 p. [in Russ.].
2. Witte S. Yu. Selected memoirs, 1849–1911. Moscow: Mysl Publ., 1991. 718 p. [in Russ.].
3. Zvyagintsev A. Genocide: a phenomenon of the past or a tragic reality of the present? *Man and the Law*. 2025. No. 2. P. 4–11 [in Russ.].
4. Podberезkin A. A. Russian way. Moscow: RAU-University, 1999. 592 p. [in Russ.].

Поступила в редакцию 26.05.2025

Received May 26, 2025

Колесников Юрий Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой финансового права,
юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: yakolesnikov@sfedu.ru

Kolesnikov, Yuri A.,
Doctor of Law,
Professor,
Head of the Department
of Financial Law,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: yakolesnikov@sfedu.ru

**ОБЗОР РАБОТЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ПРАВО И ЭКОНОМИКА: ТРАЕКТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
ДОВЕРИЯ К ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ»
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЮЖНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**



**REVIEW OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL
CONFERENCE “LAW AND ECONOMICS: THE TRAJECTORY
OF BUILDING TRUST IN THE FINANCIAL SYSTEM
OF RUSSIA” OF THE FACULTY OF LAW
OF THE SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY**

АННОТАЦИЯ. 11 апреля 2025 г. на базе юридического факультета Южного федерального университета в г. Ростове-на-Дону состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Право и экономика: траектория формирования доверия к финансовой системе России». Особое внимание в рамках конференции было уделено молодежной секции, в которой приняли участие представители ведущих высших учебных заведений страны, включая Южный федеральный университет, Казанский федеральный университет, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростовский государственный университет путей сообщения, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, Ростовский институт (филиал) ВГУЮ РПА (Минюста России), Таганрогский институт управления и экономики, Адыгейский государственный университет.

Тематика выступлений охватила широкий спектр вопросов, отражающих взаимосвязь между правовыми механизмами и экономическим развитием в условиях цифровизации. Обсуждались такие темы, как правовое

ABSTRACT. On April 11, 2025, the All-Russian scientific and practical conference «Law and Economics: the trajectory of building trust in the financial system of Russia» was held at the Faculty of Law of the Southern Federal University in Rostov-on-Don. Particular attention was paid to the youth section within the framework of the conference, which was attended by representatives of the leading higher educational institutions of the country, including the Southern Federal University, Kazan Federal University, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov State Transport University, Crimean branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Rostov Institute (branch) of VSUJ RPA (Ministry of Justice of Russia), Taganrog Institute of Management and Economics, Adyghe State University.

The topics of the speeches covered a wide range of issues reflecting the relationship between legal mechanisms and economic development in the context of digitalization. The topics discussed included legal regulation of the digital economy, the impact of sanctions on economic activity, tax incentives and taxation features of the IT sector, the legal nature of digital rights and the digital ruble, the use of digital

регулирование цифровой экономики, влияние санкций на экономическую активность, налоговое стимулирование и особенности налогообложения ИТ-сектора, правовая природа цифровых прав и цифрового рубля, использование цифровых платформ в гражданском обороте, противодействие правонарушениям в сфере цифровых валют, а также роль финансового контроля, личных фондов и рейтинговых агентств в обеспечении устойчивости финансовой системы. Заявленные темы объединяет внимание к правовым аспектам трансформации экономики в условиях цифровизации и глобальных вызовов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровая экономика, финансовое право, налоговое право, цифровой рубль, цифровые права, устойчивость финансовой системы

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Колесников, Ю. А. Обзор работы Всероссийской научно-практической конференции «ПРАВО и ЭКОНОМИКА: траектория формирования доверия к финансовой системе России» юридического факультета Южного федерального университета / Ю. А. Колесников. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 133–145. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-16

platforms in civil circulation, counteracting offenses in the field of digital currencies, as well as the role of financial control, personal funds and rating agencies in ensuring the stability of the financial system. The announced topics are united by attention to the legal aspects of economic transformation in the context of digitalization and global challenges.

KEYWORDS: digital economy, financial law, tax law, digital ruble, digital rights, stability of the financial system

FOR CITATION:

*Kolesnikov, Yu. A. (2025) Review of the All-Russian Scientific and Practical Conference “LAW and ECONOMICS: the Trajectory of Building Trust in the Financial System of Russia” of the Faculty of Law of the Southern Federal University. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(2): 133–145 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-16*

С докладами выступили (в алфавитном порядке):

Багдасарян Л. А.

ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»
Науч. рук.: к.ю.н., доцент Мирзоян Р. Э.

Белогубова Е. Д.

ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»
Науч. рук.: к.ю.н., доцент Мирзоян Р. Э.

Бельшева Е. А.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
Науч. рук.: к.ю.н., доцент Киселева А. В.

Веригина С. С.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
Науч. рук.: д.ю.н., профессор Колесников Ю. А.

Глухо Н. О.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
Науч. рук.: к.ю.н., старший преподаватель Саркисян В. В.

Греховодова Ю. С.

Ростовский институт (филиал) ВГУЮ РПА (Минюста России)
Науч. рук.: к.соц.н., доцент Ангел О. Ю.

Дорошенко В. В.

Ростовский институт (филиал) ВГУЮ РПА (Минюста России)
Науч. рук.: к.соц.н., доцент Ангел О. Ю.

Зеленин В. А.

ФГАОУ ВО «Казанский федеральный университет»
Науч. рук.: к.ю.н., доцент Файзрахманова Л. М.

Камский Д. В.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
Науч. рук.: д.ю.н., профессор Колесников Ю. А.

Ковалишина К. В.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия им. В. М. Лебедева»
Науч. рук.: к.ю.н., доцент Евсикова Е. В.

Кулик А. А.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
Науч. рук.: д.ю.н., профессор Колесников Ю. А.

Папкина А. С.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
Науч. рук.: д.ю.н., профессор Колесников Ю. А.

Павлов О. В.

Таганрогский институт управления и экономики ТИУиЭ
Науч. рук.: д.фил.н., профессор Андреева О. А.

Плотников С. А.

Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС)
Науч. рук.: к.э.н., доцент Логвинова И. В.

Ситухо А. Н.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
Науч. рук.: д.э.н., профессор Белокрылова О. С.

Скиба А. Д.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
Науч. рук.: д.ю.н., профессор Колесников Ю. А.

Стройкова Е. Д.

ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»
Науч. рук.: к.ю.н., доцент Мирзоян Р. Э.

Шевченко Д. В.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
Науч. рук.: к.э.н., доцент Ермоленко О. Д.

Одиннадцатого апреля 2025 года на базе юридического факультета ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону) состоялась Международная научно-практическая конференция «ПРАВО и ЭКОНОМИКА: траектория формирования доверия к финансовой системе России». Традиционно молодежная секция конференции привлекает внимание актуальностью поднимаемых тем и свежим взглядом на правовые проблемы. Студенты и начинающие исследователи демонстрируют не только уверенное владение юридическим инструментарием, но и стремление к поиску нестандартных решений, что свидетельствует о высоком уровне подготовки и вовлеченности в научную дискуссию.

В этом году участники затронули широкий спектр вопросов заявленной тематики, открыла дискуссионную часть секции **Ю. С. Греховодова** с докладом «Развитие и формирование экономики в условиях информационных технологий», в котором отметила, что к концу XX в. технологическое развитие стало одним из ключевых факторов, определяющих место и роль государства в мировой политике и экономике. Прогресс в сфере информационных технологий стимулировал формирование нового экономического уклада – информационной экономики. Уже в 50-е гг. прошлого века американский экономист Ф. Махлуп выдвинул тезис о наступлении информационной экономики и превращении информации в важнейший товар [29]. Начало текущего столетия в современных теоретических концепциях прочно ассоциируется с развитием информационной техники и технологий, которые все чаще рассматриваются как основа современного общества.

Ю. С. Греховодова верно отметила, что развитие и формирование экономики в условиях информационных технологий (далее – ИТ) – это сложный и многогранный процесс, сопряженный как с огромными возможностями, так и с серьезными вызовами. Для успешного развития необходимы инвестиционная поддержка образования и переквалификации кадров, развитие инфраструктуры, регулирование рынка и разработка эффективных механизмов защиты данных и кибербезопасности. Только комплексный подход, учитывающий как экономические, так и социальные и этические аспекты, позволит максимизировать положительное

влияние ИТ на экономический рост и благосостояние общества.

Продолжила рассмотрение влияния информационных технологий на ключевые общественные институты **Е. П. Бельшева** с докладом «Правовая парадигма права в условиях цифровой экономики», отметив, что процессы цифровизации пронизывают все сферы жизни, и для обеспечения своевременного развития человеческого общества необходима модернизация социальных институтов. По причине чего, право, как инструмент институализации общественных отношений, неизбежно претерпевает изменения и новации. Это происходит прежде всего для того, чтобы избежать правовой неопределенности в действующем законодательстве, которая возникает из-за слишком стремительного развития технологий, внедряющихся в повседневную жизнь гражданина. И потому юридическая наука вынуждена поэтапно и вовремя менять правовую парадигму.

Как отмечает **А. А. Кулик** в докладе «Цифровая экономика на стыке права, финансов и доверия: как технологии меняют правила игры», инициатором значительных трансформаций в цифровой сфере может выступать внешнеполитический фактор, в частности – санкционная политика, применяемая в отношении Российской Федерации. В качестве примера приводится ситуация 2014 года, когда зарубежные платежные системы в одностороннем порядке приостановили операции нескольких российских банков. Этот прецедент стал катализатором для активного развития и структурной перестройки национальной платежной инфраструктуры. Существенные изменения были внесены в Федеральный закон «О национальной платежной системе», в частности – добавлена глава 4.1 «Национальная система платежных карт», регламентирующая создание, функционирование и регулирование платежной системы, не зависящей от внешних условий [23].

Новый вызов для национальной финансовой системы возник в 2022 году, в связи с ужесточением санкционного режима, в результате которого ряд российских банков был частично отключен от международной платежной системы SWIFT. Это решение вызвало необходимость ускоренного развития альтернативных механизмов трансграничных расчетов: внедрение цифрового рубля, регулирование криптовалют

и создание альтернативных международных расчетных платформ в рамках многосторонних союзов, в частности – БРИКС.

В докладе «*Цифровой рубль: особенности и перспективы развития в России*» **Д. В. Шевченко** подчеркивает, что в 2020 году Центральным банком был опубликован доклад, посвященный концепции внедрения и применения цифрового рубля, в котором криптовалюта оценивалась как ненадежное платежное средство, не выполняющее функцию денег. В данном докладе цифровой рубль рассматривается как дополнительная форма российской национальной валюты, которая будет эмитироваться Банком России в цифровом виде. Цифровой рубль сочетает в себе свойства наличных и безналичных рублей [2]. На сегодняшний день цифровые финансовые активы, в частности цифровой рубль, занимают актуальную позицию, позволяющую государству, бизнесу и населению страны оперативно и удобно осуществлять различные финансовые операции.

Логичным продолжением данного анализа стало выступление **В. В. Дорошенко**, посвященное более прикладному аспекту функционирования цифрового рубля, а именно «*Цифровой рубль как инструмент в борьбе с коррупцией*». Она указывает на то, что способом и инструментом в борьбе с коррупцией может стать цифровой рубль, который дополнил денежную систему страны 1 августа 2023 года. По состоянию на 1 июля 2023 года в этой системе уже совершено более 27 тысяч переводов и свыше 7 тысяч оплат товаров и услуг. Словом, платформа цифрового рубля в рамках «пилота» показала свою работоспособность и функциональность.

Данная форма денег, по мнению экспертов, может помочь государству в борьбе с коррупционерами и повысит контроль за целевым расходованием бюджетных средств. Использование цифровых активов повысит прозрачность и бюджетных платежей по госзаказам и госзакупкам. Есть такое понятие, как смарт-контракты. Деньги поступают на счет исполнителя бюджетного заказа в момент его завершения [1]. А также благодаря так называемому окрашиванию цифрового рубля можно будет отследить, куда именно компания, выигравшая государственный тендер, потратила деньги, выделенные из госбюджета.

Продолжая рассмотрение антикоррупционного и правоприменительного потенциала цифровых валют, **А. Д. Скиба** в докладе «*Противодействия нарушениям в сфере обращения цифровых валют: мировой опыт и практика в России*» на основе мирового опыта предполагает дальнейшее развитие регулирования цифровых валют в России.

Таким образом, в США цифровые активы приравниваются к традиционным деньгам. Регулирование осуществляется FinCEN и SEC. С 2013 года FinCEN трактует блокчейн-переводы как денежные, а криптобиржи – как финансовые учреждения [31]. В 2017 году SEC начала преследование за мошенничество в ICO [30], а в 2023-м запустила ETF на биткоин, закрепляя равенство с фиатом.

В ЕС основным документом стала директива 5AMLD (2018), обязавшая криптобиржи проводить проверки клиентов, сообщать о подозрительных операциях и регистрироваться в органах финансового надзора [28]. Однако регулирование в основном затрагивает отмывание доходов, а не другие преступления, что усложняет практику.

Китай полностью запретил операции с частными криптовалютами, сохранив только государственные [32; 33].

В России основным актом остается закон о цифровых финансовых активах, охватывающий только гражданско-правовые аспекты [24]. Изменения 2024 года затронули вопросы AML/FT и обязали вести перечень подозрительных криптоадресов [21]. По мнению А. Д. Скиба, вектор российского регулирования ближе к европейской модели, но на данном этапе требует серьезной доработки.

В докладе **Д. В. Камского** «*Анализ правовой природы цифровых прав как объектов гражданских прав*» отмечается, что первоначально в проекте закона № 424632-7 от 26.03.2018 предлагалась иная концепция цифровых прав. Они понимались как буквенно-числовой код в децентрализованной системе, удостоверяющей объекты гражданских прав при наличии уникального доступа [25]. В пояснительной записке цифровые права рассматривались как юридическая фикция, возможная лишь в цифровом пространстве [13].

Ключевыми признаками цифровых прав в первоначальной версии были: существование

исключительно в информационной системе; невозможность использования вне ее; защищенность от третьих лиц за счет алгоритмической природы кода. Они выступали способом удостоверения гражданских прав посредством использования цифрового кода, что не влияло на обоснованность их закрепления в ст. 128 Гражданского кодекса (далее – ГК РФ) в качестве самостоятельного объекта гражданских прав.

Однако ко второму чтению концепция изменилась, и своевременное определение, закрепленное в ст. 141.1 ГК РФ, отражает три признака: цифровые права охватывают обязательственные и иные права; их осуществление регулируется правилами информационной системы; признание цифровыми правами возможно только по закону. К цифровым правам в действующем законодательстве отнесены утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы [16].

Проблематика влияния цифровизации на традиционные механизмы гражданско-правового регулирования получила дальнейшее развитие в докладе **Н. О. Глухно** «Роль цифровых платформ в исполнении обязательств: проблема правового регулирования».

В доктрине цифровая платформа определяется через комбинацию цифровых услуг, единую цифровую среду и четкие правила, помогающие систематизации деятельности участников. В ГК РФ упоминаются цифровые права и цифровой посредник, однако последнее понятие больше соотносится с торговыми площадками, чем с платформами для смарт-контрактов.

Федеральный закон «О связи» вводит термин «электронный посредник», но применим он скорее к провайдерам. Проблемой остается и неурегулированность особенностей смарт-контрактов, например, невозможности их изменения. Предлагается восполнить пробелы через соответствующие нормы: например, ст. 309 ГК РФ в условиях сделки допускает исполнение при наступлении определенных обязательств, что может применяться к алгоритмам смарт-контрактов. Перспективным решением может стать создание отечественной платформы с возможностью изменения и расторжения договора по нормам главы 28 ГК РФ.

Россия движется к цифровой адаптации, таким шагом стало внесение в 2019 году в Граж-

данский кодекс изменений, направленных на адаптацию законодательства к цифровым реалиям, включая введение статьи 141.1, а также внесение изменений в статьи 160 и 309, что свидетельствует о ведущейся работе в этом направлении, пусть еще и не оконченной.

Актуальные вопросы влияния внешнеэкономических ограничений на макроэкономические показатели и предпринимательскую активность были затронуты в докладе **О. В. Павлова** «Влияние санкционного режима на торгово-экономическое развитие России: анализ влияния санкций на экономическую активность и возможности для бизнеса». Автор отметил, что в первые годы санкционного давления наблюдался спад экономики, однако к 2017 году российская экономика адаптировалась и показала умеренный рост. В последующие годы влияние санкций стало более дифференцированным, затрагивая отдельные отрасли в разной степени. В 2022–2023 годах экономика столкнулась с новыми вызовами, включая усиление санкционного давления, что потребовало масштабных мер поддержки со стороны государства.

В 2014–2015 годах инфляция достигла пиковых значений из-за ослабления рубля, но затем стабилизировалась благодаря мерам Центрального банка по ужесточению денежно-кредитной политики и повышению ключевой ставки. В последние годы инфляционное давление вновь усилилось на фоне внешних санкций и роста издержек производства, что потребовало дополнительных мер по регулированию цен и поддержке социально уязвимых слоев населения.

Санкционный режим оказал серьезное влияние на российскую экономику, затруднив доступ к капиталу и технологиям. Однако Россия продемонстрировала способность адаптироваться, развивая внутренние ресурсы и диверсифицируя торговые связи. В долгосрочной перспективе важными направлениями остаются поддержка инноваций, развитие инфраструктуры и усиление экономической независимости страны.

Продолжением обсуждения вопросов экономической адаптации в условиях санкционного давления стал доклад **А. Д. Белогубовой** «Основные направления налогового стимулирования импортозамещения». В своем выступле-

нии автор обозначила ключевые векторы налоговой политики, направленные на поддержку отечественного производства и снижение зависимости от внешних поставок.

Во-первых, одним из наиболее эффективных способов поддержки отечественных производителей является снижение налоговых ставок на прибыль для компаний, занимающихся импортозамещением. Это позволит не только увеличить производительность, так как теперь появится возможность больших инвестиций в свое производство, но и сделать более масштабным появление таких организаций [18].

Во-вторых, стоит уделить внимание появлению налоговых льгот, потому что создание новых производств часто связано с высокими первоначальными затратами. Налоговые льготы на прибыль, имущество и землю для новых предприятий могут существенно снизить финансовую нагрузку и ускорить процесс выхода на рынок. Так, например, малые и средние предприятия могут применять УСН с пониженными ставками налога (6 % от доходов или 15 % от разницы между доходами и расходами), что значительно упрощает налоговую отчетность и снижает налоговую нагрузку [9].

Для стимулирования инноваций и разработки новых технологий, связанных с импортозамещением, государство предлагает налоговые льготы для компаний, занимающихся научными исследованиями и разработками (НИОКР). Это может включать увеличение доли затрат на НИОКР, которые могут быть вычтены из налогооблагаемой базы, и предоставление субсидий на проведение исследований [19].

Не стоит забывать, что государство, а именно его программы поддержки, играет важную роль в налоговом стимулировании импортозамещения. Так, например, программа «Промышленность России» дает возможность получения субсидии на модернизацию оборудования. Такой вид финансовой помощи служит инструментом для обновления производственных мощностей, что также может повысить конкурентоспособность.

В русле налоговой тематики прозвучал и доклад **Л. А. Багдасаряна** «*Правовое регулирование туристического налога в Республике Адыгея*».

В России в последние годы роль туризма значительно увеличилась. Для развития данной отрасли с 2025 года введен туристический

налог [8], взамен экспериментально введенного курортного сбора, который затронет все российские территории.

Ставки туристического налога будут варьироваться в зависимости от региона и типа размещения. Например, в Республике Адыгея 1 % в 2025 году, а с 2029 года 5 %, но не ниже минимального налога в 100 руб. за сутки проживания.

Проанализировав нормативно-правовые акты муниципальных образований Республики Адыгея, **Л. А. Багдасарян** установил, что льгота предоставляется лишь в двух из них: в Старобжегокойском сельском поселении – почетным гражданам, а в МО Яблоновском городском поселении – отдельным категориям граждан, включая пенсионеров, участников СВО и иных лиц, имеющих заслуги перед обществом [17]. При этом требования к средствам размещения обязывают, чтобы они принадлежали плательщику, находились на территории взимания налога [8].

Введение налога имеет плюсы (увеличение доходов бюджетов муниципальных образований, поддержание чистоты в муниципалитете) и минусы (увеличение нагрузки на гостиницы, рост цен на гостиничные услуги). Для реализации цели введения нового налога необходимы четкое законодательное регулирование, прозрачность в использовании средств, а также изучение международного опыта в данной сфере.

В региональном контексте вопросам социально-экономического развития была посвящена работа **А. Н. Ситухо** «*Территория опережающего развития в Ростовской области: анализ состояния и перспектива развития*». В конце 2013 года президент В. В. Путин предложил создать территории, на которых действует специальный налоговый режим с целью развития депрессивных регионов для улучшения их экономического положения, в т. ч. развития обрабатывающих производств. Изначально предполагалось распространить данный режим только на территории Дальнего Востока, однако позднее он был распространен на монопрофильные города (моногорода) и закрытые территориально-административные образования (ЗАО) [3].

Целью образования таких территорий является создание преференциальных налоговых режимов, которые бы предлагали налоговые

льготы взамен на инвестиции в такие города. В итоге финансовые вложения в регионы должны были способствовать диверсификации производств в городах, созданию новых рабочих мест, повышению социально-экономического уровня жизни, увеличению объемов производства в т. ч. высокотехнологичной продукции с ориентацией на экспорт [26].

В результате в конце 2014 года был принят федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», который и утвердил правовой статус таких территорий. Также на его основании были внесены изменения в Гражданский, Градостроительный, Трудовой, Земельный, Лесной кодексы РФ и др.

Для моногородов была предусмотрена отдельная процедура присвоения статуса ТОР и его сохранения в течение десяти лет с возможностью продления. Что касается Ростовской области, то статус моногородов присвоен трем городам – Гуково, Донецку и Зверево на основании постановления Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р, в 2018 году в их границах были созданы ТОРы. На начало 2025 года здесь функционирует 31 резидент, которые с помощью государственной поддержки развивают производство на бывших шахтерских территориях.

Что касается налоговых преференций, то можно выделить следующие:

- налог на добычу полезных ископаемых – коэффициент 0;
- земельный налог – 0 % вместо 1,5 %;
- налог на имущество – 0 % вместо 2,2 % (только 5 лет);
- налог на прибыль – 0 % вместо 25 % первые пять лет; 10 % в 6–10 лет функционирования на территории (отчисления только в региональный бюджет).

Также предприятиям предоставляются субсидии на подключение к объектам инфраструктуры в размере 80 % от затрат на подключение, а также доступ к льготному кредитованию со ставками от 1 % и 3 % в зависимости от размера займа и цели приобретения.

Несмотря на наличие вышерассмотренных преференций в научной литературе существуют сомнения в их эффекте на развитие моногородов и диверсификацию их производств [3]. Тем не менее данный инструмент представляет

собой эффективный инструмент поддержки вновь созданных предприятий в моногородах.

Вопросы трансформации налоговой политики в условиях цифровизации отечественной экономики были затронуты в докладе **Е. Д. Стройкова** «Налогообложение российских ИТ-компаний».

До наступления 2025 года налогообложение ИТ-компаний в России осуществлялось по следующим правилам: с 2022 по 2024 год включительно действовали специальные сниженные ставки налога, при условии наличия аккредитации и доли доходов от ИТ не менее 70 % (п. 1.15 ст. 284 НК РФ) [8].

В этом случае ставка налога на прибыль составляла 0 %. Для организаций, применяющих упрощенную систему налогообложения, регионы могли устанавливать сниженные ставки. Например, в Подмосковье для УСН «доходы» ставка была равна 1 %, а для УСН «доходы минус расходы» – 5 %. Условия оставались прежними: компания должна иметь аккредитацию, и доля доходов от ИТ должна составлять не менее 70 %.

Также существовали различные тарифы страховых взносов:

- 1) для обычных организаций – 30 % с выплат работникам до 1 917 000 ₽ и 15,1 % с выплат, превышающих эту сумму;
- 2) для малого и среднего бизнеса – 15 % с зарплат выше МРОТ;
- 3) для ИТ-компаний – 7,6 % с выплат до 1 917 000 ₽. Взносы не начисляются на суммы свыше этой отметки (п. 2.2 ст. 427 НК РФ) [8]. При этом взносы на травматизм оплачиваются в общем порядке.

Следует отметить, что для ИТ-компаний до конца 2024 года действовал мораторий на плановые неналоговые проверки (например, трудовые), а выездные налоговые проверки не проводились до марта 2025 года, за исключением отдельных случаев по согласованию с ФНС [10].

Что касается изменений в налогообложении ИТ-компаний в наступившем 2025 году, то согласно поправкам к Налоговому кодексу ставка налога на прибыль составила 5 %. Для сравнения, компании без льгот обязаны уплачивать основную ставку в размере 25 %. Эти изменения будут действовать до 2030 года.

Ранее представители отрасли информационных технологий платили ставку в размере 3 %, а в 2022 году были освобождены от этого нало-

га в рамках меры государственной поддержки в условиях санкций. Поддержка по страховым взносам для IT-компаний останется неизменной и будет бессрочной.

Проблематика выстраивания эффективных и сбалансированных отношений между налогоплательщиками и налоговыми органами получила развитие в докладе **С. С. Веригиной** «*Взаимодействие налогоплательщиков и налоговых органов на основе принципа взаимного доверия: перспективы и риски*».

Взаимное доверие и ранее имело значение в процессе взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков, однако новой вехой в построении отношений указанных субъектов можно считать Манифест ФНС России 2022 года: «100 % взаимного доверия и 0% издержек» – как новая миссия ФНС России [14]. Миссия по обеспечению взаимного доверия сопровождается различными мероприятиями – это и расширение информационного взаимодействия налоговых органов с налогоплательщиками, повышение открытости для налогоплательщиков процедур налогового администрирования и т. д. Цель Манифеста ФНС России, безусловно, заключается в улучшении климата в отношениях налоговых органов и налогоплательщиков. Такой риск-ориентированный подход имеет как определенные перспективы, так и некоторые риски.

К видимым перспективам можно отнести развитие правовой культуры, повышение правовой грамотности и ответственности за свои действия. При этом такие положительные моменты будут заметны как в деятельности налоговых органов, так и в деятельности налогоплательщиков.

В свою очередь, риски такого подхода «взаимного доверия» могут заключаться в недостаточной готовности как налоговых органов, так и налогоплательщиков идти на компромиссы, вступать в диалог. Представляется, что для того, чтобы обе стороны ушли от накаленных взаимоотношений и пришли к отношениям, построенным на принципе «100 % взаимного доверия», потребуются серьезная доработка правовой базы, финансовые затраты (зачастую и потери), эффективная работа с налоговыми органами и налогоплательщиками.

Об особенностях налогообложения личных фондов и их налоговых преимуществах рас-

сказала **А. С. Папкова** в докладе «*Личный фонд как новый инструмент структурирования активов, защиты капитала и оптимизации налогообложения*».

С августа 2024 года личные фонды были исключены из предмета регулирования ФЗ «О некоммерческих организациях» [21; 22], что значительно повысило интерес к ним как инструменту структурирования активов и защиты капитала. Личный фонд обеспечивает неприкосновенность имущества, конфиденциальность владения, управление разнообразным пулом активов, может участвовать в бизнес-структурах, а также эффективно использоваться в наследственном планировании.

Однако нормативное регулирование личных фондов является неполным. Проблемным остается вопрос, возникает ли НДС при передаче имущества фондом, особенно если оно использовалось в предпринимательской деятельности (например, у ИП на ОСН или в ООО). Статус такого имущества не определен: оно может рассматриваться либо как аналог вклада в уставный капитал, либо как безвозмездно полученный доход [22].

Дополнительные сложности вызывает передача имущества от третьих лиц, включая коммерческие организации. Не урегулирован вопрос амортизации активов фонда: имущество, используемое для получения прибыли, не имеет статуса целевого взноса, основного средства или нематериального актива, что повышает налоговые риски. Совершенствование законодательства о личных фондах остается актуальной задачей.

Об институте, способном оказывать влияние на российский фондовый рынок, рассказал нам **В. А. Зеленин** в докладе «*Влияние кредитных рейтинговых агентств на фондовый рынок Российской Федерации*». Кредитные рейтинговые агентства (далее – КРА) начали действовать в России с 2015 года с момента вступления в силу Федерального закона «О деятельности кредитных рейтинговых агентств...» [20]. Основной вид деятельности КРА – рейтинговая деятельность, включающая присвоение, пересмотр и отзыв кредитного рейтинга, а также прогнозы по ним на основе собственной методологии [20].

Рейтинги активно используются инвесторами и профессиональными участниками рынка,

в том числе на ПАО «Московская Биржа», где на начало марта 2025 года торгуются ценные бумаги 681 эмитента (всего 2929 бумаг) [27]. Более 35 млн частных инвесторов совершают сделки, а их доля в торговле акциями составляет 74 %, облигациями – 34 %, на срочном рынке – 64 % [15]. Это означает, что частные инвесторы формируют значительное влияние на рынок.

Банки, негосударственные пенсионные фонды (далее – НПФ) и страховые компании, в силу регуляторных требований, обязаны инвестировать в бумаги с определенным уровнем Рейтинга, установленным нормативными актами Банка России [5; 6; 12; 15]. Снижение рейтинга эмитента ведет к продаже его бумаг институциональными и частными инвесторами, что снижает рыночную стоимость активов и влияет на индексы биржи.

Таким образом, КРА, формируя рейтинги, прямо воздействует на стоимость ценных бумаг и динамику биржевых индексов «Московской Биржи».

К. В. Ковалишина в докладе «*Финансовый контроль как способ обеспечения устойчивости финансовой системы государства*» отмечает, что в современных условиях особую актуальность приобретает вопрос обеспечения устойчивости финансовой системы. Глобализация, цифровизация и появление новых финансовых инструментов создают как новые возможности, так и риски. В этой связи финансовый контроль становится ключевым механизмом финансовой безопасности, позволяя выявлять и устранять потенциальные угрозы.

Согласно Е. Ю. Грачевой, финансовый контроль – это деятельность уполномоченных органов по соблюдению законности при формировании и использовании публичных денежных фондов. Он выполняет функцию государственного управления и обладает собственными методами и формами реализации [4].

Однако в организации финансового контроля существует ряд проблем:

- отсутствие в законодательстве базовых понятий («финансовый контроль», «система органов финансового контроля»);
- фрагментарность контрольной деятельности;
- консервативность подходов, затрудняющая своевременное реагирование;

– слабая система управления финансовыми рисками.

По мнению Е. В. Овчаровой, отсутствует согласованность между финансовым контролем и производством по административным и уголовным делам, возникающим по результатам мероприятий финансового контроля [11]. Кроме того, как указывает К. В. Ковалишина, неэффективность межведомственного взаимодействия между органами контроля остается существенной проблемой [7]. Также остро стоит вопрос нехватки квалифицированных кадров, особенно в регионах, что требует усиления профориентации и создания условий для практической подготовки студентов.

В заключение следует отметить, что рассмотренные доклады и аналитические материалы отражают многоаспектное развитие экономических и правовых процессов в условиях цифровизации и трансформации финансовой системы России. В частности, ключевое внимание уделялось формированию информационной экономики, правовым аспектам цифровой трансформации, развитию цифровых валют и инструментов борьбы с коррупцией, а также вопросам регулирования цифровых активов и прав в гражданском обороте. Особое значение приобрели проблемы налогообложения, стимулирования импортозамещения и взаимодействия налогоплательщиков с контролирующими органами на основе принципа взаимного доверия. Кроме того, анализ региональных практик и мер поддержки IT-сектора позволил выявить основные вызовы и перспективы развития на муниципальном и федеральном уровнях. Все эти направления в совокупности формируют основу для дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы и повышения эффективности государственного управления в условиях цифровой экономики, способствуя устойчивому развитию и укреплению экономической безопасности страны.

Список использованных источников

1. Банк России: официальный сайт. Цифровой рубль. URL: <https://cbr.ru/fintech/dr> (дата обращения 06.03.2025).
2. Банк России «Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций». URL: https://www.cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble (дата обращения: 06.04.2025).
3. Белёв С. Г., Ветеринаров В. В., Козляков Г. С., Сучкова О. В. Территории опережающего развития как ин-

струмент поддержки предприятий в российских моногородах // *Финансы: теория и практика*. 2021. № 25(6). С. 54–67.

4. *Грачева Е. Ю.* Правовое регулирование финансово-контроля. М.: Норма, 2022. 208 с.

5. Инструкция Банка России от 29.11.2019 № 199-И «Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности капитала банков с универсальной лицензией» (зарег. в Минюсте России 27.12.2019 № 57008) // *Гарант*. URL: <https://base.garant.ru/73363119> (дата обращения: 29.03.2025).

6. Информационное сообщение Банка России от 28.04.2020 «Установлены уровни рейтинга долгосрочной кредитоспособности для целей инвестирования средств пенсионных накоплений и накоплений для жилищного обеспечения военнослужащих» // *Банк России: официальный сайт*. URL: https://cbr.ru/press/pr/?file=28042020_154240f_1.htm (дата обращения: 29.03.2025).

7. *Ковалишина К. В.* Проблемы и перспективы усовершенствования государственного финансового контроля в условиях цифровой трансформации // *Студенческий сборник научных статей по итогам проведения месяца науки, посвященного 10-летию воссоединения Крыма с Российской Федерацией*. Симферополь: ООО «Издательство Типография “Ариал”», 2024. С. 263–268.

8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ: [принят Гос. Думой 19 июля 2000 года: одобрен Советом Федерации 26 июля 2000 года] [ред. от 28.12.2024] // *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165 (дата обращения 29.03.2025).

9. НДС на УСН с 1 января 2025 года: самые важные нюансы // *КонтурЭкстерн*. URL: https://www.kontur-extern.ru/info/53637-nds_na_usn (дата обращения: 04.04.2025).

10. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ [ред. от 08.08.2024] // *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079 (дата обращения: 29.03.2025).

11. *Овчарова Е. В.* Финансовый контроль в Российской Федерации. М.: Зерцало-М, 2019. 224 с.

12. Положение Банка России от 01.03.2017 № 580-П... // *Гарант*. URL: <https://base.garant.ru/71624616> (дата обращения: 29.03.2025).

13. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 424632-7 // *Гарант*. URL: <https://base.garant.ru/57267885> (дата обращения: 29.03.2025).

14. Приказ Федеральной налоговой службы от 7 апреля 2023 г. № ЕД-7-19/232@ «Об утверждении Миссии ФНС России и Политики ФНС России в области качества на 2023–2026 годы» // *Федеральная налоговая служба: официальный сайт*. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/14461030 (дата обращения: 29.03.2025).

15. Решение Совета директоров Банка России об уровнях кредитных рейтингов, устанавливаемых в соответствии с Положением Банка России от 10 января 2020

года № 710-П // *Банк России. Официальный сайт*. URL: https://cbr.ru/about_br/dir/rsd_2022-04-29_53-01 (дата обращения: 29.03.2025).

16. *Садков В. А.* Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Волгоград, 2022. 211 с.

17. Ставки и льготы по туристическому налогу, установленные в УФН России по РА в 2025 году // *Федеральная налоговая служба: официальный сайт*. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn01/taxation/taxes/tourist_tax (дата обращения: 03.04.2025).

18. *Сухарев О. С.* Политика замещения импорта в условиях санкций // *Россия: Тенденции и перспективы развития*. Т. 17. Ч. 2. М.: ИНИОН РАН, 2022. С. 172–176.

19. *Троянская М. А., Тюрина Ю. Г.* Оценка мер налогового регулирования отдельных видов инвестиций // *Экономика. Налоги. Право*. 2013. № 3. С. 80–88.

20. Федеральный закон «О деятельности кредитных рейтинговых агентств в Российской Федерации, о внесении изменения в статью 76.1 Федерального закона “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 13.07.2015 N 222-ФЗ (последняя редакция) // *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182646 (дата обращения: 27.03.2025).

21. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 № 221-ФЗ (последняя редакция) // *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482417 (дата обращения: 28.03.2025).

22. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «О некоммерческих организациях» // *Российская газета*. 24.01.1996. № 14.

23. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 13.02.2025) «О национальной платежной системе» // *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625 (дата обращения: 28.03.2025).

24. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ (последняя редакция) // *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753 (дата обращения: 28.03.2025).

25. Законопроект № 424632-7 // *КонсультантПлюс*. <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=170238&dst=#kPbV3pUaUrpm82b91> (дата обращения: 28.03.2025).

26. *Зельднер А. Г.* Территории опережающего развития: состояние и перспективы привлечения инвестиций // *Вопросы экономики и права*. 2016. № 96. С. 46–51. EDN YINSYH.

27. Интернет-сайт ПАО «Московская Биржа». URL: <https://www.moex.com/ru/listing/securities.aspx> (дата обращения: 28.03.2025).

28. Directive (EU) 2018/843 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 amending Directive (EU) 2015/849 on the prevention of the use of the financial system

for the purposes of money laundering or terrorist financing, and amending Directives 2009/138/EC and 2013/36/EU (Text with EEA relevance). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2018/843/oj> (дата обращения: 28.03.2025).

29. *Machlup F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton: Princeton Univ. Press, 1962. Vol. 1–3.

30. Press Release “SEC Exposes Two Initial Coin Offerings Purportedly Backed by Real Estate and Diamonds”. URL: <https://www.sec.gov/newsroom/press-releases/2017-185> (дата обращения: 28.03.2025).

31. Remarks of Jennifer Shasky Calvery Director Financial Crimes Enforcement Network. URL: <https://www.fincen.gov/news/speeches/remarks-jennifer-shasky-calvery-director-financial-crimes-enforcement-network-3> (дата обращения: 28.03.2025).

32. 中华人民共和国刑法 // 刑法网 [Уголовный Кодекс КНР // Информационный ресурс уголовного права]. URL: <http://xingfa.org> (дата обращения: 28.03.2025).

33. 人民银行等七部门关于防范代币发行融资风险的公告 // 中华人民共和国中央人民政府 [Объявление о предотвращении рисков, связанных с финансированием посредством выпуска токенов // Официальный информационный ресурс Государственного совета КНР]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2017-09/04/content_5222657.htm (дата обращения: 28.03.2025).

References

1. Bank of Russia: official website. Digital ruble. Available at: <https://cbr.ru/fintech/dr> (date of access: 06.03.2025) [in Russ.].

2. Bank of Russia “Digital ruble. Report for public consultations”. Available at: https://www.cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble (date of access: 06.04.2025) [in Russ.].

3. *Belev S. G., Veterinarov V. V., Kozlyakov G. S., Suchkova O. V.* Advanced development territories as a tool for supporting enterprises in Russian single-industry towns. *Finance: theory and practice*. 2021. No. 25 (6). P. 54–67 [in Russ.].

4. *Gracheva E. Yu.* Legal regulation of financial control. Moscow: Norma Publ., 2022. 208 p. [in Russ.].

5. Bank of Russia Instruction of 29.11.2019 No. 199-I “On mandatory standards and supplements to capital adequacy standards for banks with a universal license” (registered in the Ministry of Justice of Russia on 27.12.2019 No. 57008). *Garant*. Available at: <https://base.garant.ru/73363119> (date of access: 29.03.2025) [in Russ.].

6. Information message of the Bank of Russia dated 28.04.2020 “Long-term credit rating levels have been established for the purposes of investing pension savings and savings for housing for military personnel”. *Bank of Russia: official website*. Available at: https://cbr.ru/press/pr/?file=28042020_154240f_1.htm (date of access: 29.03.2025) [in Russ.].

7. *Kovalishina K. V.* Problems and prospects for improving state financial control in the context of digital transformation. *Student collection of scientific articles based on the results of the month of science dedicated to the 10th anniversary of the reunification of Crimea with the Russian Federation*.

Simferopol: OOO Izdatelstvo Tipografiya Arial, 2024. P. 263–268 [in Russ.].

8. Tax Code of the Russian Federation (part two): Federal Law of 05.08.2000 No. 117-FZ: [adopted by the State Duma on July 19, 2000: approved by the Federation Council on July 26, 2000] [as amended on 28.12.2024]. *ConsultantPlus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165 (date of access: 29.03.2025) [in Russ.].

9. VAT on the simplified tax system from January 1, 2025: the most important nuances. *KonturExtern*. Available at: https://www.kontur-extern.ru/info/53637-nds_na_usn (date of access: 04.04.2025) [in Russ.].

10. On the protection of the rights of legal entities and individual entrepreneurs in the implementation of state control (supervision) and municipal control: Federal Law of December 26, 2008 No. 294-FZ [as amended on August 8, 2024]. *ConsultantPlus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079 (date of access: 29.03.2025) [in Russ.].

11. *Ovcharova E. V.* Financial control in the Russian Federation. Moscow: Zertsalo-M Publ., 2019. 224 p. [in Russ.].

12. Bank of Russia Regulation of 01.03.2017 No. 580-P.. *Garant*. Available at: <https://base.garant.ru/71624616> (date of access: 29.03.2025) [in Russ.].

13. Explanatory note to the draft Federal Law No. 424632-7. *Garant*. Available at: <https://base.garant.ru/57267885> (date of access: 29.03.2025) [in Russ.].

14. Order of the Federal Tax Service of April 7, 2023 No. ED-7-19/232@ “On Approval of the Mission of the Federal Tax Service of Russia and the Policy of the Federal Tax Service of Russia in the Field of Quality for 2023-2026”. *Federal Tax Service: official website*. Available at: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/14461030 (date of access: 29.03.2025) [in Russ.].

15. Decision of the Board of Directors of the Bank of Russia on the levels of credit ratings established in accordance with Bank of Russia Regulation dated January 10, 2020 No. 710-P. *Bank of Russia. Official website*. Available at: https://cbr.ru/about_br/dir/rsd_2022-04-29_53-01 (date of access: 29.03.2025) [in Russ.].

16. *Sadkov V. A.* Digital financial assets as objects of civil rights and their turnover: author’s abstract. dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.03. Volgograd, 2022. 211 p. [in Russ.].

17. Rates and benefits for tourist tax established in the Federal Tax Service of Russia for the Republic of Armenia in 2025. *Federal Tax Service: official website*. Available at: https://www.nalog.gov.ru/rn01/taxation/taxes/tourist_tax (date of access: 03.04.2025) [in Russ.].

18. *Sukharev O. S.* Import substitution policy under sanctions. *Russia: Development trends and prospects*. Vol. 17. Part 2. Moscow: INION RAS, 2022. P. 172–176 [in Russ.].

19. *Troyanskaya M. A., Tyurina Yu. G.* Assessment of tax regulation measures for certain types of investments. *Economy. Taxes. Law*. 2013. No. 3. P. 80–88 [in Russ.].

20. Federal Law “On the Activities of Credit Rating Agencies in the Russian Federation, on Amending Article 76.1 of the Federal Law “On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)” and on Recognizing as Invalid Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian

Federation” dated 13.07.2015 N 222-FZ (latest revision). *ConsultantPlus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182646 (date of access: 27.03.2025) [in Russ.].

21. Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated 08.08.2024 No. 221-FZ (latest revision). *ConsultantPlus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482417 (date of access: 28.03.2025) [in Russ.].

22. Federal Law of 12.01.1996 No. 7-FZ (as amended on 13.12.2024) “On Non-Commercial Organizations”. *Rossiyskaya Gazeta*. 01.24.1996. No. 14 [in Russ.].

23. Federal Law of 27.06.2011 No. 161-FZ (as amended on 13.02.2025) “On the National Payment System”. *ConsultantPlus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625 (date of access: 28.03.2025) [in Russ.].

24. Federal Law “On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated 31.07.2020 No. 259-FZ (latest revision). *ConsultantPlus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753 (accessed: 28.03.2025) [in Russ.].

25. Bill No. 424632-7. *ConsultantPlus*. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=170238&dst=#kPbV3pUaUrpm82b91> (date of access: 28.03.2025) [in Russ.].

26. *Zeldner A. G.* Territories of advanced development: status and prospects for attracting investments. *Questions of Economics and Law*. 2016. No. 96. P. 46–51. EDN YINSYH [in Russ.].

27. Website of Moscow Exchange PJSC. Available at: <https://www.moex.com/ru/listing/securities.aspx> (date of access: 28.03.2025) [in Russ.].

28. Directive (EU) 2018/843 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 amending Directive (EU) 2015/849 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, and amending Directives 2009/138/EC and 2013/36/EU (Text with EEA relevance). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2018/843/oj> (date of access: 28.03.2025).

29. *Machlup F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton: Princeton Univ. Press, 1962. Vol. 1–3.

30. Press Release “SEC Exposes Two Initial Coin Offerings Purportedly Backed by Real Estate and Diamonds.” Available at: <https://www.sec.gov/newsroom/press-releases/2017-185> (date of access: 28.03.2025).

31. Remarks of Jennifer Shasky Calvery Director Financial Crimes Enforcement Network. Available at: <https://www.fincen.gov/news/speeches/remarks-jennifer-shasky-calvery-director-financial-crimes-enforcement-network-3> (date of access: 28.03.2025).

32. Criminal Code of the People’s Republic of China. *Information resource on criminal law*. Available at: <http://xingfa.org> (date of access: 28.03.2025) [in Chinese].

33. Announcement on the Prevention of Risks Related to Token Financing. *Official Information Source of the State Council of the People’s Republic of China*. Available at: https://www.gov.cn/xinwen/2017-09/04/content_5222657.htm (date of access: 28.03.2025) [in Chinese].

Поступила в редакцию 21.05.2025

Received May 21, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник юридического факультета Южного федерального университета» принимает для опубликования статьи и краткие сообщения, соответствующие следующим требованиям:

В журнале могут быть опубликованы статьи и материалы по юриспруденции, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности аргументации и выводов и рассматривающие вопросы, актуальные для юридической науки и правоприменительной практики.

Решение о публикации материала принимает редакция в течение месяца с момента получения материала. Предусматривается обязательное рецензирование статей членами редакции или иными ведущими специалистами в соответствующей области научного знания. Решение о публикации принимается на основе выводов, содержащихся в рецензии (слепое рецензирование). В течение месяца после поступления статьи в редакцию автору сообщается, будет ли его статья опубликована. Сообщение направляется на электронный адрес, указанный автором. Условием публикации статей и материалов, представляемых аспирантами, является наличие отзыва научного руководителя, рекомендации соответствующей кафедры (лаборатории) и положительная рецензия на данную статью (материал) члена редакции журнала (не являющегося членом кафедры (лаборатории), к которой относится автор).

Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее размещение в тех справочно-правовых системах (в том числе и в сети Интернет), с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение.

За достоверность и точность данных, приведенных в материалах, ответственность несут авторы.

Порядок направления статей в научно-практический журнал «Вестник юридического факультета Южного федерального университета»

Статьи предоставляются в электронном виде на сайте <http://urvestnikpravo.sfedu.ru/> через окно «Отправить материал».

1. НАЧАЛО. После процедуры регистрации или входа в систему необходимо выбрать язык, раздел, а также Вы должны прочесть и подтвердить требования к отправляемому материалу. Дополнительная информация указывается в комментариях для редактора.

2. ЗАГРУЗКА МАТЕРИАЛА. Вторым шагом необходимо загрузить материал, состоящий из следующих обязательных отдельных компонентов:

УДК

Метаданные. Метаданными статьи принято считать следующую информацию, представленную на **русском и английском языках** (необходимо выполнить профессиональный перевод):

- Название статьи
- Аннотация статьи
- Ключевые слова
- Сведения об авторах (соавторах): фамилия, имя и отчество полностью; ученая степень или научное звание (если имеются); место работы и должность, должность; место работы или учебы (с полным указанием наименования учреждения или вуза и его адреса); email.

Текст статьи

3. ВВОД МЕТАДААННЫХ осуществляется на **русском и английском языках** (необходимо выполнить профессиональный перевод)

- Название статьи
- Аннотация статьи
- Ключевые слова
- Список авторов
- Литература / References

4. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

5. ОТПРАВКА

Напоминаем требования к оформлению статей, представляемых для опубликования:

1. Формат текста:

Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word

Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14

Межстрочный интервал – 1,5

Абзацный отступ – 1,25 см

Поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см

2. Аннотация – 1000–1500 знаков / 150–200 слов, ключевые слова – не менее 5.

3. Объем публикуемого материала составляет 9–15 печатных страниц для статей, для сообщений – 5–6 страниц. Оригинальность для статей, входящих в рубрику «Общетеоретические и исторические проблемы юридической науки и практики» должна составлять не менее 70 %, для статей, входящих в другие рубрики, – не менее 60 %.

4. Нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

5. Ссылки оформляются в **квадратных скобках**, например [1, с. 44], то есть Источник № 1, страница № 44.

6. При оформлении **литературы** используйте Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Принцип подачи литературы в списке **АЛФАВИТНЫЙ**.

В список не включаются источники, не цитируемые в работе.

Оформление списка литературы согласно требованиям – **обязательно!**

7. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах *jpg, *tiff с разрешением не менее 300 dpi в палитре Grayscale.

В тексте обязательно должны присутствовать **ссылки на рисунки и таблицы**.

Иллюстративный материал должен быть **пронумерован**.

Рекомендуется придерживаться следующей логической структуры при написании статей:

- Вводная часть, в которой отражена постановка задачи (вопрос, на который дается ответ в статье), раскрывается предмет исследования, гипотеза, методология исследования.

- Основная часть, в которой могут быть разделы и подразделы, имеющие наименования. Желательны в основной части: обзор научной литературы с целью введения в проблему; исследовательская часть с системой доказательств и научной аргументацией.

- Заключительная часть, в которой отражены результаты исследования, основные выводы.

Редактор А. В. Стахеева
Оригинал-макет А. В. Стахеева
Дизайн обложки А. В. Киреев

Подписано в печать 24.06.2025. Выход в свет 24.06.2025
Бумага офсетная. Формат 60 × 84 ¹/₈. Усл. печ. л. 17,21. Уч.-изд. л. 14,83
Заказ № 10022. Тираж 300 экз.

Распространяется бесплатно

Издательство Южного федерального университета

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, д. 200/1, тел. (863) 243-41-66